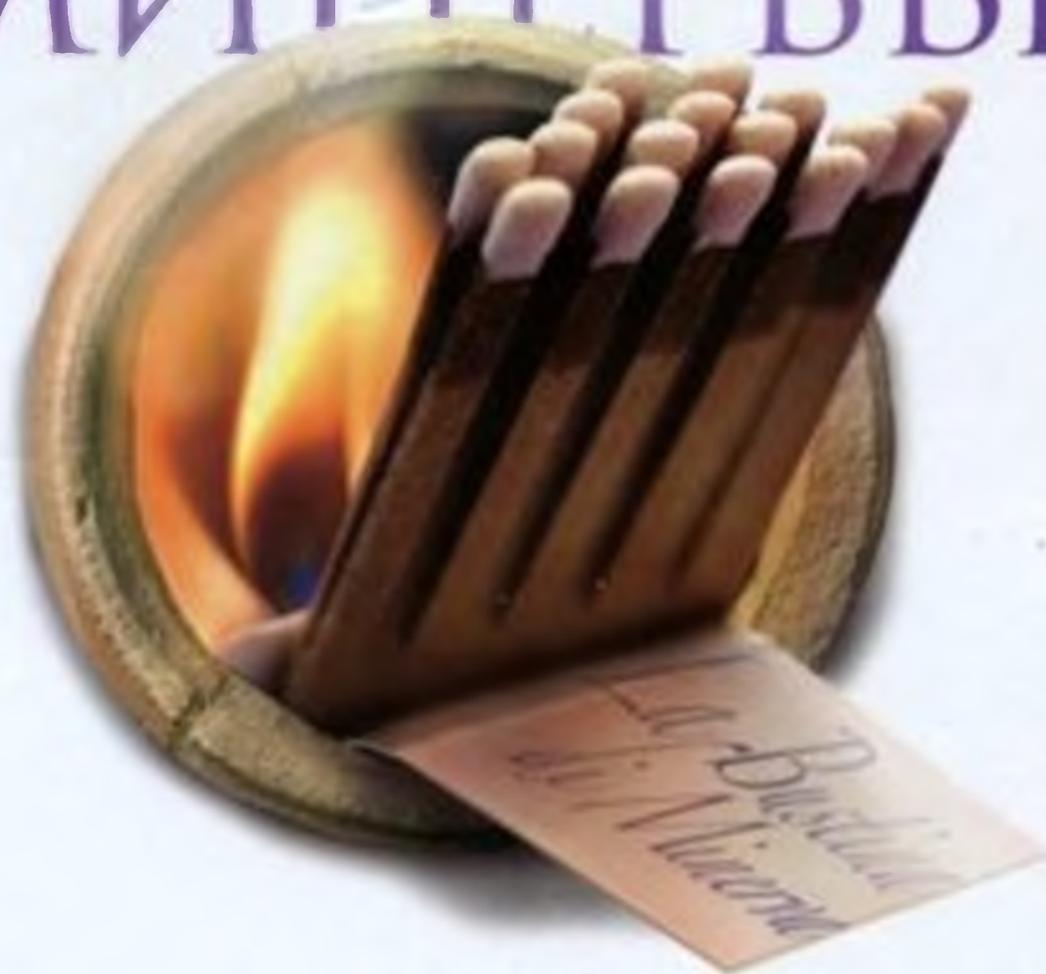

УМБЕРТО ЭКО КАРТОНКИ МИНЕРВЫ

ЗАМЕТКИ
НА СПИЧЕЧНЫХ
КОРОБКАХ

Умберто Эко

КАРТОНКИ

МИНЕРВЫ

Заметки на

спичечных

коробках

Предисловие

Рубрика «Картонки Минервы» с марта 1985 года появлялась в журнале «Эспрессо» еженедельно, а с марта 1988 года — раз в две недели. Некоторые «картонки», представляющие собой сатиру на современные нравы, были в 1992 году отобраны для книги «Второй минидневник», и среди исключенных, как мне кажется, есть достойные опубликования. Таким образом, задумав выборку, которая покрывала бы последнее десятилетие, я вынужден был рассмотреть около пятисот «картонок». Понятно, что около двух третей пришлось исключить.

Прежде всего были отсеяны «картонки», настолько связанные с каким-то событием, на которое я намекал в эллиптической форме, что я сам, перечитывая их через несколько лет, не мог понять, о чем идет речь. Такая тактика могла бы исключить все мои выступления на злободневные темы, но, если темы мне казались действительно важными, я взял более обширные статьи из других источников, например из книги «Пять эссе на темы этики» (издательство «Бомпиани», 1997). В двух случаях я решил поместить статьи, для которых формат «картонок» оказался недостаточным и которые я опубликовал в других местах: этим объясняется наличие в данном собрании статьи, посвященной делу Софри («Микромега» 3, 1997), и статьи, появившейся в «Републике» во время войны в Косово.

Также я вынужден был исключить многие «картонки», посвященные памяти ушедших друзей и учителей. Их оказалось слишком много для одного десятилетия — по той простой причине, что все люди смертны. Меня

утешает тот факт, что этих людей помнят и будут помнить долго, вне зависимости от моих прочувствованных некрологов.

Еще я выкинул все «картонки» (а они нравились читателям, судя по огромному количеству откликов, которые я получал), посвященные так называемым «забавам». Но многие из них я опубликовал во «Втором минидневнике», к тому же игры такого типа (весьма познавательные, поскольку вызвали к жизни целую школу соревнующихся между собой подражателей) уже появились в сети, на сайте Golem (www.rivistagolem.com).

Некоторые «картонки» я не включил, сочтя их излишними, в том смысле, что я год за годом возвращался к какой-нибудь одной теме. Два или три раза я слил воедино две «картонки», освещавшие одну и ту же проблему с двух разных сторон. И все же я пощадил несколько «скукотищ», поскольку в иных случаях возвращение к одной и той же теме означает, что данные явления или полемики раз за разом возникают в итальянских средствах массовой информации. В подобных случаях навязчивое повторение — вина не моя, а общества. Например, если каждый новый сезон вновь разгорается дискуссия о будущем книги, чувствуешь своим долгом утешить страждущие души, поскольку они никак не хотят утешиться сами, даже в свете совершенно очевидной истины.

В каких-то местах я подправил стиль, потому что «картонка» — еженедельная рубрика, а спешка ведет за собой небрежности без числа. Я устранил вступления, вводные слова и заключительные фразы, которые при повторном прочтении мне показались ненужными, и, наоборот, ввел краткие пояснения. Дело в том, что объем

«картонок» предписан еженедельником, поскольку они должны заполнить последнюю страницу: если текст слишком длинный, его сокращают; если слишком короткий, к нему обязательно нужно что-нибудь добавить. Таковы условия журналистской работы. И все же я должен сказать, что, сочиняя «картонки», я приобрел ценный опыт: попытаться выразить свои мысли в определенном количестве знаков — упражнение, которое я посоветовал бы любому.

Вы увидите, что во многих «картонках» речь идет не о современности. Может быть, стоит повторить то, что я уже говорил в самой первой «картонке» серии. Название рубрики связано с прямоугольными кусочками картона, к которым крепятся спички «Минерва», а еще с тем, что на обороте этих картонок часто записывают адреса, список покупок или (как это делаю я) стенографические заметки о том, что приходит в голову в поезде, в баре, в ресторане; когда читаешь газету, смотришь на витрину, роешься на полках в книжном магазине. И я установил с самого начала, что если каким-то вечером, по причинам, которые никого не касаются, я вдруг пустился в размышления о Гомере, значит, о нем я и напишу, хотя бы его имя и не появлялось в эти дни на первых полосах газет. Как видите, я частенько так поступал, хотя и не всегда писал о Гомере.

Другое правило, которому я следовал в этой рубрике, — то, что не стоит труда писать целую статью, доказывая, что нехорошо убивать свою маму, поскольку все и так согласны, что такое поведение неправомерно. Такая статья была бы довольно демагогическим излиянием прекрасных чувств. Возможно, следует что-то написать, когда слишком многие считают, что того, кто убил свою маму, тоже нужно убить, с полного одобрения государства.

Я не написал ни одной «картонки» о растлении малолетних или о скверном обыкновении бросать камни с виадука еще и потому, что предвидел: в данном номере еженедельника эти прискорбные явления будут с достаточной полнотой освещены и подвергнутся справедливому осуждению. Но когда в разных странах устраивались многолюдные марши против педофилов, мне казалось полезным прокомментировать именно это явление.

Вы увидите, что эти «картонки», несмотря на шуточный тон, почти всегда писались в порыве раздражения. Очень редко в них говорится о том, что мне нравится, и гораздо чаще — о том, что не нравится. Но в мире слишком много скверных вещей, достойных осуждения, и найдутся люди, которые тут же обвинят меня в том, что я умолчал о многом из того, что получило широкую огласку. Прошу прощения: в тот момент я отвлекся на что-то другое.

Милан,

5 января 2000

ТЕМНАЯ СТОРОНА ГАЛАКТИКИ

О расизме, войне и политкорректности

О миграциях

В прошлый вторник, пока все газеты посвящали бесчисленные статьи волнениям во Флоренции, устроенным выходцами из Северной Африки, в «Републике» появилась карикатура, изображающая два силуэта: огромная Африка, нависающая над маленькой Италией, а рядом — Флоренция, слишком миниатюрная даже для того, чтобы обозначить ее крохотной точечкой (и под ней подпись: «Где полиция нужнее всего»), В это же время в «Коррьере дела сера» была представлена история климатических изменений на нашей планете начиная с четвертого тысячелетия до нашей эры и до наших дней. И из этой подборки становилось видно, как благоприятные или неблагоприятные условия на том или ином континенте постепенно приводят к миграции — масштабным переселениям народов, которые изменили лицо планеты и создали те цивилизации, которые мы сейчас знаем из истории или благодаря непосредственному опыту.

Сегодня, говоря об острой для всех стран Евросоюза проблеме так называемых «внесоюзных лиц^[1]» (изящный

¹ «Внесоюзные лица» — не принадлежащие к странам Европейского Союза — так в Италии называют иммигрантов. (Здесь и далее, кроме особо отмеченных

эвфемизм, который, как уже не раз подмечалось, можно также применять к швейцарским гражданам и к тexasским туристам), мы по-прежнему считаем, что речь идет о явлении иммиграции. Действительно, когда несколько сотен тысяч граждан какой-то перенаселенной страны хотят перебраться на жительство в другую страну, (например, итальянцы — в Австралию), это иммиграция. И вполне естественно, что принимающая страна вправе регулировать поток иммигрантов в соответствии со своими возможностями ассимиляции. Что подразумевает также право арестовывать и высылать из страны иммигрантов-правонарушителей — точно так же, как и своих собственных граждан, если они совершают преступления, или богатых туристов, если они незаконно везут контрабанду.

Но сегодня в Европе мы имеем дело не с иммиграцией. Мы наблюдаем феномен *миграции*. Разумеется, она лишена стремительности и жестокости вторжения германских племен в Италию, Францию и Испанию, ярости арабской экспансии после Хиджры^[2] и неторопливости неисчислимых людских потоков, которые перенесли загадочные народы из Азии в Океанию и, возможно, в обе Америки через исчезнувшие ныне сухопутные перешейки. Но это другая глава истории планеты, которая видела цивилизации, образовавшиеся и исчезнувшие на гребнях великих миграционных волн. Сначала — с Запада на Во-

случаев, примечания переводчиков.)

² Переселение (*араб.*) — бегство Мухаммеда и его приверженцев из Мекки в Ясриб (Медину), произошедшее, согласно мусульманской традиции, в сентябре 622 года и положившее начало активной проповеди мусульманства с последующим объединением вокруг Мухаммеда многочисленных разрозненных племен. При халифе Омаре I (правил в 634–644) «год Хиджры» стал отправной точкой мусульманского летосчисления.

сток (но мы об этой волне очень мало знаем), потом с Востока на Запад, начиная тысячелетнее движение от истоков Инда к Геркулесовым столбам^[3] и потом, через четыре столетия, — от Геркулесовых столбов в Калифорнию и к Огненной Земле.

Нынче миграция не так заметна, потому что принимает обличье авиапутешествия, очереди в отдел регистрации иностранцев в муниципалитете или баржи с беженцами, пробирающимися с более бедного и голодного Юга в сторону Севера. Она напоминает иммиграцию, но это именно миграция — исторический процесс, значение которого сейчас невозможно оценить. Он происходит не перемещением огромных орд, после которых не растет трава там, где ступили копыта их коней, а отдельными незаметными группками, но, однако же, займет не столетия и тысячелетия, а десятилетия. И, как и во всех великих переселениях, конечным результатом его окажется этническая встряска территорий переселения, неизбежная смена обычаев, неостановимое перемешивание, которое изменит цвет кожи, волос, глаз местных жителей так, что это станет заметно статистически, — подобно тому, как немногочисленные норманны внедрились на Сицилии блондинов с голубыми глазами.

Великие миграции, по крайней мере в исторические времена, ужасают; поначалу, стремясь их избежать, римские императоры возводили одно *vallum* (укрепление) за другим, посылая вперед легионы для покорения находившихся поблизости чужеземцев; потом приходили к соглашению и упорядочивали первые установления, распространяя римское гражданство на всех подданных

³ Гибралтар.

империи; но в конце концов при падении римского владычества образовались так называемые романо-варварские королевства, которые дали начало нашим европейским странам, языкам, на которых мы сейчас с гордостью говорим, нашим политическим и общественным институтам. Встречая на ломбардской автостраде деревушки, носящие названия Узмате, Бьяндрате, мы уже не отдаем себе отчета, что эти окончания — лангобардские. С другой стороны, откуда взялись эти совершенно этрусские улыбки, что до сих пор можно заметить на стольких лицах в центральной Италии?

Великие миграции неостановимы. И надо просто приготовиться к жизни на новом витке афроевропейской культуры.

1990

Война, насилие, справедливость

Бывают ли справедливые войны? Дискуссия на эту тему, смущающая умы вот уже две недели^[4], осложнена неточностью определений. Это все равно что обсуждать, что тяжелее: две параллельные прямые или один квадратный корень. Чтобы понять, что не так с этим вопросом, попробую его переформулировать. Будем считать, что насилие — это зло. Но бывают ли случаи, когда насильственные действия оправданны? Понятно, что «оправданны» не значит «хороши и желательны». Биологически отрезать ногу нежелательно, но в случае гангрены это становится оправданно.

⁴ Т.е. с начала «Войны в заливе» — 17 января 1991 г.

Даже убежденные непротивленцы признают, что насилие бывает допустимым; в конце концов, даже Иисус, изгоняя торгующих из храма, повел себя несколько грубо. Не только религии, но и природная мораль подсказывает, что, если кто-то покушается на нас, на наших близких или просто на невинного и беззащитного, вполне естественно отвечать насильственным образом — до тех пор, пока опасность не будет устранена. И поэтому, когда провозглашается, что сопротивление — это оправданная форма насилия, подразумевается, что, оказавшись лицом к лицу с постоянными репрессиями и невыносимой тиранией, народ имеет право на восстание. Не вызывает также сомнений, что перед лицом агрессии одного диктатора все мировое сообщество также вправе реагировать насильственным образом.

Проблема возникает со словом «война». Это проблема такого же рода, как и со словом «атом». Им пользовалась греческая философия, и им пользуется современная физика, но в двух разных смыслах: когда-то им обозначали невидимую частичку, а теперь — совокупность элементарных частиц. Тот, кто станет читать Демокрита, применяя термин ядерной физики, ничего не поймет. И наоборот. Далее: кроме того, что в обоих случаях гибли люди, мало найдется общего между Пуническими войнами^[5] и Второй мировой войной. Более того, к середине XX века война приобрела вид феномена, который по размеру охваченной территории, возможностям управления, вовлеченности народов в других частях света имеет мало общего с наполеоновскими кампаниями. Коротко говоря, если в прошлом оправдываемая насильственная реакция на действия нарушителя могла принимать вид от-

⁵ Три войны (264–146 до н. э.) между Римом и Карфагеном.

крытых боевых действий, то сейчас возможна ситуация, когда боевые действия — это форма насилия, которая не осадит обидчика, а наоборот, подхлестнет его.

Последние сорок пять лет мы наблюдали другую форму насильственного сдерживания предполагаемого противника (я использую обтекаемые термины, потому что они могут относиться и к США, и к СССР) — холодную войну. Ужасная, неправильная, полная скрытых угроз, лишь местами вырывавшихся на поверхность, она исходила из той концепции, что открытая война не даст никакого преимущества «хорошим». Холодная война стала первым случаем, когда мир осознал, что понятие «войны» изменилось и что современная война не имеет ничего общего с классическими конфликтами, где в конце концов с одной стороны оказывались проигравшие, а с другой — победители (не считая таких редких случаев, как Пиррова победа). Если бы меня спросили месяц назад, в какой форме оправданная насильственная реакция могла бы заменить открытые боевые действия в случае с Саддамом, я бы ответил: холодное сдерживание, но очень серьезное, даже жестокое — вплоть до пограничных стычек, и с такой системой контроля (и созданием особой правовой базы), чтобы любой западный промышленник, который продаст Саддаму хоть гвоздь, угодил в тюрьму. И в течение года его оборонительные и наступательные технологии придут в полную негодность. Но что толку размышлять о вчерашнем дне.

Однако же размышления о завтрашнем дне и просто повседневные размышления говорят нам: если кто-то нападает на тебя с ножом, ты наверняка имеешь право ответить ударом кулака. Но если ты Супермен и знаешь, что твоя затрещина зашвырнет противника на Луну, это столкновение сместит наш спутник со своей орбиты, на-

рушится гравитационное равновесие, Марс врежется в Меркурий и так далее, — задумайся на мгновение. В том числе и над тем, что, возможно, гибель Солнечной системы — это именно то, чего хотел нападавший. И что ты ему не должен позволить.

1991

Изгнание, Рушди, Глобальная деревня

Не знаю, существуют ли исследования по истории преследуемого. Не преследования и нетерпимости как таковых — такие уже есть (как, например, неплохая книга Итало Мереу^[6]), а разборы роли и общественного назначения преследуемого. Не того, кто умер под ударами преследователей, а того, кто сумел ускользнуть, выбрав жизнь в изгнании.

В прошлом истории изгнания, как правило, были полны горестей и унижений. Ведь даже Данте, один из тех, к кому, в конце концов, неплохо относились за пределами родной Флоренции, обнаружил, тем не менее, «как горестен устам чужой ломоть»^[7]. Такие личности, как Джордано Бруно, прежде чем их схватили враги, пользовались огромным уважением на чужбине, но всегда находились люди, готовые возвести на них хулы и подстроить ловушку. Не говоря уж о Мадзини^[8], который,

⁶ *Итало Мереу* (р. 1921) — современный итальянский философ, автор книги «История нетерпимости в Европе» ("Storia dell'intolleranza in Europa", 1979).

⁷ Данте Алигьери, «Божественная комедия», «Рай», XVII, 58–59, перевод М. Лозинского.

⁸ *Джузеппе Мадзини* (1805–1872) — политик, революционер, один из вдохновителей объединения Италии. Провел в эмиграции во Франции и в

и без того склонный к меланхолии, в эмиграции всегда мрачнел еще больше.

В XX веке судьба изгнанника начала меняться к лучшему. С одной стороны, на него стало распространяться мрачное, бунтарское очарование проклятого поэта, порочного эстета. Вплоть до конца XIX века к этим типажам относились очень плохо, оттесняя на мансарды и обрекая на чахотку, а в следующем столетии они оказались ценным товаром: их стали принимать в хороших домах и в культурных учреждениях, приглашать на ужины, организовывать для них круизы и конгрессы, проводимые с целью исследовать закономерности бунтарства. С другой стороны, развитие духа демократии привело к тому, что все стали поддерживать изгнанников и оказывать им знаки внимания — этим живым символам борьбы с деспотизмом. И так вышло, что в XX веке положение беженца по религиозным или политическим убеждениям стало в конце концов если не приятным (оставим в стороне приступы ностальгии по далекой родине), то во всяком случае сносным. А кое для кого весьма выгодным — изображая из себя преследуемого, даже не будучи им, можно было рассчитывать на материальную помощь от какой-нибудь секретной службы.

Начать здесь следует с бежавших от революции русских великих князей. Хоть им и случалось работать танцовщиками в парижских кабаре, они были хорошо приняты и пользовались достаточным вниманием со стороны дам, которые хотели облагородить свои капиталы. Не будем говорить о кубинцах в Майами (вот где вечный праздник!), достаточно вспомнить, как в 60-80-е годы длилась бесконечная вечеринка политэмигрантов — сна-

чала чехословацких, потом чилийских, потом аргентинских, авторов самиздата и т. д. и т. п. — в соответствии с сезонными приливами энтузиазма (и охлаждения), спровоцированными разнообразными переворотами, революциями, сменами парадигмы.

Все закончилось с делом Рушди. Оно продемонстрировало: благодаря тому, что СМИ могут сейчас растрепать на весь мир, что Рушди приговорен к смерти, на этой планете больше не осталось места для изгнанника. Это что-то новое. Не то чтобы мы возвращаемся от позолоченного изгнания, характерного для XX века, к мучительному изгнанию прошлых веков. Просто-напросто больше некуда скрыться. Где бы ты ни был — ты на враждебной территории.

Можно привести банальное сравнение с необитаемым островом. В мире больше не осталось таких позабытых, не испорченных туризмом мест, куда можно было бы удалиться отдохнуть спокойно. На самом отдаленнейшем атолле найдутся какие-нибудь организованные «отдыхающие», прибывшие чартерным рейсом. И точно так же, только это уже не столь комично, в любой точке земного шара тебя может поджидать потенциальный убийца. А приказ уничтожить тебя может быть передан по сотовому телефону или как закодированное послание, невинное на первый взгляд, во время телевикторины.

Слова, казавшиеся некогда просто шуткой: «Остановите Землю, я слéзу», звучат сейчас отчаянной мольбой, обреченной пропадать втуне. Это как раз то, что Маклюэн называл «Глобальной деревней». Но глобальной не потому, что электронные средства коммуникации дают пользователям возможность полюбить и возжелать то же, что любят и желают их антиподы, отделенные о них

тысячами и тысячами километров. Для многих такая стандартизация стала источником удовлетворения и внутреннего покоя. И не потому, что теперь все стали нашими ближними. Глобальной она стала потому, что где угодно может возникнуть лицо врага, который совсем не является твоим ближним, желает совсем не того, чего желаешь ты, и совсем не расположен подставлять тебе вторую щеку, потому что метит прямо в сердце.

И нельзя слезть, нельзя остановить представление. Больше невозможно «уехать в деревню»: она стала настолько глобальной, что даже не получится больше показать врагу пятки, удирая от него по прямой. Это быстро сообщат другому, и он двинется тебе навстречу, огибая глобус.

1992

Сколько стоит обрушить империю?

В эти печальные дни, когда я читаю о жестокостях, творящихся на Балканском полуострове^[9], я вспоминаю свой разговор с Жаком Ле Гоффом^[10] вскоре после паде-

⁹ Имеется в виду Боснийская война 1992–1995 гг., острый межэтнический конфликт между вооруженными формированиями сербов и мусульмано-хорватской федерации, разгоревшийся на территории Республики Босния и Герцеговина сразу после ее отделения от Югославии и сопровождавшийся массовыми жестокостями в отношении мирного населения с обеих сторон. Общее число убитых составило 200 000 человек.

ния Берлинской стены^[11]. Уже чувствовалось, что советская империя крошится, хотя тогда трудно было предвидеть, как быстро все произойдет (возможно, благодаря глупому путчу в прошлом августе).

Ле Гофф начал тогда распределять темы и подбирать участников для серии книг по истории Европы, которые должны были выйти в четырех или пяти европейских издательствах^[12], и по этому случаю я предложил ему заказать книгу о цене падения империй. Вероятно, он кому-то это поручил, не знаю кому, но главное тогда было понять — во что обходилось падение империй прошлого, чтобы каким-то образом прикинуть неизбежные траты при разрушении империи советской. Теперь, думаю, пришло время не прикидок, а прямых сравнений.

Империя — всегда вещь стягивающая и ограничивающая: это как крышка, прижатая к бурлящему котлу. В какой-то момент внутреннее давление становится лишком сильным, крышка слетает, и происходит что-то вроде извержения вулкана. Я не хочу сказать, что, если бы крышка не слетела, было бы лучше; но ведь обычно она слетает по термодинамическим причинам, а в физике нет ничего нравственного или безнравственного. Я говорю только, что, пока она не соскочила, соблюдается порядок, а когда это произошло — приходится платить: все имеет свою цену.

Падение Римской империи породило кризис в Европе, который продолжался, в явном виде, по крайней

¹¹ 9 ноября 1989 г.

¹² Имеется в виду серия «Становление Европы», которая продолжает издаваться и поныне и для которой сам Эко написал книгу «Поиски совершенного языка в европейской культуре». По-русски серия выходит в издательстве «Александрия».

мере шесть веков. В сущности, эффект от этого долгого падения был замечен и в последующие века, и, возможно, то, что происходит сейчас на Балканах (православный Восток против католического Запада), — это все еще его отголосок. И если сегодня в Колумбии и в Перу происходит то, что происходит, и Латинская Америка не в состоянии поднять голос против Соединенных Штатов, это всё еще последствия очень медленного распада испанской колониальной империи. Что уж говорить о медленном растворении турецко-османской империи, Ближний Восток до сих пор за него расплачивается. Цену расщепления колониальной Британской империи не решусь даже прикинуть, а объединенная Италия возникла вследствие падения недолговечной наполеоновской империи.

От вскрытия удивительного австро-венгерского котла родились по меньшей мере нацизм, Вторая мировая война и конфликт на Балканах — в очередной раз. (Но там наложились истории падения по меньшей мере пяти империй: Римской, Византийской, Османской, Каканской^[13] и советской.)

Таким образом, когда обрушивается империя, последствия делятся веками. Что же касается исчезновения советской империи, — нет необходимости указывать на основные эффекты: конфликтный (хотя и объяснимый) распад государств во всей Восточной Европе, серьезные проблемы объединенной Германии, несчастья армян и грузин, вплоть до несчастий Буша: ведь сплетни о его

¹³ Какания — ироническое название Австро-Венгрии, от официальной австрийской

¹³ Какания — ироническое название Австро-Венгрии, от официальной австрийской аббревиатуры „K. u K.“, (kaiserlich und königlich — «кайзеровский и королевский»). Получила известность благодаря роману Роберта Музиля «Человек без свойств», в котором фигурирует как обобщенный образ второразрядной, забюрократизированной державы.

любовнице Дженнифер^[14] появились только потому, что ему больше не нужно было противостоять Империи зла. Если же вернуться к итальянским баранам, то и у нас окажется то же самое: кризис социалистической партии, бывших коммунистов, христианских демократов, прекращение действия всеобъемлющего пакта о ненападении между правительством и мафией (действовавшего начиная с высадки союзных войск на Сицилии^[15]) и новые сотрясения воздуха во всем мире по поводу того, что мафия не может больше жить спокойно, пользуясь поддержкой властей, чьи действия оправдывались ранее борьбой с коммунизмом. Словом, все то, что происходит в нашей злосчастной стране, связано падением советской империи в такой же степени, как и затруднения молодого Гавела^[16]. Даже в «Северной лиге»^[17] падение советской

¹⁴ Речь идет о многолетней помощнице Джорджа Буша-старшего, дипломате Дженнифер Фитцджеральд (р. 1932). Их любовная связь тянулась якобы с середины 70-х гг. (и сам Буш, и Фитцджеральд это категорически отрицали), вызывая как неурядицы в семье Буша, так и резкие возражения его сотрудников, недовольных возросшим влиянием рядовой сотрудницы. Впервые об этой связи было упомянуто в 1992 г. в журнале "Spy".

¹⁵ 17 февраля 1992 г. арестом президента уважаемой благотворительной организации было положено начало широкомасштабной капании по искоренению коррупции и мафиозных связей в высших эшелонах власти под названием «Чистые руки» (Le mani pulite).

¹⁶ Единодушно избранный президентом Чехословакии решением Федеральной ассамблеи в декабре 1989 г., 2 июля 1992 г. Вацлав Гавел не смог получить вотум доверия в парламенте (против него проголосовали словацкие депутаты) и 20 июля того же года был вынужден подать в отставку после того, как Словакия объявила о своей независимости.

¹⁷ «Северная лига» (Lega Nord) — сепаратистское движение в Италии, ратующее за отделение «индустриально развитого» Севера от «отсталого» Юга и создание «Республики Падании» со столицей в Милане (см. колонку «Хроники 2090 года»). Создана «Северная лига» в 1991 г., уже в 1992 г. прошла в парламент.

империи аукается в такой же степени, как и в хорватских устахах, сербском геноциде и отложении Словакии.

Цену падения империи стоит знать не для того, чтобы ее уменьшить. А для того, чтобы предвидеть будущие несчастья. История не повторяется всегда одним и тем же образом, и даже нельзя сказать, что сначала она происходит как трагедия, а потом повторяется как фарс. История всегда разворачивается как трагедия, в разных ее формах. Но существуют определенные законы, определенные принципы действия-противодействия. Благодаря их знанию историография все еще остается *magistra vitae*^[18] — в самом научном, а совсем не в риторическом смысле.

1992

Повешенье в прямом эфире, за ужином

Мне очень жаль, что компетентные органы не дали разрешения на трансляцию последней в США казни через повешенье по телевидению. Более того: приговоренного следовало казнить в восемь вечера по времени Восточного побережья, чтобы в Нью-Йорке можно был смотреть прямо за ужином, на Среднем Западе (где садятся за стол очень рано) — после ужина, рассевшись с пивом вокруг телевизора, а в Калифорнии — посасывая «дайкири» на бортике бассейна. Для нас, поскольку это будет уже глубокая ночь, следовало бы повторить сюжет в выпуске новостей на следующий вечер.

¹⁸ Учительницей жизни (*лат.*).

Очень важно, чтобы зрители сидели за столом: треск ломающейся шеи, шумы в брюшной полости и непродолжительное сучение ногами должны хорошо сочетаться с глотательными движениями (зрителей, я имею в виду). Электрический стул следует применять таким образом, чтобы осужденный пошкворчал хоть несколько секунд, — может статься, это совпадет с шипением яичницы на кухне. В случае с газом спектакль гарантирован: осужденному говорят медленно и глубоко вдохнуть, что уже само по себе очень телегенично; потом — хрипы. Инъекция менее желательна, теряется вся прелесть прямого телеэфира, она больше подходит для радио.

Я понимаю, что мое предложение не вызовет энтузиазма, особенно сейчас, когда итальянский «Дисней» запретил своим сценаристам заставлять дядюшку Скруджа заявлять, что он хочет задушить Дональда Дака, потому что это может восприниматься как призыв к насилию. Ужасно, что в погоне за кассой снимаются фильмы, в которых персонажей расстреливают из автоматов в астрономическом количестве, так что разлетаются куски мозга и льются ручьи крови. Но необходимо делать различие между вымыслами, способными смутить невинных (или спровоцировать неправильное поведение слабых духом), и теленовостями.

В отношении смертной казни весь мир разделился на две категории: тех, кто ее осуждает (как я), и тех, кто соглашается с ее необходимостью. Те, кто осуждает, могут не включать телевизор, раз уж чувствуют слабость в желудке, когда видят в программе смертную казнь. Но им следует по крайней мере участвовать каким-то образом в общем трауре. Если в этот час убивают человека, всем надо как-то участвовать — или просто молитвой, или чтением вслух Паскаля в кругу семьи. Следует понимать, что

в этот вечер творится бесчестье. Наблюдающие же за ним будут чувствовать себя в каком-то смысле более вовлеченными в осуждение этого варварства, не ограничиваясь заявлениями своего несогласия, — подобно тому, как вид на экране истощенного африканского ребенка доводит эту проблему до сведения каждого.

Но есть и те, кто поддерживает высшую меру. Они тоже должны смотреть. Предвижу возражения: я могу считать, что оперировать аппендицит — это хорошо, но, пожалуйста, увольте меня от этого зрелища во время ужина. Но смертная казнь — это другой вопрос, это не операция, с которой все согласны. Это вопрос смысла, ценности человеческой жизни, вопрос справедливости. Так что не надо разводить рассуждения. Если ты лично за смертную казнь, то должен быть готовым увидеть осужденного, который сучит ногами, отрыгивает, пускает пену, хрипит, кашляет и отдает Богу душу. В прошлом люди были честнее: они покупали билеты на экзекуции и радовались как сумасшедшие. Вот и ты, готовый отстаивать высшую справедливость смертной казни, должен «радоваться»: закусывая, выпивая, делая все, что в голову придет, — но ты не можешь делать вид, что ее не существует, раз уж поддерживаешь ее легитимность.

Мне скажут: «А как же насчет права на аборт?» Ну что? Новый катехизис допускает, что то или иное государство может узаконить смертную казнь. Он также говорит, что не следует делать аборт, то есть их не следует делать преднамеренно. Если же выкидыш произойдет от зрелища, как кто-то дрыгает ногами в пустоте, — это не грех.

New York, New York, what a beautiful town!

Есть множество зарубежных городов, которые я очень люблю и в которые всегда рад возвращаться: например, Барселона или Амстердам. Но когда меня спрашивают, в каком зарубежном городе я мог бы жить — то есть жить всегда, сделать его своим домом, — мой выбор всегда колеблется между Парижем и Нью-Йорком. Не только потому, что речь идет о двух прекрасных городах, но потому, что для того, чтобы решить: «Я умру в этом городе», надо быть уверенным, что тебя в нем никогда не будет мучить ностальгия. Так вот, в этих двух городах никакая ностальгия невозможна. О чем грустить, если всё здесь? Ты чувствуешь себя в центре мира, даже если сидишь взаперти. А если выходишь, то не нужна никакая цель: шагаешь, шагаешь, и все время видишь что-то новое.

„New York, New York, what a beautiful town, — поется в песенке^[19], — The Bronx is up and the Battery is down“. Нью-Йорк грязен, неорганизован; здесь никогда нельзя быть уверенным, существует ли еще ресторанчик, который тебе приглянулся на прошлой неделе, потому что за это время могли снести весь дом или весь квартал; тебя могут неожиданно пырнуть ножом (но не на каждом перекрестке; что хорошо в Нью-Йорке — так это то, что здесь по крайней мере известны улицы, где тебя вряд ли пырнут). Небо тут упоительно голубое, ветер бодрит, не-

¹⁹ «Нью-Йорк, Нью-Йорк, какой прекрасный город... с одного конца Бронкс, а с другого — Бэттери» (*англ.*). — Песня из мюзикла "On The Town («Увольнение на берег»), музыка Леонарда Бернштейна, слова Бетти Комден и Адольфа Грина; впервые поставлен на Бродвее в 1944 г., экранизирован в 1949 г.

боскребы блистают ослепительнее и благороднее Парфенона, и какое бы сооружение ни поместить в эту рамку — оно покажется прекрасным. Уже говорилось неоднократно, что жизнь здесь напоминает джем-сейшн. Импровизация и спонтанность порождают порядок и гармонию. Даже ужасное в Нью-Йорке восхитительно. Что же говорить о прекрасном!

Если хорошо его знаешь, то понимаешь: сворачивая за угол, ты всякий раз попадаешь в другой мир. Там были одни корейцы, а тут — одни поляки, сначала торгуют только часами, а после — только цветами. В какой-то момент улица окажется полна евреев-ортодоксов в черных шляпах, с бородами и пейсами, а две минуты спустя эта кипящая толпа шагаловских персонажей полностью исчезает, но если ты знаешь правильные Delicatessen^[20] — они все окажутся там. Еще десять минут прогулки — и ты на краю Центрального парка, где ребята из Джулиардской музыкальной школы устроили концерт барочной музыки. Передвинешься еще немного — и можешь рыться в развалах старых книг, спустишься на две ступеньки — и можешь покормить белочек на берегу озера, окруженного небоскребами в форме луарских замков. Это город насилия — и это город терпимости. Он собирает всех, некоторых бросает умирать, других делает счастливыми, не лезет в частную жизнь ни тех ни других. Поэтому он идеален для миллионера, но и для бродяги тоже. Однажды был проделан такой эксперимент: человека с ног до головы обрядили в средневековые доспехи и оставили в телефонной будке. Через десять минут кто-то нетерпеливо

²⁰ Недорогая закусочная. Первые забегаловки такого типа открыли еврей-эмигранты в начале XX в., откуда и взялось их немецко-идишское название (которое сейчас обычно сокращают просто до Deli).

застучал по стеклу — но лишь потому, что воин слишком долго занимал аппарат; что же до остального, то он мог вырядиться так или эдак, это никого ни касалось. Его личное дело. Нью-Йорк — полихромный город: в нем встречаются все цвета. В общем, Нью-Йорк — это чудо. Или, точнее, был им. Я не могу сказать, что больше никогда сюда не вернусь, потому что меня часто призывают сюда неотменяемые профессиональные обязанности, но, определенно, я буду стараться возвращаться сюда как можно реже: в штате Нью-Йорк восстановили смертную казнь.

Как можно жить в городе, где для того, чтобы объяснить, что нельзя убивать, — убивают? Где, чтобы отвратить кого-нибудь от мысли воткнуть мне нож в живот, меня подвергают риску, что непредвиденная судебная ошибка позволит сделать мне смертельную инъекцию в руку или еще куда-нибудь? Как я могу еще считать жизненнолюбимым город, которому предстоит жить в тени законенной смерти? Видеть в каждом встречном прохожем потенциальный труп да еще и знать, что большинство из них счастливы до безумия от такой перспективы, потому что они голосовали за тех, кто не остановился перед убийством.

Нью-Йорк — город, так щедро одаренный чувством свободы, что, возможно, что-то и изменится. Хоть он свыкся уже с запахом своих живописных мешков мусора, которые не убираются, он отреагирует на этот смертельный тлен и не смирится с тем, что лик Статуи Свободы выглядит как погребальная маска. Но пока что дело обстоит именно так^[21].

²¹ Смертная казнь в США была отменена в 1976 г. и восстановлена в штате Нью-Йорк 1 сентября 1995 г. 24 апреля 2004 г. Апелляционный суд штата признал

Какая жалость. „New York, New York, what a terrible town! The Bronx, The Park and the Battery are down!“^[22]

1995

Синагога Сатаны и «Протоколы Сионских мудрецов»

Я искренне восхищаюсь кардиналом Паппалардо^[23], его справедливой, благородной, страстной борьбой. Я считаю, что когда он, обличая преступников, употребил выражение «синагога Сатаны», то в виду имелось расхожее выражение с совершенно определенным риторическим смыслом. И все же осталась некоторая неловкость, и вполне естественно, что итальянская еврейская община почувствовала обиду.

Почему на ум приходит непременно синагога Сатаны, а не собор Сатаны и не храм беса? Выражение имеет свою историю. Я прочел в газетах, будто бы кто-то сказал, что это выражение происходит из «Протоколов Сионских мудрецов», этой, как известно, Библии антисемитизма и настольной книги Гитлера. Это неверно: в «Протоколах» есть гораздо худшие фразы, но только не такая — речи написаны от лица самих евреев, а значит, ради вящего правдоподобия фальшивки, богоизбранный народ

ее неконституционной и приостановил ее. С того времени вокруг возможности применения смертной казни (формально не отмененной) идет ожесточенная юридическая борьба. Впрочем, с момента ее формального восстановления реально смертная казнь в штате ни разу применена не была.

²² «Нью-Йорк, Нью-Йорк, что за жуткий город: Бронкс, Центральный парк и Бэттери погибли» (англ.).

²³ Кардинал Сальваторе Паппалардо (1918–2007) — архиепископ Палермо, выступавший против мафии.

никак не мог связать себя с Сатаной. Разве только русский издатель «Протоколов» Сергей Нилус, комментируя памфлет в 1905 году, говорит, что торжествующий царь Израиля, то есть Антихрист, завоевывает мировое господство, используя «всю мощь, весь ужас Сатаны».

То, что евреи заключили договор с нечистой силой, а значит, и Сатана, и грядущий Антихрист явно отдал бы предпочтение синагоге, — мысль не новая: ее выпестовал традиционный антисемитизм, и она появляется во множестве средневековых текстов. Но формулировка «синагога Сатаны» типична для антисемитизма XIX века.

В 1797 году аббат Баррюэль написал «Мемуары к истории якобинства», где показал, что Французская революция была заговором тамплиеров и масонов, к которому принадлежали Вольтер, Дидро, Тюрго, Кондорсе, д'Аламбер и Гольбах. Евреев Баррюэль не упоминал, но чуть позже некий капитан Симонини поставил ему на вид, что за кулисами стояли именно коварные иудеи, подхватившие традицию Горного Старца^[24] (который кстати сказать, был вообще мусульманин). С этого момента и начинается широкое, в международном масштабе обсуждение еврейского интернационала как подстрекателя всех революций. В 1868 году прусский реакционер Герман Гедше написал под псевдонимом Джон Ретклифф роман «Биарриц», где изображается, как представители двенадцати колен Израилевых встречаются ночью на кладбище в Праге и сговариваются захватить власть над миром. Чуть позже отрывок из этого повествования появляется как подлинный документ, якобы попавший в руки английского дипломата Джона Рэдклиффа, а в книге Бур-

²⁴ *Горный Старец* — глава раннесредневековой мусульманской секты хашишинов (асассинов), часто называемых террористами Средневековья.

нана («Иудеи, наши современники», 1881) подрывная речь приписывается главному раввину Джону Рэдклифу, на этот раз через одно «ф». Фальшивку подхватывает «Ревю дез этюд жуиф», и через длинный ряд подложных документов она наконец ложится в основу так называемых «Протоколов».

В католическом лагере эта идея несколько раз появляется в работах Гугено де Муссо^[25], особенно в книге «Евреи, иудаизм и иудаизация христианских народов» (1869), и автор получает особое благословение Пия IX. А термин, о котором мы говорим, вошел в обиход после появления в 1893 году книги «Франкмасонство — синагога Сатаны», которую написал монсеньор Мёрин, иезуит, архиепископ Порт-Луи на Маврикии. В обширном, более пятисот страниц, труде прелат ударяется в углубленный анализ еврейской каббалы, связывает ее с традицией гностиков и манихеев, с тамплиерами и наконец с рождением масонства, которое якобы тоже выдумали евреи. Он долго рассказывает о том, как Сатана являлся в ложи; показывает тесную связь между масонскими ступенями и еврейской мистикой.

То, как эта тема переходит из немецких и русских реакционных кругов в публицистику французских и итальянских иезуитов и к французским крайне правым кругам, опираясь на один и тот же весьма ограниченный набор апокрифов, детально воссоздано в книге, которую всем нам следовало бы прочесть: «Лицензия на геноцид» Нормана Кона^[26]. Кон, разумеется, разоблачает блеф, но другие авторы используют те же самые элементы для

²⁵ *Рожэ Гугено де Муссо* (1805–1876) — французский журналист и писатель.

²⁶ *Норман Кон* (1915–2007) — английский историк и писатель.

воссоздания мифа. Большой популярностью пользовалась изданная в 1924 году книга некоей Несты Уэбстер «Тайные общества и подрывные движения», где свалены в одну кучу масонство, социализм, большевизм и еврейская угроза (тем же приемом пользовалась и нацистская пропаганда).

И наконец, выражение «синагога Сатаны» широко применялось в католических легитимистских кругах XIX века и даже одушевляло романтическую, народническую тенденцию (вспомним отца Брешиани^[27]), плоды которой пылятся в библиотеках епископских семинарий. Это — готовая фраза, за ней тянется запах ее происхождения, даже если ее и употребляют в страстной проповеди, имея самые благие намерения.

1992

Снова о синагоге Сатаны

Профессор Пьетро де Лео, которым я особенно восхищаюсь за его прекрасное исследование о средневековых фальшивках, пишет в «Эспрессо», что в моей последней «картонке» о синагоге Сатаны я приписал это выражение реакционной публицистике XIX века или по крайней мере связал его с полемиками между Отцами церкви и средневековыми теологами, в то время как оно происходит из Откровения св. Иоанна (2:9). Верно. Однако в тот момент, когда я писал, все газеты ссылались на Откровение как на очевидный источник. Потом кто-то вспомнил, что фразу использовали в «Протоколах Сионских мудрецов», и я включился в дискуссию с этого места.

²⁷ *Антонио Брешиани* (1798–1862) — итальянский литератор, иезуит. Его стиль считается образцом церковной риторики того времени.

Кроме того, мне казалось тогда и кажется сейчас, что для кардинала было бы более лестно, если бы мы сочли, будто эта фраза застряла у него в голове как штамп старой церковной риторики, а не как цитата из Нового Завета.

Де Лео, однако же, полагает, что, поскольку в греческом языке, на котором писал Иоанн, слово «синагога» означало стечение людей или тайное сборище, «во время богослужения нельзя было точнее поименовать мафию, не нарушив при этом благочиния». Я вовсе не думаю, что, приписав кардиналу эту прямую цитату, мы окажем ему добрую услугу. Отрывок из Иоанна звучит так: «...знаю твои дела, и скорбь, и нищету... и злословие от тех, которые говорят о себе, что они Иудеи, а от не таковы, но сборище сатанинское». Пьетро Россанс (переводчик Священного Писания на итальянский язык) объясняет, что те, которые говорят о себе, что они Иудеи, а они не таковы, именно и есть евреи, ибо Иоанн считает истинными израильтянами только христиан. Вот почему этот отрывок из Откровения прочитывается в русле антииудаистской полемики.

Разумеется, Иоанн, который, между прочим, тоже был иудеем, имел полное право полемизировать со своими бывшими единоверцами, не признавшими Мессию. В конечном итоге он хотел сказать, что Ветхий Завет пресуществляется только в Новом, и все христианство основано на этом утверждении. Если ты христианин, то обязан думать так, и мир всему миру. Николай Кузанский, который так горячо желал слияния вер, однажды пообещал евреям, что если они признают свою ошибку, то Церковь за это велит всем христианам обрезать. Это — прекрасное, исполненное страсти обращение, в нем горит священный огонь борьбы за примирение вер, и, если отвлечься от организационно-экологической проблемы:

куда девать крайнюю плоть в таких космических количествах — шутка ли, сотни миллионом мужчин, — идея Кузанского представляет собой великолепный образец попытки срастить две ветви, имеющие общий корень.

Но, сколь бы ни были чисты намерения Иоанна, мы знаем, что данное расхождение насчет Иисуса как истинного Мессии превратилось с течением веков в этнический предрассудок и (нелишне будет вспомнить) в практику преследования. Этому способствовали апокрифические Откровения, где говорится, что Антихрист родится среди иудеев (Псевдо-Ипполит). Из многих подобных миллениаристских текстов, где описываются чудовищные черты Антихриста, и берет начало антисемитская иконография, которую мы затем обнаружим в нацистских манифестах.

К сожалению, значение слов изменяется с течением времени. «Имбецил» первоначально значило «слабый, без посоха» (хотя Девото и ставит под сомнение данную этимологию), и в таком смысле это слово употребляли еще Данте и Чекко д'Асколи^[28]. Но если кто-то сегодня обзовет имбецилом почтенного господина, который ходит с трудом, то он по всей справедливости получит повестку в суд. Ведь общеизвестно, гласит этимологический словарь Кортеладзо-Дзолли, что это слово окончательно приобрело пренебрежительный оттенок с тех пор, как Эскироль^[29] стал употреблять его в качестве психиатрического термина.

²⁸ Чекко д'Асколи, он же Франческо Стабили (1269–1327), — современник и друг Данте, автор поэмы «Горечь жизни», в которой он полемизировал с концепцией «Божественной комедии»; за свою поэму был сожжен на костре.

²⁹ Жан-Этьен-Доменик Эскироль (1772–1840) — французский психиатр.

То же самое случилось и с «синагогой»: пускай этимологически это слово значит собрание и стечение людей, а метафорически — тайное сборище; очень быстро оно приобретает совершенно конкретный смысл, а именно еврейский храм; по метонимии распространяется на иудаизм вообще, а под влиянием народного антисемитизма указывает на «смятение, сутолоку, шум и гам» (смотри «Универсальный словарь итальянской лексики» Девото Оли, Дзингарелли и т. д.).

А раз дело обстоит так, было неизбежно, что в полемике, какие устраивала реакционная публицистика XIX века (и далее), это слово еще более обросло негативными коннотациями, и мне показалось небесполезным проследить исторический путь «синагоги Сатаны» вплоть до нашего века. Увы, слова означают то, что вложила в них история, иначе готическими были бы только готы, а не Миланский собор.

Разве что мы уговоримся понимать под «синагогой» род ракообразных (я только сейчас вычитал это в словаре). Тогда евреи умолкнут. Но мафия-то тут при чем?

1992

Тело и душа

Недавно меня попросили определить, что такое для меня Нетерпимость, и я задумался об ответе, который был бы приемлем для человека любой идеологии и вероисповедания. Поэтому я ограничился пределами тела (своего, разумеется, но и прежде всего чужого). Мы говорим, слушаем, ходим, едим и пьем, стоим или лежим, отправляем свои нужды, соединяемся для удовольствия и по собственному выбору с другими телами, спим. Мешать кому-нибудь спать, подвешивать головой вниз, застав-

лять жить среди собственных испражнений, препятствовать говорить или слушать, что говорят другие, истязать, убивать — это плохо. Думаю, что эта элементарная база универсальной этики одинаково приемлема и для атеиста, и для верующего.

Чезаре Каваллери^[30] посвятил этому моему заявлению две статьи (в «Эко ди Бергамо»^[31] и «Аввенире»), сокрушаясь, что я толкую о теле, а не о душе, демонстрируя таким образом свою «мирскую» сущность (что один польский священник считал некогда просто неприличным). Каваллери игнорирует, что для ангелического доктора из Аквино^[32] способности души (*nobis ignotae*^[33]) выражаются у нас, простых смертных, только *verbo ei facto*^[34]; и, таким образом, уважать свободу других говорить, слушать и выбирать обозначает также — уважать в той же мере свое собственное достоинство.

Но что больше всего поражает в Каваллери (и что некоторым, сколь бы это не было невероятно, кажется проявлением истинного христианства) — это то, как он низывает, словно на шампур, утверждения, сочетающие глупость, ересь и богохульство, которые просто не могут не прогневить Бога. Глупость — это то, что моя высокая

³⁰ Чезаре Каваллери (р. 1936) — главный редактор (с 1965 г. по сей день) ежемесячного журнала «Католическая учеба» („Studi Cattolici“), тесно сотрудничающий с организацией „Opus Dei“.

³¹ «Бергамское эхо» (*ит.*) — бергамская газета; никакой связи с фамилией Эко здесь нет.

³² Имеется в виду Фома Аквинский.

³³ Нам неизвестные (*лат.*).

³⁴ В словах и делах (*лат.*).

оценка тела для него не что иное, как «пережевывание гностицизма»; это от гностиков, считает наш мыслитель, идет моя идея о том, что биологические законы тела есть источник законов моральных. Каваллери, конечно, не обязан знать, что основной чертой гностицизма было умаление плоти и материи (в то время как добрые христиане веруют в воскресение плоти). Ладно, никто не совершенен (в том числе и гностики), правда, лучше бы Каваллери справился в энциклопедии «Гардзанти», прежде чем писать о чем не знает. С другой стороны, его идея о соотношении между душой и телом, как это ни курьезно, имеет психосоматическое происхождение: он сам признает, что мои софизмы вызывают у него аллергию.

Обратимся к ереси: я нахожу воистину гностическим это нежелание считать тело божественным даром, этот страх, что законы биологии могут оказаться источником законов моральных. Приглашаю Каваллери подумать хорошенько еще раз над некоторыми из десяти заповедей. Откуда, спрашиваю я себя, родились запреты убивать, красть, предаваться порокам и говорить лжесвидетельства? А еще есть запрет возжелать жену ближнего своего — и здесь начинается самое мерзкое из того, что написал Каваллери.

В то время как я открыто пишу, что изнасилование тоже представляет собой насилие над телом (и над свободой) другого, Каваллери комментирует: «Разве в изнасиловании не уважается тело другого? Тело может даже испытывать удовольствие, это душе наносится оскорбление». Здесь одно из трех: или Каваллери никогда не насиловали и мама не рассказала ему, что случается при этих обстоятельствах (кое-что похуже аллергии!); или он смотрит только с точки зрения насильника, испытывающего удовольствие, и отождествляет себя только с ним, а

не с изнасилованным; или, поскольку «изнасилованный» — это обычно «изнасилованная», он признает, что все женщины — шлюхи, что все изнасилованные в глубине души сами того хотели и этому радовались: потом достаточно исповедаться (им!) и аминь, уязвленная душа спасена.

Далее Каваллери (не будем уж говорить о том, что думающие подобным образом отправятся прямехонько в ад, потому что ад создается до сих пор — и как раз из подобных фантазий, порожденных ущербной злостью) цитирует несколько пассажей из „Veritatis Splendor“^[35], в которых говорится о цельности человеческой личности и предостерегается, что эта цельность не должна сводиться к обычной биологической «норме». Но вместо того, чтобы понимать этот призыв в его прямом смысле, т. е. что не нужно основывать этику на одних только наших телесных позывах и удовольствиях, он приводит заковыченную папскую цитату, показывая, что ничего он не понял: «Источником и обоснованием безусловного уважения человеческой жизни является достоинство человеческой личности, а не только естественное стремление сохранения собственной физической жизни». Тут-то становится ясно, что Каваллери прочитал все мои утверждения так, будто я хотел основать этику на моем эгоистическом праве говорить, мочиться, занимать любовью (это право чего-то да стоит). Но я говорил о теле Другого — о том, которому Иисус заповедал не возвращать пощечину, возлюбить его и уважать его так же и (возможно) больше себя самого!

³⁵ «Сияние истины» (лат.) — энциклика Иоанна Павла II от 6 августа 1993 г., посвященная нравственным проблемам современного мира и роли в нем Католической церкви.

Об этой идее Каваллери даже не подозревает.

1993

Политкорректность или нетерпимость?

В одной из предыдущих «картонок» я говорил, что *политкорректность*, появившаяся в Америке для того, чтобы защищать права подавляемых меньшинств, чтобы противостоять всякой расовой дискриминации, становится новым фундаментализмом. Любой фундаментализм, основанный на том, что Истина может существовать в одном-единственном виде, а все прочие — отклонения от нее, не обязательно нетерпим (так что может даже не производить впечатления фундаментализма), но, безусловно, рискует сделаться таковым, изгоняя из общества тех, кто отклоняется от «генеральной линии».

Один мой друг, профессор в американском университете, рассказал о таком случае. Он курит, а поскольку в университетских корпусах это запрещено, в перерыве между лекциями он выходит покурить наружу. Некоторые студенты тоже курят и тоже выходят. Они стоят вместе и болтают минут десять. Между прочим, сам я поступаю точно так же: мои лекции длятся два часа, между ними у меня есть десятиминутный перерыв, я выхожу в сад или на улицу выкурить сигарету и там сталкиваюсь со студентами, подверженными тому же ужасному пороку (который, разумеется, не делает мне чести — но так уж устроен мир).

Так вот, некоторые некурящие студенты пожаловались на моего американского друга декану: по их словам, проводя внеурочное время со студентами-курильщиками,

он устанавливает с ними привилегированные отношения в ущерб некурящим студентам. Эти отношения нарушают правило, которое мы могли бы назвать *par condicio*^[36], так что его поведение предосудительно. Как мы видим, речь в данном случае не идет об уважении прав меньшинства, некогда притесненного или потенциально притесняемого, а наоборот, — о защите большинства, или, скорее, беспокойстве, как бы не создать меньшинства, обладающего некоторыми преимуществами.

Нетрудно представить, как подобное беспокойство об уважении может породить ситуацию опасной нетерпимости по отношению к каждому. Например, можно ввести закон, вменяющий мне в обязанность жениться не на той, кого я люблю, а на той, кого мне назначат, — чтобы соблюдать права какого-нибудь национального меньшинства (то есть если десять китайок уже вышли замуж, я должен жениться на индианке или финке, но не на китайке, чтобы предоставить равные возможности каждому национальному меньшинству).

Одним из главнейших защитников радикального либерализма (отстаивающего права каждого, — например, того, кто предпочитает добровольно уйти из жизни) является Рональд Дворкин^[37], который на прошлой неделе стал почетным доктором права Болонского университета. И свою лекцию он посвятил как раз проблеме академической свободы.

Учреждение университета (кстати, в Средневековье «Университет» значило именно Болонский университет)

³⁶ Равные условия (*лат.*).

³⁷ Рональд Дворкин (р. 1931) — американский философ, специалист в области философии права.

стало огромным событием, потому что установило необходимость существования образовательной институции, которая не только независима от политических и религиозных властей, но и каждый преподаватель в ней идеологически независим от самого университета. Революционная идея, сделавшая возможным прогресс западной науки.

Но с наступлением политкорректности эта свобода подвергается сомнению. Преподавателю английской литературы предлагается не делать отдельного курса по «Отелло», потому что фигура Мавра, ревнивца и убийцы, может оскорбить не-западных студентов. Не говоря уж о «Венецианском купце» — по той очевидной причине, что в этой трагедии Шекспир не свободен от определенного бытового антисемитизма (как бы ни был изумителен Шейлок). Но мало того: прямо-таки нежелательно делать курс по Аристотелю, потому что тем самым выказывается небрежение к философии и мифологии какой-нибудь африканской народности (чьи потомки посещают университет).

Правильно и полезно изучать и Аристотеля, и мифологию догонов^[38] — это обсуждению не подлежит. Но, к сожалению, политкорректность наказывает сегодня того, кто преподает Аристотеля, и поощряет того, кто преподает догонские мифы. Что является такой же формой фанатизма и фундаментализма, как и та, которая внушает, что Аристотель — это воплощение человеческого разума, а

³⁸ *Догоны* — народность в Республике Мали. Тщательно разработанная космогоническая мифология догонов оказалась в XX в. предметом пристального интереса этнографов, а также уфологов и сторонников теории палеоконтактов с внеземными цивилизациями.

мифы догонов были просто выражением первобытного мышления.

Конечно, университету, как и всей образовательной системе, следует найти место всем точкам зрения (и поэтому я давно убежден, что хорошая школа должна рассказывать, что говорится в Ветхом Завете, что говорят Евангелия, Коран и буддистские веды). Но запрещать кому-либо говорить о Библии (которую он хорошо знает) только потому, что такой дискурс исключает Коран, — это опасная форма нетерпимости, замаскированной под уважение к различным точкам зрения.

1997

Об одном процессе

Ревизионисты, отрицающие Холокост, прибегают к многочисленным аргументам, чтобы дискредитировать каждое имеющееся свидетельство. Сейчас, пока я это пишу, идет обсуждение диссертации по семиотике, посвященной ревизионистской логике, и от соискательницы требуют не высказывать собственных убеждений по поводу реальности Холокоста и уж тем более не выносить суждений относительно «подлинности» документов, предъявляемых одной или другой стороной (это задача историков); диссертация должна только выявлять логические построения, используемые ревизионистами при изучении определенных документов или свидетельств^[39].

Приведу только два типичных аргумента. Отрицающие Холокост пытаются доказать, что дневники Анны

³⁹ Сейчас издана отдельной книгой: *Valentina Pissanty. L'irritante questione delle camere a gas («Раздражающий вопрос о газовых камерах»)*, Milano: Bompiani, 1998. (Прим. автора.)

Франк — фальшивка (основываясь на том очевидном факте, что они подвергались разным процедурам редактирования). И одна из основных их «опорных точек» состоит в следующем: скрывающимся на Принсенграхте приходилось сжигать свои отходы — и черный дым из печной трубы должен был привлечь внимание соседей, которые могли сообщить об этом в гестапо. Не могло быть, чтобы никто его не заметил. Железный аргумент, подтверждающий, что дневники повествуют о том, чего не было; но в действительности здесь не учитывается один факт: а именно что кто-то действительно заметил и сообщил в гестапо, потому что, хоть и с некоторой задержкой, несчастные были обнаружены.

Второй аргумент. Свидетель, выживший в концентрационном лагере, говорит, что в Треблинке горы одежды достигали 35-40-метровой высоты. Ревизионист заявляют, что гора такой высоты — это то же самое, что пятнадцатипятиэтажное здание, что одежду нельзя сложить в такую кучу без помощи подъемного крана, и что эта куча должна была иметь невероятный диаметр примерно в сто сорок метров при площади оснований в 4805 квадратных метров. Для такой горы просто не было места в лагере, и поэтому, делают они вывод, свидетельство ложно.

Аргумент, безукоризненный математически, слаб риторически, потому что не учитывает того, что всякий (особенно тот, кто только что пережил кошмарный опыт или, еще хуже, вспоминает его через какое-то время) имеет склонность к *гиперболам*. Это как если кто-то, рассказывая о пережитом, заявит, что у него волосы на голове встали дыбом, и мы будем это оспаривать при помощи формального логического аппарата, наглядно показывая, что волосы никак не могут принять строго вертикального положения. Очевидно, что этой гиперболой сви-

детель хотел наглядно подчеркнуть: то, что он видел, было ужасно и внушало ему страх — вот о чем надо говорить, если уж непременно надо обращаться к здравому смыслу.

Статья Карло Гинзбурга в прошлом номере журнала „Micromega“ (которую я прочитал заодно с книгой, написанной им после первого процесса Соффри^[40]) заставляет вспомнить о логике ревизионистов. Их позиция состоит в том, что любое свидетельство может быть опротестовано или истолковано по-другому, если в качестве отправной точки использовать утверждение, что Холокоста не было.

Я не настолько развращен или циничен, чтобы сравнивать дело Соффри с Холокостом. Чтобы сравнить юридический случай, касающийся трех человек, с исторической трагедией, понадобился бы огромный множитель. Но мне интересен способ рассуждать. Аргументы Гинзбурга убедительны даже для тех, кто, как и я, не связан с Соффри долгим знакомством или совместной военной службой. Речь идет только о рассуждениях с точки зрения здравого смысла. И похоже, что процесс, или, точнее, процессы, над Соффри (когда мы говорим о «деле», имя Соффри выступает как синекдоха, обозначая также Бомпресси и Пьетростефани^[41]) были проведены небрежно не в юри-

⁴⁰ *Carlo Ginzburg. Il giudice e lo storico. Considerazioni in margine al processo Sotri («Судья и историк. Размышления на полях процесса Соффри»)*. Torino: Einaudi, 1991. (Прим. автора.)

⁴¹ *Адриано Соффри* (р. 1942) — в 1960-1970-е гг. лидер левацкой группировки «Борьба продолжается» („Lotta Continua“). В 1980-х гг. оставил политику и начал активно выступать в печати как публицист, писатель и историк. В январе 1997 г. после длительного многоступенчатого разбирательства был приговорен к 22 годам тюремного заключения как заказчик убийства комиссара полиции по фамилии Калабрези, совершенного в мае 1972 г. Вместе с ним были осуждены Джорджо Пьетростефани (также как заказчик) и Овидио Бомпресси (как непосредственный исполнитель). Процесс над Соффри вызвал широчайший общественный резонанс. Многие видные политики и деятели культуры (также в

дическом смысле, а в смысле той естественной логики, которая позволяет нам утверждать в самых разных случаях, что говорящий о вставших дыбом волосах просто хочет сказать, что был очень напуган, а все прочее — недостойные уловки.

Ощущение, которое подсказывает здравый смысл, состоит в том, что Софри был осужден по ошибочным соображениям. Когда я говорю «по ошибочным соображениям», я хочу оставить лазейку для тех, кто считает Софри виновным. Он остается виновным, но рассуждения, на основании которых он был признан виновным, — ошибочны.

Почему процесс Софри привлек такое внимание общественности, даже тех, кто далек от осужденных? По тем же причинам (хотя политический контекст был совсем иным), по которым часть общественности (в то время незначительная) была взбудоражена процессом Брайбанти. Возможно, кто-то еще помнит это дело^[42], а если нет — отсылаю к книге того времени, вышедшей под моей редакцией. Никому не известный провинциальный

молодости бывшие левыми) призывали помиловать его вне зависимости от юридической стороны дела. В июне 2005 г. тюремный режим Софри был значительно смягчен (он стал ходить в университет Пизы помогать разбирать архивы), а в январе 2006 г., в связи с ухудшением состояния здоровья, он был помилован.

⁴² *Альдо Брайбанти* (р. 1922) — поэт, переводчик (в частности, дневников Колумба), художник, музыкант, преподаватель по профессии, участник Сопротивления. Лето 1960 г. провел на озере Комо с 19-летним электриком Пьеркарло Тоскани, два года спустя в Риме начал жить вместе с 18-летним Джованни Санфрателло, с которым познакомился за четыре года до этого. Санфрателло порвал со своей семьей (очень консервативной), и его отец в 1964 г. подал в суд на Брайбанти, уверяя, что его сын и второй юноша попали в «ментальное рабство» к изощренному интеллектуалу. В 1968 г. Брайбанти был осужден на 9 лет, которые потом были сокращены до шести и потом — до четырех. В 2005 г. Брайбанти была назначена пенсия от Евросоюза.

преподаватель — которого, кстати сказать, я не знал ни до, ни после — был обвинен в «принуждении», т. е. соблазнении и развращении двух юношей (обратите внимание — совершеннолетних), которых он побудил к гомосексуальной связи, а кроме того (что казалось еще хуже) — внушил им интерес к богемной жизни и к идеям в спектре от марксизма до атеизма еврейского (sic!) философа Баруха Спинозы.

«Принуждение» вообще трудно сформулировать, даже когда случай более очевиден и касается преступления в отношении несовершеннолетних. Но еще менее понятно: если кто-то склонил двоих совершеннолетних к сексуальным отношениям, можно ли это вменить ему в вину? Тому, кто следил за процессом и читал сотню страниц дела и окончательного приговора, было предельно ясно, что в этом процессе были нарушены все правила логики и здравого смысла, — следствия путались с причинами и наоборот, а в качестве отягчающего обстоятельства предъявлялся тот факт, что обвиняемый посвятил себя изучению жизни муравьев и у него в ящиках стола хранились странные, любопытные, неподобающие этому месту предметы и тому подобное^[43].

Та часть общественности, которая следила за процессом, сделала то единственное, что она могла или должна была сделать: скрупулезно исследовать документы и указать на все изъяны разбирательства — изъяны, которые были даже скорее психологическими, чем юри-

⁴³ Sotto il nome di plagio («Под именем принуждения»). Milano: Bompiani, 1969. Книга (вышедшая вслед за серией статей, моих и чужих, появившихся в ходе процесса) содержала тексты Альберто Моравиа, Адольфо Гатти, Марио Гоццано, Чезаре Музатти, Джиневры Бомпиани. Если этой книги уже нет в продаже, мой текст (занимающий семь десятков страниц) можно найти в: *Il costume di casa* («Домашние обычаи»). Milano: Bompiani, 1973. (Прим. автора.)

дическими. В конце концов Брайбанти был оправдан по апелляции. Нет необходимости уточнять, был ли он симпатичен, можно ли одобрять его идеи и его сексуальные наклонности: просто не было преступления — по крайней мере если не считать таковым гомосексуализм; но как раз это и оказалось одним из элементов, которые сбили с толку следствие, — что и ужасно.

Почему я сейчас вспоминаю этот случай? Потому что в конце концов продуманные и целенаправленные выступления о главной сути дела (в процессе полного изъяснов), несомненно, заставили суд смягчить приговор. Если бы, наоборот, гомосексуалисты вышли на улицы с требованиями освободить Брайбанти, потому что один из них, — боюсь, он до сих пор сидел бы в тюрьме.

А теперь вернемся к делу Софри. Большинство выступлений в его защиту, как бы ни были они разукрашены, основываются на том, что «я хорошо его знаю, он не мог совершить ничего подобного». Я нахожу эти выступления если не опасными, то уж точно совершенно бесполезными. Вывать к моральным качествам — это очень слабый аргумент в любом процессе, хотя бы по тому универсальному правилу, что совершающий преступление за секунду до него еще не был преступником (по крайней мере если быть радикальным ламброзианцем). Моральные качества дорогого стоят в личном плане, но не в процессуальном. Что еще хуже, нельзя сказать, что они вообще ничего не стоят: когда их настойчиво выносят на всеобщее обозрение, они могут только навредить, потому что вынуждают судей сопротивляться тому, что они воспринимают как психологическое давление со стороны тех, кто находится в сговоре с обвиняемыми. От друзей — храни нас Боже!

Возможно, настороженное отношение к защите с позиции «да я его хорошо знаю» — это мое личное предубеждение. Но я настаиваю, что, если кто-то обвиняется в уголовном преступлении, помочь ему может тот, кто располагает доказательствами, что преступления не было, и в этом случае он должен немедленно предъявить их в прокуратуре, либо он взывает только к моральным соображениям, но в этом случае он должен осознавать, что юридически они ничтожны. Поборник гражданских прав — это не тот, кто действует потому, что убежден в невиновности кого-то, а тот, кто действует потому, что должны соблюдаться права этого «кого-то» на скорый и справедливый суд.

Другой эмоциональный аргумент, который мы слышим «под шумок», сводится к тому, что несправедливо осуждать кого бы то ни было за преступление, совершенное двадцать лет назад, ведь с того времени его жизнь изменилась глубочайшим образом. Абсурдный довод; это все равно что утверждать, в общем, что время гасит преступление. Этот двусмысленно-эмоциональный аргумент используют те, кто заявляет о невиновности Соффри, — и в то же время, желая видеть его на свободе, потому что он невиновен, они готовы признать его преступником, который, насколько им известно, со временем исправился. И опять — от друзей храни нас Боже!

Двусмысленными мне кажутся и все призывы к президенту Республики подписать помилование, и я нахожу совершенно справедливым и естественным, что сами обвиняемые первыми отвергают решение подобного рода. Это очевидно: если я заявляю о своей невиновности, я не могу желать помилования, я желаю только, чтобы выяснилась моя невиновность. Принять помилование значит

признать свою вину. В третий раз — от друзей храни нас Боже!

А еще возникла солидарность «в грешках». Софри и поныне все еще цинично используется как клин, чтобы разрушить репутацию разных прокуратур, его помилование стало отмычкой для других случаев, для того, чтобы отменить судебную процедуру. Показать, что процесс Брайбанти был порочным — совсем не значит показать, что плохо сделали, осудив «Мыловарницу»^[44] или чудовище с виа Салария^[45]; это значит только показать, что в *том* процессе были нарушены все нормы юриспруденции, — а это совсем другое дело.

Как происходит в гражданском обществе? Так, как это сделал Золя для Дрейфуса, устраивая процесс над процессом, что и является правом/обязанностью склонного к истерикам общественного мнения. И это как раз то, что сделал Карло Гинзбург после приговора 1990 года. Поэтому гораздо важнее читать и перечитывать его книгу, публиковать из нее обширные выдержки в газетах и журналах, а не подписывать бесконечные воззвания. Причем Гинзбург откровенно начинает с того, что открывает карты (более того, можно сказать — открывает, как сомнительны его карты), заявляя, что начальным толчком к написанию этой книги бы то, что Софри — его личный друг. После этого вступления он больше не говорит в эмоциональном ключе: он анализирует свидетельские показания, материалы допросов, улики, аргументы и

⁴⁴ *Леонарда Чанчулли* (1893–1949) — «Мыловарница из Корреджо», убившая в 1939–1940 гг. трех молодых подруг, надеясь таким образом (с помощью человеческих жертв) спасти от гибели на войне своего сына.

⁴⁵ Имеется в виду серийный убийца, орудовавший на виа Салария в Риме, где обычно собираются проститутки.

контраргументы, и у того, кто прочитает эту книгу, сложится убеждение, что этот процесс, изначально основанный на уликах, вызывает большую озабоченность, потому что улики оценивались по весьма спорному принципу: всякое свидетельство или улика защиты отвергались, если противоречили свидетельству обвинения.

Книга Гинзбурга делает кое-что большее: сравнивает методы интерпретации, использованные судейской коллегией, с теми, которыми и следует пользоваться серьезному историку, оценивающему, можно ли положиться на имеющиеся свидетельства. Гинзбург достаточно благоразумен и понимает, что эти два подхода можно сравнивать, и ясно дает это почувствовать. Но в конце концов он предъявляет разительное отличие между методами серьезного исторического исследования и теми, которые были использованы во время процесса при вынесении приговора. Вот почему я начал с возможного логического анализа доводов ревизионистов, отрицающих Холокост. Есть кое-что общее между теми, кто тщится доказать, что преступления не было, и теми, кто тщится доказать, что преступление было: это слабость аргументов. В определенных случаях важнее, чем соблюсти права обвиняемых или права жертв, обеспечить права — не скажу «разума», но здравого смысла. Мне кажется, что аргументы, использованные в процессе Софри, противоречат именно ему.

Урок, который следует из книги Гинзбурга, может быть неприятен. Но это свидетельствует о том, что единственное, что имеет смысл делать, — это двигаться в том же направлении. Мне стало известно, что один издатель намерен целиком опубликовать приговор. Не знаю, поручится ли целиком, потому что он превышает по объему том солидных размеров. Но именно таким образом и надо

действовать, и это — единственное милосердие, на которое могут рассчитывать осужденные, пускай даже это займет больше времени.

Поясню. Я не просто убежден «по моральным соображениям», что процесс Софри был проведен некорректно. Я хочу сформулировать гипотезу, базирующуюся на тех данных, которые мне известны. Но я не могу делать вид, что то, как я обращаюсь с этими известными мне сведениями по существу дела, не определяется в какой-то степени некоей *предвзятостью*. В самом деле, хотя у меня нет настоящих предубеждений, все равно я не свободен от мыслительной предвзятости. Это не оксюморон, а то, что помогает анализировать что-либо, сформулированное пока что только в виде мысленного наброска, чтобы понять, какую гипотезу следует брать для дальнейшего развития.

Вот каковы первоочередные «нарративные» мотивы моей предвзятости. Термин «нарратив» здесь не следует понимать в узком смысле. Я из тех, кто склонен считать, что законы нарратива являются основополагающими в каждом акте понимания вещей, не только на уровне истории, но и на уровне восприятия: чтобы понять какой-либо феномен, мы стараемся разложить его на «когерентную», связную последовательность событий. Если посреди луга этой весной появился цветок, которого я раньше никогда здесь не видел, более когерентно и «экономно» подумать, что какой-то естественный посредник перенес на это место семечко прошлой осенью, а не представлять мифического садовника, высадившего этот цветок под покровом ночи. Первая история более правдоподобна и раньше приходит в голову.

Вернемся к истории Софри и группы «Борьба продолжается». Всякий, кто читал в свое время газету под таким названием, мог заметить, вне зависимости от того, разделял он или не разделял ее идеи, характерные особенности и газеты, и движения. В то время как другие печатные органы, возникшие после шестьдесят восьмого года, демонстрировали склонность к доктринерству и, в наиболее запущенных случаях, к безудержной ругани, «Борьба продолжается» выработала новый журналистский подход — в том, что касается выбора лексики, синтаксиса, концепции заголовков^[46]. Совсем не случайно большая часть бывших лидеров движения стали влиятельными фигурами в журналистике (и это, среди прочего, объясняет, почему Софри так бурно поддержали массмедиа). «Борьба продолжается» изобрела журналистскую формулу, которую мы, не обинуясь, можем определить как «умение убеждать». Ее язык умел быть посредником, и это важнейшая характеристика для массмедиа: читателя надо убедить, поразить, обольстить, победить при помощи риторики и не навязать ему свои выводы, а дать возможность сделать свои. Это «умение убеждать», внимание к своей audience^[47], отличало «Борьба продолжается» от других газет левого движения.

Каковы были намерения «Борьба продолжается» в отношении Калабреззи? Разоблачить его, бросить на скамью подсудимых за убийство Пинелли^[48] или по край-

⁴⁶ Ср.: *Patrizia Violi*. I giornali dell'estrema sinistra («Левацкие газеты»). Milano: Garzanti, 1977. (Прим. автора.)

⁴⁷ Читательской аудитории (англ.).

⁴⁸ *Джузеппе Пинелли* (1928–1969) — железнодорожный рабочий, анархист. Вместе с другими анархистами был арестован 12 декабря 1969 г. после взрыва бомбы на площади Милана, унесшей жизни 16 человек. 15 декабря разбился насмерть, выпав из окна четвертого полицейского управления во время допроса.

ней мере убедить как можно больше народу в его виновности и вместе с ним разоблачить власть, которую он для левых символизировал? Можно обвинять «Борьба продолжается» в том, что они выбрали ошибочный символ, а также в жестокости, безжалостности, в том, что они сами назначили виноватого и довели до того, что многие возненавидели его «печенками», можно обвинять их в чем угодно, но следует помнить, что их целью было именно это.

Более того, Калабрези был необходим группе живым и как можно более виноватым, Калабрези сделался прямо-таки залогом ее собственного выживания.

И поскольку редакторы газеты и сам лидер движения обладали острым медийным чутьем, они не могли не представить, что убитый Калабрези превратится в полную противоположность того, чего они от него хотели. Отныне не виноватый, но Жертва, не Зло, но Герой. По крайней мере это подсказывал здравый смысл и журналистское чутье. Конечно, невозможно исключать помешательство, но, насколько мне известно, до сего дня на процессе Соффи о психических расстройствах речи не шло. Я хочу сказать, что, если нынче какой-то загадочный убийца начнет швырять бомбы в кинотеатры, мы можем подозревать всех, вплоть до самых неожиданных людей, но последние, кого следует подозревать, — это кинопродюсеры и владельцы кинотеатров. Они не заинтересованы ни в чем подобном, напротив — они первые пострадают от этого.

Официально это было признано самоубийством, но Луиджи Калабрези, один из допрашивавших, в 1971 г. находился под следствием — и был оправдан за недостатком улик.

Я понимаю, что рассуждение: «Калабреззи был нужен им живым, а не мертвым, чтобы убить его символически, так что им больше подходило оплакивать его» — может показаться очень циничным и, пожалуй, таковым и является, — по крайней мере в той степени, в которой циничным является всякое реалистическое рассуждение. Но, пока не будет доказано обратное, мы принуждены строить гипотезы, исходя из того, что Соффри и его товарищи действовали реалистически. Это не исключает, что они недооценили того факта, что кто-то из их читателей мог неверно истолковать их призывы и поддаться импульсу мести. Но это другая история, и по этому поводу сам Соффри выступил с самокритикой.

Мне кажется разумным, применительно к этому преступлению (как и к любому другому), держаться принципа *cui prodest*^[49]. Процесс и приговор, напротив, лепят историю, в которой действующие лица стряпают историю коллективного самоубийства. Эта история не кажется когерентной, связной.

Конечно, в жизни происходят и бессвязные истории. Но подозрение в бессвязности кажется мне хорошим поводом пересмотреть историю. Потому что в том виде, в котором она рассказана теперь, она кажется слишком расхлябанной.

1997

Косово

В декабре 1993 года в Сорбонне под эгидой Всеобщей академии культур (*Académie Universelle des Cul-*

⁴⁹ Кому это выгодно? (*лат.*).

tures)^[50] состоялся конгресс, посвященный понятию международной интервенции. Там были не только юристы, политологи, военные и политики, но также философы и историки, такие как Поль Рикёр или Жак Ле Гофф, «врачи без границ», как Бернар Кушнер, представители некогда преследуемых меньшинств — Эли Визель, Ариель Дорфман, Тони Моррисон, жертвы репрессий разных диктатур, такие как Лешек Колаковский, Бронислав Геремек или Хорхе Семпун, — словом, множество людей, которым не нравится война, никогда не нравилась и которые не хотели бы больше ее видеть.

Слово «интервенция», т. е. «вмешательство», внушало страх из-за того, что уж слишком напоминало «вмешательство в чужие дела» (ведь даже маленький Сагунт оказался вмешательством, и это дало повод римлянам выступить против Карфагена)^[51], и все предпочитали говорить о помощи или о *международных действиях*. Лицемерие чистой воды? Нет, потому что римляне, которые вмешались на стороне Сагунта, — это римляне, и всё тут, в то время как на конгрессе речь шла о международном сообществе, т. е. о группе стран, которые сдерживают ситуацию в любой точке земного шара, где проявляется нетерпимость, и решают вмешаться, чтобы положить конец тому, что общее мнение считает преступлением.

⁵⁰ Учреждена в Париже Эли Визелем в 1992 г., находится под патронажем президента Франции, объединяет ряд нобелевских лауреатов в разных областях.

⁵¹ В 219 г. до н. э. Ганнибал, искавший повод для войны с Римом, занял после семимесячной осады союзный римлянам город-государство Сагунт (в нынешней Валенсии). Римляне, отвлеченные подавлением галльских мятежей, так и не решились прийти на помощь, однако направили в Карфаген посольство, объявившее о начале войны, известной нам сейчас как Вторая Пуническая.

Но какие страны участвуют в этом международном сообществе и где очерчены пределы этого «общего мнения»? Конечно, можно утверждать, что в любом обществе убивать — плохо, но только с определенными оговорками. Мы — европейцы и христиане — признаём, например, убийство в качестве необходимой самообороны, но древние жители Центральной и Южной Америки признавали человеческие жертвоприношения, а нынешние жители США признают смертную казнь.

Одним из заключений этого весьма нелегкого форума было то, что так же, как и в хирургии, «вмешиваться» значит энергично действовать, чтобы пресечь или искоренить зло. Хирургия хочет добра, но ее методы насильственны. Допустима ли хирургия в международных делах? Вся философия современной политики говорит, то для того, чтобы избежать войны всех против всех, государство вправе применять определенное насилие по отношению к отдельным гражданам. Но эти граждане подписали общественный договор. А как быть с государствами, которые не подписывали всеобщего договора?

Обычно общество, признающее ценности очень широкого спектра (мы говорим о демократических странах), очерчивает границы того, что считается неприемлемым. Неприемлемо осуждать на смерть за высказывание собственного мнения. Неприемлем геноцид. Неприемлемо женское обрезание (по крайней мере, у нас в Италии). И нужно защищать всех, над кем нависла угроза того, что неприемлемо. Ясно, что речь при этом идет о неприемлемом для нас, а не для «них».

Но кто такие «мы»? Христиане? Не обязательно; добропорядочнейшие христиане, пусть и не католики, поддерживают Милошевича. Очень удобно, что это «мы»

(даже если оно определяется подписанным договором, таким как НАТО) весьма расплывчато. Это некое сообщество, которое можно опознать по его ценностям.

Стало быть, когда принимается решение об интервенции на основании ценностей определенного сообщества, происходит что-то вроде пари, ставками в котором выступают наши ценности, наше чувство приемлемого и неприемлемого. Такое историческое пари ничем не отличается от легитимации революции или тираноубийства: кто может дать мне право применить насилие (и какое именно насилие) для того, что сам я считаю революционной справедливостью? Нет ничего, что могло бы узаконить революцию в ходе ее проведения: участники просто должны верить, ставить на то, что совершаемое ими — справедливо. То же самое происходит, когда принимается решение о международной интервенции.

И вот почему у всех сейчас такое подавленное состояние. Происходит ужасное зло, которому надо противостоять (этнические чистки): законно ли военное вмешательство? Дóлжно ли затевать войну, чтобы остановить беззаконие? Это будет справедливо; но будет ли это гуманно? И снова перед нами встает проблема ставок: если с помощью минимального насилия будет пресечена ужасная несправедливость, — значит, я действую гуманно, как полицейский, который убивает вооруженного ма-ньяка, чтобы спасти жизнь невинных.

Но ставка — двойная. С одной стороны, на кону утверждение, что мы, в согласии со здравым смыслом, хотим пресечь нечто, совершенно неприемлемое (и если кто-то этого еще не понял и не согласился — им же хуже). С другой — что с помощью одобряемого сейчас насилия удастся предотвратить бóльшую кровь.

Эти две абсолютно разные проблемы. Сейчас я попробую вынести за скобки первую; она далеко не так очевидна, но я должен напомнить, что пишу не трактат по этике, а статью в журнал, жестко ограниченную по объему и по стилю изложения. Другими словами, первая проблема настолько трудна и запутанна, что я не могу и даже не имею права говорить о ней на журнальных страницах. Признаем просто, что для того, чтобы пресечь такие преступления, как этнические чистки, правомерно прибегнуть к насилию. Но вторая проблема — в состоянии ли то насилие, к которому мы прибегнем, действительно предотвратить бóльшую кровь. Это проблема не этическая, а скорее техническая, хотя все равно имеющая неявный этический аспект: если несправедливость, которую я допускаю, не предотвращает бóльшую несправедливость, законно ли ее использование?

Этот вопрос подобен рассуждению о пользе войны — имеется в виду войны «нормальной», традиционной, которая заканчивается окончательным поражением врага и торжеством победителя. Рассуждение это нелегко дается — потому что тот, кто говорит о бесполезности войны, вроде бы защищает несправедливость, которую война призвана исправить. Но это психологический трюк. Если кто-то, например, утверждает, что все беды Сербии происходят от диктатуры Милошевича и что хорошо бы западным спецслужбам удалось его убить, этот «кто-то» выступает критиком войны как инструмента разрешения проблемы Косова, но уж никак не защитником Милошевича, правда? Почему же никто не занимает такую позицию? По двум причинам. Первая — потому что спецслужбы всего мира неэффективны по определению, они не в состоянии ликвидировать ни Кастро, ни Саддама, стыд и срам, что до сих пор считается в порядке вещей

расходовать на них народные деньги. Другая: то, что делают сербы — это не просто результат злой воли диктатора, но связано с тысячелетней национальной рознью, в которую вовлечены и они, и другие балканские народы. Что делает проблему еще более драматичной.

Вернемся снова к вопросу о пользе войны. Какой была на протяжении столетий конечная цель того, что мы назовем «пра-пра-войнами»? Разгромить противника и извлечь из этого выгоду для себя. Для этого были необходимы три условия: для врага должны оставаться неизвестными наши возможности и наши намерения; должна соблюдаться внутренняя сплоченность по всему фронту; и, наконец, все имеющиеся силы должны быть брошены на разгром неприятеля. Поэтому в пра-пра-войнах (включая холодную войну) уничтожали тех, кто передавал информацию из-за своей линии фронта в стан врага (расстрел Маты Хари, электрический стул для Розенбергов), всячески препятствовали пропаганде противоположной стороны (слушавших «Радио Лондон» бросали в тюрьму, Маккарти изгонял из Голливуда симпатизировавших коммунистам) и карали тех, кто работал против собственной страны (повешенье Джона Амери^[52], пожизненная изоляция Эзры Паунда), — чтобы не ослаблять дух граждан. И наконец всех учили, что враг должен быть уничтожен, и военные сводки ликовали, когда вражеским силам наносился урон.

Эти условия стали меняться во время первой «новой войны», или нео-войны, — войны в Заливе 1991 года. Но

⁵² *Джон Амери* (1912–1945) — антикоммунист, сын министра британского Кабинета, уехавший в 1936 г. в Испанию к Франко, вел нацистскую радиопропаганду на Британию и предложил Гитлеру сформировать в Париже добровольческие части из пленных британцев.

тогда то, что американские журналисты — из тщеславия или за взятки — были допущены в Багдад, всё еще списывали на «глупость цветных людей». Теперь больше никаких экивоков: Италия отправляет военные самолеты на Белград, но поддерживает дипломатические отношения с Югославией, и телевидение стран НАТО час за часом сообщает сербам, какие натовские самолеты покинули американскую авиабазу в Авиано, сербские представители отстаивают позицию своего правительства на государственном телевидении противника, итальянские журналисты ведут репортажи из Белграда, пользуясь поддержкой местных властей. Да война ли это — с врагом, который ведет свою пропаганду у тебя в доме? В неовойне у каждой противоборствующей стороны в тылу враг, и, постоянно предоставляя ему слово, массмедиа деморализуют население (в то время как Клаузевиц^[53] напоминал: объединение всех воюющих в едином порыве есть условие победы).

С другой стороны, даже если заглушить СМИ, новые коммуникационные технологии дают возможность информации просачиваться невозбранно, и я не знаю, может ли Милошевич блокировать — не скажу даже Интернет, но радиопередачи из стран-противников.

Все это на первый взгляд противоречит прекрасной статье Фурио Коломбы^[54] в «Республике» от 19 апреля, в которой он провозглашает, что маклюэновская «Глобальная деревня» приказала долго жить 13 апреля 1999 года:

⁵³ *Карл фон Клаузевиц* (1780–1831) — знаменитый прусский генерал и теоретик военного дела, автор фундаментального труда «О войне».

⁵⁴ *Фурио Коломбо* (р. 1931) — корреспондент «Республики» и «Стампы» в США, потом — президент FIAT USA, в 2001–2004 гг. — главный редактор газеты «Унита» в США. Сейчас — сенатор.

в мире массмедиа, мобильных телефонов, ретрансляторов, спутников-шпионов и тому подобного приходится полагаться на полевой телефон-«вертушку» сотрудника международной организации, который не в состоянии прояснить, действительно ли сербы проникли на албанскую территорию. «Мы ничего не знаем о сербах. Сербы ничего не знают о нас. Албанцы ничего не могут разглядеть из-под голов бегущих людей. Македония принимает беженцев за силы противника и устраивает резню». Так что это — война, где все знают всё обо всех или где никто не знает ничего ни о ком? И то, и другое.

Весь тыл прозрачен, а фронт расплывчат. Представители Милошевича появляются в эфире у Гада Лернера^[55], а на фронте, где некогда генералы, осматриваясь в бинокли, прекрасно видели, где враг, — теперь не понятно ничего.

Так происходит потому, что если во время пра-правойн целью было уничтожить как можно больше солдат противника, для нео-войны типично стремление убить их как можно меньше. Потому что убивать слишком много — значит попасть под огонь критики СМИ. В нео-войне никто не жаждет уничтожить врага, потому что массмедиа сделали нас чувствительными к его смерти, — это больше не далекое неопределенное событие, а происшествие, наглядность которого неотменима. В нео-войне каждая армия уже тронута жертвенностью. Милошевич жалуется на ужасающие потери (Муссолини бы такого постеснялся), и достаточно натовскому пилоту грохнуть на зем-

⁵⁵ *Гад Лернер* (р. 1954) — итальянский журналист ливанско-еврейского происхождения, начинал карьеру в левацкой газете «Борьба продолжается» (см. колонку «Об одном процессе»), в течение непродолжительного времени — директор новостной службы телеканалов TG1 и Rai Uno.

лю, как все начинают страшно волноваться. В нео-войне проигрывает, в глазах общественного мнения, тот, кто слишком много убивает. Так что неудивительно, что на боевом рубеже никого не видно и никто ничего не знает о противнике. В сущности, нео-война проходит под знаком «умных бомб», которые должны уничтожить противника, не убивая его, так что можно понять наших министров, говорящих: «Что, боевые действия? Да ничего подобного!» То, что потом куча народу все равно умирает, не имеет никакого значения. Можно сказать, недостаток нео-войны состоит в том, что люди умирают и никто не побеждает.

Но может быть, просто никто не знает, как надо вести нео-войну? Разумеется, никто. Стратеги привыкли в ужасе балансировать на грани атомной войны, а не такой Третьей мировой, в которой полетели клочки Сербии. Это как если бы лучшие технари пятьдесят лет занимались видеоиграми. Вы бы доверили им после этого строить мост? Но дело даже не в том, что сейчас в строю нет никого, кто достаточно стар, чтобы знать, как воевать. Самая злая насмешка нео-войны состоит в том, что по-другому не могло быть в любом случае, потому что нео-война — это игра, в которой всегда проигрываешь по определению, хотя бы потому, что используемые технологии более сложны, чем мозги тех, кто ими управляет, и простой компьютер, хоть он и полный идиот, способен выдать больше финтов, чем те, кто думает, будто они им управляют.

Необходимо выступить против преступлений сербского национализма, но, возможно, война — это неправильно выбранное оружие. Может быть, единственную надежду следует возлагать на человеческую жадность. Если на прежней войне наживались торговцы оружием и

эти доходы заставляли мириться с временным прекращением некоторых торговых сделок, то нео-война, хоть она поначалу и позволяет сбыть с рук излишек вооружения, прежде чем оно морально устареет, ввергает в кризис воздушное сообщение, туризм, сами СМИ (которые теряют рекламу) и, в общем, всю индустрию комфорта. Военной промышленности нужна напряженность, а индустрии комфорта — мир. Рано или поздно некто более могущественный, чем Клинтон и Милошевич, скажет «хватит», и обоим придется немножко потерять лицо, чтобы сохранить остальное. Грустно, но это так.

1999

БРЕГА ЛЮБИМЫЕ^[56]

Итальянские хроники

Стоит ли убиваться из-за телевидения?

Дебаты на эту тему носят сезонный характер, но в последние несколько недель, похоже, они усилились. Тема — политическая роль телевидения: означает ли «занимать телевизионные экраны» то же самое, что «оказывать решающее влияние на общественное мнение»? Вполне очевидно, что дискуссия принимает ожесточенный характер в момент, когда возникает вопрос перераспределения делянок: кто-то рискует потерять с трудом приобретенные каналы, а другие начинают присматривать участки, чтобы застолбить. Учитывая, что речь при этом идет не о тактическом преимуществе, которое телевидение может обеспечить, а о стратегическом (т. е. о формировании долговременного и устойчивого консенсуса), предпримем мысленный эксперимент. Представим историка трехтысячных годов. Анализируя книги, видеозаписи, полицейские отчеты, судебные приговоры, подшивки газет, он может прийти к следующим выводам.

В пятидесятые и большую часть шестидесятых годов телевидение находилось в монопольном владении христианских демократов. В плане нравственности оно следило за тем, чтобы не показывать смущающую наготу, культивировало «атлантический» и сдержанный подход к

⁵⁶ Строка из канцоны Ф. Петрарки «Италия»

вопросам внутренней и внешней политики, втихомолку распространяло церковные службы и образовательные программы, предъявляло телегероев с короткими стрижками, галстуками и хорошими манерами. С другой стороны, оно внимательно следило за тем, чтобы не говорить слишком много о Сопротивлении, не создавать врагов справа. Молодежь 1945–1950 годов рождения выросла с этим телевидением. И как результат — поколение шестидесят восьмого года: длинные волосы, сексуальная свобода, борьба за право на развод и аборт^[57], ненависть к системе, антиклерикализм, Сопротивление в качестве идеала, воплощаемого на практике в Боливии или во Вьетнаме.

Затем телевидение постепенно потеряло цельность: в смысле обычаев, мало-помалу стало допустимым показывать обнаженную грудь (а поздно вечером и более укромные части), демонстрировать свою свободу от предрассудков, сарказм, насмешливость, непочтительность к принятым установлениям. И на этом фоне оно произвело на свет поколение, возвращающееся к религиозным ценностям, практике стыдливого секса. В историческом плане мы видим, что начиная с середины шестидесятых годов телевидение сделало так, что о Сопротивлении — основополагающем мифе Республики — стало невозможно больше говорить; и появилось поколение, которое не желало больше о нем слышать и, более того, склонялось (по счастью, пока что в незначительной части) к сиренам

⁵⁷ Из-за сильнейшего влияния Католической церкви развод в Италии юридически стал возможен только в 1970 г. В 1974 г. противники разводов добились проведения референдума за его отмену, но потерпели поражение — против отмены закона высказались 59 %. Аборты были разрешены в 1978 г.

ревизионизма, чтобы не сказать — расизма и антисемитизма.

В плане политическом телевидение привило, даже разделившись на три канала с различающейся идеологией, уважение к правящему классу, демонстрируя его при любой возможности, и настаивало, все назойливее навязывая свою картинку, на собственной значимости и (как необходимое условие) собственной популярности. Результат? Часть граждан независимо друг от друга взбунтовалась против этого правящего класса и двинулась в сторону «Северной лиги»; все прочие, как только система дала слабину, мигом опознали в должностных лицах своих притеснителей и принялись швырять тухлые яйца (и отнюдь не метафорические) в увиденных по телевизору политиков, как только встречали их на улице.

Наш историк трехтысячных годов в конце концов не может не прийти к обоснованному выводу, что демо-христианское телевидение породило такой массовый приток в коммунистическую партию, какого не знала Западная Европа, в то время как частичный доступ коммунистов к контролю над каналами спровоцировал откат.

Если этот историк будет жить в эпоху твердокаменной языческой религиозности, он заключит, что телевидение было Империей Зла, свирепым Молохом, который пожирал тех, кто пытался овладеть им и использовать его, или проще, что этот *медиум* наводил ужасную порчу на всякого, кто оказывался на телеэкране. Если же, напротив, он окажется склонным к аналитическим рассуждениям и созданию научных гипотез, то скажет, что это настырное средство связи, пожалуй, могло иметь заметное влияние на массовое сознание в плане потребления, но явно не в плане политических пристрастий и решений.

В этом случае он спросит себя в смущении: почему же вокруг эволюций этого средства кипела такая борьба? И заключит, что люди нашего века ничего не смыслили в массмедиа.

1993

Нюансы Сопротивления

Когда я был ребенком, мой отец рассказывал о разных случаях, которые с ним происходили во время Первой мировой войны. Больше всего меня поразила эпизод отступления из-под Капоретто^[58]. Они маршировали сутками, не останавливаясь на ночлег, и моему отцу удалось выжить только благодаря тому, что высокий и крепкий однополчанин позволил ему (тощему и изможденному) на несколько часов прислониться к своему плечу. Мой отец прикорнул на ходу, продолжая перебирать ногами. Это возможно, если хочешь жить.

Потом они пришли на большую покинутую виллу — вне всякого сомнения, на итальянской территории. Первое, чего мы могли бы ожидать от этой группы измученных людей, — что все они рухнут куда придется: на кровати, на ковры, на столы, чтобы перевести дух. Напротив, некоторые из них, словно ворвавшись в дом неприятеля, принялись крушить мебель, бить зеркала, выворачивать ящики и опрокидывать комоды, выволакивать наружу женские туалеты и белье и с гогом напяливать их поверх мундиров.

⁵⁸ 23-24 октября 1917 г. итальянские войска потерпели сокрушительное поражение в сражении с немецкими и австро-венгерскими войсками под словенским городом Капоретто. Это название стало в итальянском языке нарицательным обозначением разгрома.

Кто были эти солдаты? Некоторые из них, снова посланные на фронт, оказались в числе шестисот тысяч погибших на той войне. Я хочу сказать, что это были хорошие ребята, такие же, как мы с вами, которые до этого и после этого вели себя как полагается по уставу. Но война — это страшный зверь, который выбивает из человека всякое нравственное чувство, и мы знаем немало примеров в истории, когда воители, обычно благородные, опускались до мародерства и насилия. Мой отец рассказывал эту историю с ужасом, но я не чувствую себя вправе судить этих солдат — ведь я никогда не отступал из-под Капоретто.

Я вспоминаю об этих вещах в те дни, когда кое-кто, приурочивая к определенным датам, снова вытаскивает на свет обвинения в адрес Сопротивления. Как обычно, показывая, какие тогда совершались гадости и жестокости. Но это естественно. Невозможно было требовать здравомыслия и самоконтроля от людей, которых могли расстрелять в любую минуту, собранных наспех в отряды, где в любом бою (как всегда бывает в гражданской войне) подозревали предателя, соглашателя, а некоторые оказывались в отряде только потому, что они жили по эту сторону холма, — а живи они по другую, то охотно бы отдались на милость Социальной республики^[59]. Где большинство (и бывший партизан Джорджо Бокка^[60] подтвердил это) были идеалистами, следовавшими собствен-

⁵⁹ *Социальная республика Италия*, более известная как «Республика Салó (сентябрь 1943 — апрель 1945), — марионеточное государство, созданное Муссолини на севере Италии после того, как Рим был занят союзными войсками.

⁶⁰ *Джорджо Бокка* (р. 1920) — виднейший итальянский журналист, автор нескольких книг по истории Италии времен фашизма и партизанского движения, «коллега» Эко по авторским колонкам в «Эспрессо».

ным понятиями о чести; а другие — разuverившимися авантюристами, норовящими урвать кусок. Я был тогда мальчишкой^[61] и помню и тех и других — и с обеих сторон; уверяю вас, разuverившихся было очень легко вычислить, и часто они меняли лагерь с необыкновенной легкостью.

Раз уж любая война, и в первую очередь войны гражданские, провоцирует подобные коллизии и перегибы, в чем состоит задача историка, которому подобные вещи хорошо известны? Разумеется, историк — это тот, кто собирает документы, даже самые незначительные, и его работа — обнаружить в архиве, что конкретно совершил конкретный Некто в тот или иной момент. Но если историк ограничится только этим — он просто собиратель оброненных кусочков прошлого, крохобор от истории. Историк — это тот, кто старается потом собрать эти данные в более общую мозаику и поместить событие в широкую перспективу, определяя его причины, воздействие на будущее, и вынести суждение «с исторической точки зрения». Одно дело — знать, что во время Французской революции кто-то донес на своего кредитора и добился его гильотинирования, а другое — исторически оценивать ее смысл.

В общем, мне кажется, что в этих периодически возникающих спорах прошлое используется так же, как в журналистике используется настоящее. Оно не может быть показано иначе как фрагментами, частностями, — но порою частный случай неявно производится в пример, и суждение на основании такого примера — неправомоч-

⁶¹ Умберто Эко родился 5 января 1932 г.

но, но неотвратимо — становится суждением по поводу исторического периода, группы людей или общества.

Конечно, сейчас лето и нужно идти на ухищрения, чтобы привлечь внимание читателей. Но тот большой, мрачный, отталкивающий и постоянно напоминающий о себе период, в который Италия вступила в сентябре 1943 года, требует большей широты взгляда и большего сострадания.

1993

Мои сочинения о дуче

Тема: «Почему в ваших ежедневных молитвах вы не забываете короля, дуче и отчизну?» Ее раскрытие: «В моих молитвах я поминаю дуче... потому что Он дает первый толчок любому делу... Он командовал походом на Рим^[62], прогнал из Италии всех заговорщиков и сделал могучей, грозной, прекрасной и великой». Кто автор этих размышлений, получивших первую премию на Агоне Культуры XVIII года Фашистской эры?

А кто написал вот эти, отмеченные на общегосударственных Молодежных играх XX года (1942)? «Вот по пыльной дороге марширует колонна детей. Это балиллы»

⁶² *Поход на Рим* — марш 25 000 чернорубашечников из Неаполя в столицу Италии. Дойдя до Рима, они продефилировали перед королевским дворцом. «Поход на Рим» 28 октября 1922 г. был событием, символически утвердившим приход к власти Национальной фашистской партии. Уже 4 ноября того же года король Италии Виктор-Эммануил III назначил Бенито Муссолини главой правительства.

[63] идут гордой поступью под теплым солнцем нарождающейся весны, дисциплинированно маршируют, исполняя краткие команды своих начальников; это юноши, которые в двадцать лет оставят перо, дабы взять оружие и оборонять родину от неприятельских козней. Эти балиллы, шествующие по улицам в субботу, станут верными и неподкупными хранителями Италии и нового итальянского общества. Кто подумает, видя этих веселых и вечно шутливых юношей, что через несколько лет они, может быть, погибнут на поле боя с именем Италии на устах? Я твердо убежден: когда вырасту, стану солдатом, стану сражаться, и если Италии понадобится моя жизнь — отдам ее во имя нового, героического, священного общества. Воодушевляясь памятью нетленной славы, гордясь победами сегодняшнего дня и веря в будущие свершения, которые суждено совершить балиллам, наша современная молодежь — завтрашние солдаты — пойдет с Италией по ее славному пути к крылатым победам»^[64].

Здесь вы вправе ожидать подтверждения своих худших предчувствий: автором этих текстов был Черный рыцарь (а мне, бесстыдному писаке, перепал солидный куш от Красного инженера^[65]). Так вот — нет. Автор этих текстов — я в возрасте восьми и десяти лет соответственно.

⁶³ *Балиллы* — военизированная организация в фашистской Италии, объединявшая мальчиков от 8 до 14 лет, по сути и структуре очень близкая советской пионерской организации.

⁶⁴ Сочинение дано в переводе Е. Костюкович. Эко включил его полный вариант в роман «Таинственное пламя царицы Лоаны».

⁶⁵ *Черный рыцарь* (Il Cavaliere Nero) — прозвище Берлускони; *Красный инженер* (L'ingegnere Rosso) — прозвище известного своими левоцентристскими взглядами Карло Де Бенедетти, владельца концерна «Оливетти» и издательства «Мондадори», делового конкурента Берлускони.

На самом деле я прекрасно помню, как, сочиняя эти тексты, спрашивал себя, действительно ли я в это верю. Помнится, я задавался вопросом: «Я правда люблю дуче? Тогда почему же я на самом деле не вспоминаю его в своих молитвах? Может, я просто лживый и бесчувственный мальчик?» Но раскрывал эти темы как полагается — и не из цинизма, но потому, что дети по природе своей податливы. Они шалят, но принимают — и подтверждают, что принимают, — лучшие принципы, которые внушают им окружающие.

Тогда школьной формой гордились так же, как сейчас мечтают о модном ранце. Чтобы быть как другие, пользоваться почетом и уважением. Тогда я не был циничным, это сейчас я циник, и я полагаю, что многие дети, которые пишут прекрасные сочинения в защиту своих черных братьев, делают это потому, что понимают: этим можно добиться одобрения общества. Конечно, я не до такой степени циничен, чтобы верить, будто все они завтра начнут громить неграждан Евросоюза. Неправда ведь, что все бывшие шестидесятники готовы голосовать за Фини^[66] (только некоторые). И я могу различить то социальное давление, которое побуждает ребенка уважать различия, и то, что побуждало его стрелять в абиссинцев^[67].

Но именно понимая, что сейчас лучше, я не могу простить тех, кто отравил мое детство, пытаюсь вбить мне в голову прославление смерти. К счастью, эта попыт-

⁶⁶ Джанфранко Фини (р. 1952) — итальянский политик-неофашист.

⁶⁷ Намек на завоевание муссолиниевской Италией Эфиопии (1936).

ка сопровождалась такой гротескной риторикой, что я быстро избавился от этой безумной жажды Холокоста.

Но только ли дети податливы по натуре? Не таков ли восемнадцатилетний выпускник, которому на экзамене предлагают раскрыть тему «Мировая скорбь и гражданская лирика у Леопарди». Чтобы добиться признания, он, даже если Леопарди кажется ему просто малахольным горбуном, брезгливо наморщит нос и, не мудрствуя лукаво, раскроет все, что надо.

Взрослые тоже умеют брезгливо морщить нос. Разумеется, те, кто считает себя последователями «новых правых», хотят гарантий «умеренности» и не мечтают о возвращении «проклятого двадцатилетия» муссолиниевского правления. Я убежден, что Берлускони на самом деле вовсе не желает впрыгнуть однажды в черной рубашке в круг факелов (в этом случае он должен будет яростно выкрикнуть: «В костер Рутелли!»^[68]) Приходится отринуть Миф о Человеке, дававшем первый толчок, и довольствоваться его более спокойной внучкой (чья зачетка не позволяет ей давать первотолчок даже клистиру^[69]) или тем, кто предложит новый способ давать первый толчок. Это признак возврата к младенческому состоянию, — такие поиски спасителя, который защитит от торжествующей смуты и который снова покажет большим и малым, что такое «здоровые» чувства.

⁶⁸ *Франческо Рутелли* — левоцентрист, многолетний политический соперник Берлускони. В декабре 1993 г. стал мэром Рима, победив на выборах Джанфранко Фини, верного соратника Берлускони.

⁶⁹ В 1992 г., закончив артистическую карьеру (которой она была обязана в основном своей тетке Софи Лорен) и прежде чем начать политическую, Алессандра Муссолини (р. 1962) получила диплом хирурга.

1993

Несколько веских причин, чтобы бросить бомбу

За последние десять дней чего мы только не наслушались: что бомбы бросает мафия, «вооруженная фаланга», коварные спецслужбы, те, кто желает дестабилизации обстановки, и, наоборот, те, кто желает ее стабилизации... Но при этом даже технические эксперты не могут сказать ничего внятного и определенного, у нас есть только какие-то предположения, которые претендуют на то, чтобы стать методом решения загадки в целом.

Одним из первейших критериев в каждом расследовании является критерий экономии: рассматривая несколько различных феноменов, всегда надо пытаться — если между ними можно отыскать какое-то подобие — свести их к одной и той же причине. Если в течение достаточно короткого промежутка времени в Лондоне убивают дюжину проституток, причем одним и тем же способом, естественно, что начинают разыскивать одного виновника, которому присваивают имя «Джек-Потрошитель».

Но критерий экономии не всегда оправдан: в конце концов, Джек так никогда и не был найден, и кто может исключать, что виновников на самом деле не было больше одного и что они не действовали, вдохновляясь один другим? Мольеровские медики были уверены, что в состоянии свести разные болезни к одной и той же причине — неуравновешенности жидкостей в организме, и лечили все кровопусканием, однако они ошибались, и больные умирали.

Кажется убедительным, что бомбу во Флоренции^[70] бросала та же самая рука, что и в Риме, но может оказаться скоропалительным вывод о том, что, «следовательно», это та же самая, что бросала бомбы в Болонье, Брешии, на пьяцца Фонтана^[71] и так далее, отступая все дальше в прошлое. Почему? Потому что во всех случаях это происходило на пороге политических изменений, которым кто-то хотел помешать? Это тоже подозрительно, но попробуем на мгновение предположить, что мотивы были не одни и те же, — хотя бы потому, что не существует какой-то мифической «мировой закулисы» и силы, которые нынче могут иметь причины сопротивляться изменениям, возможно, отличны от тех, что противодействовали изменениям в 1969 году (да и изменения происходят не под тем же знаком).

Попробуем предположить: да, первые бомбы были взорваны с целью дестабилизации, потом кто-то другой смекнул, что, подкладывая бомбы, можно добиваться других интересных последствий, и начал использовать тот же метод, преследуя иные цели. Остается ответить на два вопроса. Первый: возможно ли, что различные лица или группы лиц в состоянии независимо друг друга организовать нечто, требующее оборудования, опыта, профессионализма? Ответ — да. Находятся четырнадцатилетние, которые могут взломать компьютер в Пентагоне, и восемнадцатилетние, которые могут так переделать малолитражку «фиат-типо», что она будет мчать не хуже

⁷⁰ В галерее Уффици 27 мая 1993 г. Четверо погибших. Считается, что это дело рук мафии.

⁷¹ Перед зданием сельскохозяйственного банка на пьяцца Фонтана в центре Милана 12 декабря 1969 г. погибли 16 человек и были ранены 88.

«мазерати», так неужели заинтересованный заказчик не найдет на рынке любых технических исполнителей?

Второй вопрос состоит в том, каковы могут быть эти другие «веские» причины бросать бомбы. Вот вам одна, не такая уж невероятная (если вообразить, что вокруг нас хватает циничных и безжалостных людей — что не так уж трудно): предсказуемый эффект от взрыва бомбы — неделю, если не больше, печать и телевидение (не говоря уж о парламентских дебатах, встречах на высшем уровне и тому подобном) будут заняты только этим. Бомба займет не просто самую первую, но множество начальных страниц, и все остальные новости, от расследования убийства журналиста до антикоррупционной кампании, от Сербии до финансов и промышленности, отойдут на второй план — в большинстве случаев о них скажут, но их не прокомментируют.

Теперь представьте себя на месте человека или группы людей, которым стало известно, что завтра или послезавтра широкой публике будет представлен некий факт, на который пресса накинется с радостью: будут задавать вопросы, устанавливать связи с другими подобными фактами, выдвигая предположения, и так далее. Как можно избежать этого громкого «взрыва» в массмедиа, чтобы выиграть время для необходимых предупредительных действий? Одна-единственная бомба даст вам столько времени, сколько нужно.

Однако недостаточно просто взять газету за день взрыва, посмотреть, что было интересного на внутренних страницах, и указать пальцем на виновника. Если заказчик предусмотрителен, ему не придется действовать столь поспешно, он может сыграть на опережение. Кроме того, не обязательно это должна быть новость типа «та-

кой-то подозревается в...»; речь может идти о заметке на первый взгляд незначительной, но отталкиваясь от которой можно вывести далеко идущее умозаключение, так что было бы желательно, чтобы на нее обратило внимание как можно меньше народу. Более того, может случиться, что новость, способная вызвать интерес, если ее раздуть до скандала, сама по себе настолько невнятна, что газеты просто не поставят ее из-за недостатка места. Наконец, речь может идти о новости предстоящей: кто-то собирается сделать нечто, о чем он не желает слышать много пересудов, и заранее, за несколько дней, отвлекает общественное мнение на что-то другое.

Так что придется обрабатывать за компьютером все, даже самые незначительные, данные новостных агентств в течение месяца и набрасывать многочисленные альтернативные сценарии — только тогда удастся чего-нибудь добиться.

1993

О шпионах

Вчера я читал очередную статью о наших спецслужбах и, разумеется, выяснил, что они занимаются не своим делом (что меня огорчило) и что в их работе необходима бóльшая прозрачность (здесь я, как обычно, хихикнул). Мыслимое ли дело, спрашивал я себя, чтобы наши уважаемые политики и журналисты продолжали рассуждать о спецслужбах, не прочитав ни единого шпионского романа? Хорошие шпионские романы обычно пишутся людьми, которые сами упражнялись в этом искусстве, и поэтому, даже если они и выдумывают фабулу, они доходчиво объясняют, как эти службы работают.

Я, как человек, шпионские романы читающий (помнится, однажды Коссига^[72] говорил мне о том, что читает их запоем, — и я его хорошо понимаю), кое-что из них выяснил. Прежде всего, каждая страна должна содержать спецслужбы. Она должна их содержать, как считается, для того, чтобы следить — путем внедрения или доносительства — за деятельностью террористических групп или контрабандой оружия, но в первую очередь — для того, чтобы заниматься (в интересах национальной безопасности) контршпионажем. А зачем заниматься контршпионажем? Затем, что каждая страна занимается шпионажем. И я очень надеюсь (я сказал: очень надеюсь), что наша страна занимается им тоже. Потому что, к примеру, если в Ливии имеется господин, который не прочь запустить ракеты на Лампедузу, то совершенно законно и оправданно желание, чтобы в Триполи был также господин, способный уведомить итальянские спецслужбы о появлении новых установок, нацеленных на Сапжок, да еще и способных, паче чаяния, достигать не только Лампедузы, но и Бергамо^[73]. Шпионаж — это отвратительно, но Макиавелли учит, что настоящий Государь должен, во имя блага государства, делать и отвратительные вещи.

Коли секретные службы занимаются внедрением агентов, доносительством или шпионажем, они не могут и не должны быть прозрачными. Они, как и следует из названия, секретны. Если глава спецслужбы даст через правительственную газету объявление о вакансии шпио-

⁷² *Франческо Коссига* (р. 1928) — премьер-министр Италии в 1979–1980 гг., президент Республики в 1985–1992 гг.

⁷³ *Лампедуза* — итальянский курортный островок, лежащий посередине между Сицилией и Ливией; Бергамо расположен на севере страны, в предгорьях Альп.

на в Стамбуле или доносчика в «Вооруженной Фаланге»^[74], а потом объявит имя победителя конкурса и сообщит публике бюджет операции, его надо немедленно расстрелять.

Но о спецслужбах можно сказать и другое. Поскольку им приходится находить не только смельчаков для внедрения, но и негодяев, готовых предавать своих подельников (и таким образом — негодяев вдвойне), они обычно имеют дело со всяким сбродом. Никого не должно это шокировать: каждая квестура использует информаторов, которых покупает за гроши, и никто не рассчитывает, что тот, кого покупают за гроши, окажется порядочным человеком. Тот, кто имеет дело со сбродом, должен обладать несокрушимой моралью и крепчайшими нервами (как, например, экзорцист, каждый день разговаривающий с дьяволом), или же он оказывается подвержен множеству соблазнов сойти с пути истинного. Что нужно цивилизованной стране от собственных спецслужб? Чтобы они не действовали против своей страны. И что надо делать, если кто-то действует? Поскольку службы секретны и не могут себе позволить быть прозрачными, самый главный начальник, назовем его мистер М, должен решить, пусть даже скрепя сердце, что этот господин будет найден в переулке с пулей в затылке или же никогда не вернется домой, сказав жене, что пошел купить сигарет, и самое большее, что произойдет — о нем объявят в телепередаче «Разыскивается...». Это очень печально, и я никогда не хотел бы оказаться на месте мистера М, но это делается так или никак.

⁷⁴ Имеется в виду националистическая организация, выступающая против иммиграции из Африки и арабских стран.

Но потом, если власти, призванные контролировать спецслужбы, замечают, что слишком много агентов находят в переулках, собираются секретные совещания, на которых обсуждается, как намекнуть мистеру М, что пора бы уйти в отставку по состоянию здоровья, потому что ситуация явно выходит из-под контроля. Но мистер М должен иметь постоянного куратора (и контролера) в государственном аппарате (в ранге министра, который по соображениям скрытности может быть хоть министром финансов, как в случае с ФБР), и этот министр должен в течение долгого времени следить за деятельностью спецслужб.

Сейчас в Италии спецслужбы остаются на месте, а министры меняются каждые шесть месяцев, и так на протяжении пятидесяти лет. Так что проблема не в том, что спецслужбы не прозрачны, а в том, что у них никогда не было серьезного куратора и они всегда оказываются лицом к лицу со свежееиспеченными контролерами, которые берутся следить за тем, в чем ничего не смыслят. И разумеется, кот из дому — мыши в пляс. Будь я мистером М, я бы тоже, разумеется, не захотел бы ничего объяснять новичку, потому что мистер М не святой, и искушение никому не давать отчет очень сильно во всех нас, чем бы мы ни занимались.

Итак, проблема не в прозрачности, а в компетентности тех, кто должен контролировать дело, непрозрачное по определению. Спецслужбы нестабильны потому, что правительство нестабильно.

«Коррида» Коррадо и настоящая страна

Газеты объявили, что «Коррида» Коррадо^[75] со своими почти что семью миллионами зрителей обогнала прочие, более новые телепередачи, в изобилии появляющиеся каждый день. И кто-то пытается объяснить этот успех ведущим, которому пора на пенсию, и идеей, которая уже износилась до дыр.

«Коррида» — это передача «рисковых дилетантов», в которой публика по-садистски развлекается, глядя на старичков, отплясывающих чечетку, домохозяек, пытающихся изображать Мадонну, и тому подобное. Античные *circenses* (цирковые представления) являли собой жестокие зрелища, интерес к которым основывался на трепетном предвкушении объявленной смерти гладиатора (или мученика). Новые же *circenses* зиждятся на трех противоречивых чувствах: немножко живого сочувствия к бедняге, выставляющему себя на всеобщее посмешище; садистское удовлетворение от созерцания участи, которую, в отличие от коллизейских мучеников, не принимают, а выбирают добровольно; что-то вроде скрытой зависти к тем, кто, отбросив стыд и разрешая над собой издеваться, получают взамен всеобщую известность — на следующий день киоскер и булочник будут их поздравлять, позабыв о том, какой жалкий вид они имели, и помня

⁷⁵ Телешоу, в которых непрофессиональные артисты соревнуются друг с другом на глазах у публики, — причем у каждого из них две минуты, чтобы завоевать симпатии зрителей. Придумано популярнейшим телеведущим Коррадо Мантони (1924–1999), известным в Италии просто как Коррадо, в 1986 г. и с тех пор не сходит с телеэкранов.

лишь о том, что их показали по телевизору, — о чем мечтает каждый.

Секрет «Корриды» (которая, возможно, начиналась много лет назад просто как плохой балаган) в том, что она представляет собой квинтэссенцию итальянской общественной жизни.

«Коррида» была жестокой, пока демонстрировала старый примитивный трюк: выводила на сцену смешного уродца, «человека, который смеется», горбуна из собора Парижской Богоматери, кувыркающегося карлика, заику и прочее в духе грубоватых комедий вроде «Давай-давай, кретин!» — в стране, где образцом для подражания были господа в темных двубортных пиджаках, которые торжественно перерезали ленточки и выражались фразами изощренными и непонятными. Тогда «Коррида» имела ограниченную аудиторию, состоявшую из опоздавших родиться средневековых школяров и садистов, которым не довелось стать палачами.

Но сейчас «Коррида» полностью отражает итальянскую ситуацию — а именно новый этикет, созданный во Второй республике как раз такими рисковыми дилетантами, которые, демонстрируя свое политическое бескультурье, громоздят анаколуфы^[76], неточные метафоры, варваризмы, перевранные цитаты, стилистические погрешности. Прежде всего заменили велеречивый «язык курии» — только не разговорным, а вульгарным языком, полемику — бранью, термины — матерщиной, и, думая, что «говорят как дышат», на самом деле говорят как рыгают.

⁷⁶ *Анаколуфа* — стилистическая фигура, состоящая в неправильном грамматическом согласовании слов в предложении.

Со своей стороны, рядовая публика (так и говорят — «публика», хотя когда-то это словечко звучало как на-смешка: «ну, публика!») старается соответствовать этому новому публичному стилю поведения и стимулирует появление телепередач, в которых выражается их ото-всюду понадерганная культура, благосклонно принима-ются манеры, которые некогда стали бы предметом изу-чения на семинарах по психиатрии, выносятся на всеоб-щее обозрение семейные дразги и встречаются аплодис-ментами те, кто ведет себя подобно киноперсонажу Каприоли^[77], который, хныча и мямля, жаловался, что ему не дали работу диктора на радио, потому что он но-сил резиновый напальчник на прищемленном дверью пальце: «из-за резиночки... из-за резиночки...».

Некогда в Барселоне существовал (говорят, что существует до сих пор, но исполнители уже не те) «При-ют богемы» — заведение, в котором выступали (позволив себя убедить, что публика все еще без ума от них) ста-рые театральные развалины, задыхающиеся восьмидеся-тилетние певцы, скрученные артритом почти столетние балерины, древние субретки, хрипатые и целлюлитные... Зрители, состоявшие на треть из ностальгирующих, на треть — из любителей ужасов и на треть — из снобов-ин-теллектуалов, наслаждавшихся таким образом «театром жестокости», отбивали ладони, аплодируя, и в наиболее захватывающие моменты готовы были стрелять в пиани-ста от избытка эмоций, а исполнители были счастливы — потому что чувствовали, что зал был некоторым образом — с ними, для них, как они.

⁷⁷ *Витторио Каприоли* (1921–1989) — телеактер и сценарист.

Итальянская общественная жизнь порою очень напоминает этот «Приют богемы», в ней царят крики и ажиотаж, невоздержанность, оскорбления, пена у рта, и мало-помалу «публика» (отнюдь не отбросы общества) начинает относиться к ее событиям как к жестокому спектаклю, задуманному Ариасом^[78] (помните его великолепный мюзикл «Мортадела»?), с участием карликов и престарелых балерин. Так что же удивляться успеху «Корриды»? Она кажется квинтэссенцией прочего, — напоминает нам, кто мы есть и чего хотим, восхваляет не исключения, а правила. Коррадо — это просто Гоффредо Мамели^[79] наших дней.

С другой стороны, «Коррида» — это также триумф политкорректности и может служить образцом для других, более «серьезных» передач.

Традиционный комический театр всегда эксплуатировал уродцев, слепых, заик, карлика и толстяка, убогого и странного, тех, кто выполнял работу, считавшуюся бесчестной, или принадлежал к этнической группе, считавшейся второсортной. Все это стало табу: теперь невозможно не только оскорбительное передразнивание беззащитных парий, но даже Мольеру не было бы позволено сейчас иронизировать над медиками: лига по охране их прав тут же встанет на защиту от предполагаемой диффамации.

Необходимо было найти решение, и решение было найдено. Нельзя больше выставлять на посмешище дере-

⁷⁸ *Альфредо Ариас* (р. 1944) — французский драматург и режиссер аргентинского происхождения.

⁷⁹ *Гоффредо Мамели* (1827–1849) — автор текста национального гимна Италии, принятого в 1946 г.

венского дурачка — это недемократично; но в высшей степени демократично предоставить ему слово, предложить ему представить себя самостоятельно, в виде прямой речи (или «от первого лица», как называют это сами деревенские дурачки). Как это и происходит в настоящих деревнях, минуя какую бы то ни было художественную обработку. Теперь не смеются над актером, изображающим пьяного, а просто покупают выпивку алкоголику и смеются над его свинством.

Достаточно вспомнить, что эксгибиционизм не просто входит в число выдающихся качеств деревенского дурачка, но также найдется легион таких, кто ради удовлетворения собственной страсти к эксгибиционизму готов исполнять роль деревенского дурачка. Некогда двое супругов, чей брак дал трещину, подали бы в суд за клевету, если бы кто-то позволил себе обыгрывать их жалкие перепалки, — как учит поговорка, грязное белье следует стирать дома. Но если те же самые супруги не просто позволяют, но жаждут возможности выставить на всеобщее обозрение свое убожество — кто теперь сможет их осуждать?

Мы оказываемся свидетелями того, как парадигма чудесным образом выворачивается наизнанку. Исчезает фигура комика, который оскорбляет беззащитного неполноценного инвалида, и, напротив, неполноценный появляется собственной персоной, бесстрашно предъявляющий собственную неполноценность. Счастлив он, выставя себя напоказ, счастлив телеканал, который может сделать зрелище, не платя актерам, и счастливы мы, — мы можем наконец снова смеяться над чужой глупостью, удовлетворяя собственные садистские наклонности.

Телеэкраны теперь ломаются от безграмотных, смело путающих глаголы, гомосексуалистов, называющих «старыми педрилами» тех, кто разделяет их же собственные вкусы, истеричек прорицательниц, устраивающих балаган из собственной запущенной болезни, не попадающих в ноты певцов, «синих чулков», вещающих о «палингенетивном подавлении человеческого подсознания», счастливых рогоносцев, безумных ученых, непризнанных гениев, авторов за свой счет, тех, кто раздает оскорбления, и тех, кто их принимает, тех, кто безмерно рад, что наутро о них будут говорить в лавочке на углу. Раз уж деревенский дурачок радуется, выставляясь на показ, мы тоже можем смеяться над ним без зазрения совести.

1995

Стыдно не иметь врагов!

В одной из «картонок» я уже рассказывал о моих приключениях с таксистами. Такие приключения в Нью-Йорке интереснее, чем где бы то ни было еще, по трем причинам. Прежде всего, таксисты там самого разного происхождения и цвета кожи и говорят на самых разных языках; на карточке значится имя, и очень забавно бывает гадать, кто шофер по национальности — турок, малиец, грек, еврей, русский и так далее. Многие из них постоянно слушают «свое» радио, станцию, которая вещает на их языке, передает их песни; иногда доехать от Виллиджа до Центрального парка — все равно что совершить путешествие в Катманду.

Во-вторых, в Нью-Йорке никто не водит такси всю жизнь, это — временное занятие; поэтому за рулем можно встретить студента, безработного банковского служащего, недавнего иммигранта. В-третьих, разные группы

таксистов сменяют друг друга: то большинство из них греки, то вдруг все, как один, пакистанцы, то пуэрториканцы и так далее. Это позволяет следить за волнами миграций и за успехом, какого добилась та или иная этническая группа: когда ее представители покидают такси, это значит, что им улыбнулась удача, они заявили о себе, и теперь все устроились на работу в табачные киоски или в зеленные лавки, перебрались в другой район и поднялись на одну ступеньку по общественной лестнице.

Таким образом, если отвлечься от всяких индивидуальных вывертов (кто-то зол, а кто-то прекрасодушен; кто-то горячо поддерживает некую партию, а кто-то яростно выступает против чего-нибудь и так далее), такси — наилучшее место для социологических исследований.

На прошлой неделе мне попался темнокожий таксист с неудобнопроизносимым именем и поведал, что он — пакистанец. И спросил в свою очередь, откуда приехал я (в Нью-Йорке все откуда-нибудь да приехали); я ответил, что из Италии, и он буквально засыпал меня вопросами. На первый взгляд казалось, будто Италия его очень интересует, но вскоре я понял, что он попросту ничего не знает о моей стране — ни где она расположена, ни на каком языке там говорят (обычно, если таксисту сказать, что в Италии говорят по-итальянски, он слегка обалдевает, ибо твердо убежден, что весь мир говорит по-английски).

Я по-быстрому описал ему полуостров: посередке горы, по краям берега и много красивых городов. Он спросил, сколько нас, и поразился, что так мало. Потом он спросил, белые мы или смешанной расы, и я постарался обрисовать страну, где первоначально жили одни бе-

лые, но теперь есть и черные, хотя меньше, чем в Америке. Естественно, он хотел знать, сколько у нас пакистанцев, и очень опечалился, услышав, что, может быть, их и есть какое-то количество, но уж всяко меньше, чем филиппинцев или африканцев; он, наверное, призадумался, отчего это его народ обходит наши края стороной.

Я по оплошности сказал ему, что индийцев у нас тоже очень мало, и он метнул в меня злобный взгляд: разве можно ставить на одну доску такие разные народы да еще поминать при нем этих грязных недочеловеков.

Наконец он спросил, кто наши враги. «Что, что?» — переспросил я, и он терпеливо пояснил, что хочет узнать, с какими народами мы в настоящее время воюем из-за территориальных претензий, расовой ненависти, постоянных нарушений границы и тому подобного. Я сказал, что мы ни с кем не воюем. Он с неизбывным терпением растолковал, что хочет узнать, кто наши исторические противники, те, что испокон веку убивают нас, а мы — их. Я повторил, что таковых у нас нет, что последнюю войну мы вели пятьдесят с лишним лет назад, да и тогда не знали в точности, кто наши враги, а кто — союзники. Но он этим не удовлетворился, он был уверен, что я лгу, и заявил об этом в открытую. Может ли такое быть, чтобы народ не имел врагов?

На этом все и кончилось, я вылез из машины, оставив ему два доллара на чай, в виде компенсации за наш непробиваемый пацифизм, а потом со мной случилось то, что французы называют *esprit d'escalier*: это когда стоит тебе спуститься по лестнице после какого-то разговора, как в голову приходит достойный ответ, который ты мог бы дать, или удачная шутка, которая пришлась бы к месту.

Я должен был сказать ему: нет, это неправда, что итальянцы не имеют врагов. Внешних врагов у них и в самом деле нет; а если бы и были, то итальянцы никогда бы не сподобились договориться между собою и решить, наконец, кто они, эти враги, ибо мои соотечественники постоянно ведут войну, только внутреннюю. Итальянцы воюют друг с другом: когда-то один город воевал против другого, еретики — против ортодоксов, потом — класс против класса, партия против партии, течение в партии против другого течения в той же самой партии; после — регион против региона и, наконец, правительство против судебных органов, судебные органы против экономической власти, государственное телевидение против телевидения частного, сторонники коалиции против сторонников той же самой коалиции, департамент против департамента, газета против газеты.

Не знаю, понял бы он меня или нет, но зато я бы избавил себя от позора принадлежать к стране без врагов.

1996

Заметочки о каникулах off-shore

Этим летом, по стечению досадных обстоятельств, я остался без отпуска. Прошу прощения за автобиографическую подробность, которая никому не интересна, однако должен же я разъяснить, каким образом, не принадлежа к высшей финансовой элите, я оказался на Большом Каймане. В те недели я мотался между двумя Америками и, обнаружив с радостным изумлением, что у меня освободилось пять дней, удрал на ближайший из островов Карибского моря, куда можно было долететь без сложных пересадок. То был один из Каймановых островов, расположенный чуть к югу от Кубы, недалеко от Ямайки; кро-

хотное государство, принадлежащее к Британскому Содружеству, где в ходу каймановы доллары, — когда платишь каймановыми долларами, такое впечатление, будто ты в Диснейленде.

Каймановы острова имеют три особенности: первая, к которой я еще вернусь, то, что это — известный всему миру налоговый рай; вторая — тихое, прозрачное, теплое море, плавая в котором натыкаешься то на невероятно проворных морских черепаха, то на скатов, невообразимо огромных, но вполне дружелюбных, так что я подумываю о том, чтобы составить новый Манифест в Защиту Ската; и, наконец, та, что местный туризм большей частью основывается на мифе о пиратах.

И не потому, что Колумб, причалив к этим островам, назвал их Тортугас, ибо знаменитая Тортуга, памятная по книжкам Сальгари^[80], лежит немного к северо-западу, а потому, что в силу их расположения и того, что первоначально они были пустынные, эти острова служили убежищем для многих пиратских кораблей — отсюда они совершали свои набеги. Умело используя этот миф, местные туристические фирмы набивают целые супермаркеты разным пиратским снаряжением (к восторгу самых юных туристов) и организуют пиратские празднества. Галеон, вполне правдоподобный, хотя и скромных размеров, становится на рейд, оттуда высаживаются пираты с повязками на глазу, крючьями, абордажными саблями; они похищают визжащих девиц в костюмах под старину, устраивают поединки и, наконец, фейерверк, пиратские танцы на берегу и обильный ужин: тушеная черепаха и моллюски с напоминающей жевательную резинку мякотью, богатой

⁸⁰ *Эмилио Сальгари* (1862–1911) — итальянский писатель XIX в., автор 1 приключенческих романов для подростков.

протеинами, которую местные жители готовят разными способами. Шоу рекомендуется для всей семьи, поскольку пираты (подумайте, сколько рабочих мест предоставляет этот пиратский промысел для мирных кайманцев) во время своих набегов не имеют права выпить даже кружки пива.

В общем-то, все мы знаем, что пираты (те, настоящие) были негодяи без стыда и совести, не признающие законов: им ничего не стоило отрезать руку ради кольца; они упивались насилиями и грабежами; любимой забавой для них было проводить какого-нибудь несчастного по доске в море; одним словом, преступники, сыновья, мужья и отцы женщин сомнительного поведения; ужасные на вид, немытые, воняющие чесноком и ромом. Но время лечит любые раны, с Божьей и Голливуда помощью, и теперь эти жалкие людишки превратились в героев легенды: пап, мам и детишек, приезжающих сюда, неодолимо влечет их полная приключений жизнь.

А теперь вернемся к тому, что Каймановы острова — рай *оффшора*, то есть место, где не существует налоговых пут и куда, как мы ежедневно читаем в судебных хрониках, переводят капиталы мастера липовых смет, корсары вымогательств, лазутчики Взяткополя, торговцы оружием — словом, те, кого наша нынешняя мораль признает человеческим отребьем. Но что будет через двести или триста лет?

Время залечит раны. Бродя по острову, я воображал, как эти крестные отцы со всего мира сидят в укромных виллочках, разбросанных по всему побережью, и плетут козни, как то и полагается представителям теневого бизнеса, закоренелым взяточникам, отмывателям денег сомнительного происхождения. А еще я воображал,

как через двести лет местная туристическая фирма устроит представление: длинные яхты с вертолетами на борту подплывут к берегу, и с них высадятся негодяи нашего времени, лишаящие куска хлеба вдов и обижающие сирот, раса хозяев, новые флибустьеры, виртуозы уклонения от налогов, серферы оффшора, а с ними — гибкие, тоненькие актрисульки и фотомodelьки; все, разумеется, будет понарошку, ибо подлинные персонажи давно уже сойдут в могилу; но актеры оденутся так, как сегодня одевается богатый адвокат с уголовной клиентурой, эксперт по ложным банкротствам, взяточник — чисто выбритый, благоухающий дорогим лосьоном, с золотой цепочкой на загорелой груди...

И туристы будут платить, чтобы увидеть висельников нашего века. Однако, если мы можем вспомнить имена былых пиратов — Морган, Дрейк, Пьер Л'Олонне, капитан Флинт и Долговязый Джон Сильвер, то к тем, будущим, придется относиться с большей осторожностью. Хотя всех их и выпустили под залог, никто так и не был признан виновным.

1996

Памяти Джинджер Роджерс

Умерла Джинджер Роджерс. Думаю, эта новость тронет сердца людей моего поколения и любителей кино всех возрастов, которые смотрят снова и снова, как она, легкая и грациозная, танцует со своим незабвенным Фредом Астером. Вдумавшись (и вглядевшись), можно обнаружить, что у Астера, скорее всего, были более одаренные партнерши, а у самой Джинджер, когда она не танцует, походка тяжелая, чуть подагрическая, как у Де Си-

ки^[81] в роли фельдфебеля из фильма «Хлеб, любовь и фантазия».

Но какая разница? Это они — классическая пара, это их воздушные вальсы и залихватская чечетка сотворили миф, который десятилетия спустя вдохновил Феллини на создание фильма «Джинджер и Фред».

Но я не собираюсь вдаваться в ностальгические воспоминания. Дело в том, что Джинджер и Фред, те, настоящие, задали модель жизни как спектакля и спектакля как жизни — модель, которая ныне восторжествовала в нашем обществе. Сами они, впрочем, этого не знали, а полагали, что всего-навсего делают мюзикл.

Все знают, что мюзикл — это такой спектакль, сначала поставленный в театре, а затем снятый в кино, где герои то говорят, то поют. Вот вам достаточная причина, чтобы заявить: нет, в мюзикле все не так, как в жизни; но то же самое можно сказать и об опере или оперетте.

Однако же у американского мюзикла есть другая особенность: если насчет оперы никто не задается вопросом, почему герои поют, а не говорят и как это может быть, чтобы девушка в последней стадии чахотки испускала трели, каких не выдержат и здоровые легкие, то в мюзикле такую странность пытаются чем-то оправдать. История, которая там рассказывается, — это история о том, как некие персонажи готовят постановку мюзикла.

Следовательно, мюзикл всегда говорит в основном о самом себе; это — модель метаромана, который литературные критики считают порождением постмодернизма: романа, где повествователь выводит персонажа, который

⁸¹ *Витторио Де Сика* (1901–1974) — известный итальянский актер и кинорежиссер.

пишет роман, как правило, тот самый, который излагается.

Будучи так построен, мюзикл уже предполагает, что жизнь — это некий спектакль, поскольку превратности, которые преодолевают персонажи, стоят на пути к великой, героической цели: поставить спектакль на сцене. Дойти до премьеры, добиться триумфа для Джинджер и Фреда то же самое, что для Ахилла — победить Гектора, а для Улисса — захватить Трои. То и дело незаметно переходя от спектакля к жизни, персонажи мюзикла никогда не знают, где жизнь, а где игра.

Этим объясняется, почему Фред Астер приходит на все любовные свидания во фраке и почему в сцене, где по законам реалистического кино он должен был бы привязать Джинджер к спинке кровати (или она его — и оба должны были предаться безудержной страсти, как того требует *основной инстинкт*), он вместо того кружит партнершу в танце. При этом поет. Сублимирует эротику.

Вот в чем величие и прелесть Джинджер и Фреда: говоря нам с улыбкой, что жизнь — спектакль, они в спектакле и оставались, не изливаясь со сцены в реальную жизнь. Я хочу сказать, что Фреду Астеру никогда не приходило в голову баллотироваться в президенты Соединенных Штатов только на том основании, что он неподражаемо отбивает чечетку.

Однако же, помимо воли божественных Джинджер и Фреда, их урок был воспринят совсем по-другому. То, что мы теперь называем «политикой-спектаклем», зрелищной политикой, — не что иное, как медленное развертывание основного принципа мюзикла. Подумайте только: ведь самые ожесточенные политические дебаты по телевизору уже проводятся не о том, «как управлять стра-

ной», а о том, «как представить на сцене хорошие политические дебаты»: во время дебатов дебатировались правила дебатов, обеспечивается равновесие сил, создаются равные условия.

Если раньше люди жили, занимались политикой, а потом шли в театр или в кино посмотреть, как комики лупят друг друга по морде, то теперь занимаются политикой, лупя друг друга по морде и ожидая одобрения тех, кто, дабы приобщиться к политической жизни, глядит, прильнув к экрану телевизора, как политики лупят друг друга по морде.

Этим объясняется и тот факт, что за душой у политиков осталось несколько плоских шуточек и пара расхожих мыслей: ведь в политике, как в мюзикле, все теперь построено на экивоках, на игре недоразумений. Джинджер принимала Фреда за другого, а Фред всегда считал, что Джинджер любит другого; оба прилагали все усилия, чтобы породить недоразумение, а потом сам ход действия приводил к узнаванию и счастливой развязке. Немногим отличаются от этого современные политические игры.

С одним непредвиденным последствием: зрители тоже решили принять участие в спектакле. И сказали неправду в предвыборных опросах. И тот, кто уже мнил себя победителем, бросился, отбивая чечетку, в объятия Джинджер, которая на самом деле любила другого.

1997

РЕЧЕНИЙ ИСТИННЫХ ВЫСОКОЕ ЗЕРЦАЛО^[82]

Языки и модели поведения

Как наговорить плохих слов в момент

Книжное приложение «Туттолибри» к газете «Стампа» решило провести среди читателей опрос, чтобы установить, какое слово является самым ненавистным и какое — самым любимым, и «для затравки» выяснило мнение на этот счет некоторых писателей. Должен сказать, что я согласен с ранее полученными ответами, по крайней мере в том, что касается ненавистных слов (мне кажутся таковыми слова «момент», «оптимизировать» и «потребитель»).

Что же касается самого любимого слова, тут я пребываю в некоторой растерянности. Конечно, в английском мне нравятся flabbergasted, discombabulated, preposterous и jeopardize^[83], в немецком — gemütlich^[84], в ис-

⁸² Первая строка сонета Витторио Альфьери «К себе самому» (1794).

⁸³ Ошарашенный, смятенный, несусветный, подвергать риску (*англ.*).

панском — *desarollo*^[85] и во-французском — *à savoir*^[86], но это просто шуточные реакции ксеноглота^[87] (тоже ничего). А в итальянском — не могу сказать: потому что ведь то слово хорошо, которое в данный момент, в данном контексте выразительно разрешает ситуацию и ложится на свое место. «Тонуть» — прекрасно у Леопарди^[88], но может оказаться банальным, когда речь идет о неуспехе предприятия, и ненавистно тому, кто размышляет о любовной лодке, разбившейся о быт. На страницах «Стампы» Фердинандо Камон находит прекрасным слово «любовница» и неприятным — «жена», но я не могу избавиться от мелкобуржуазных воспоминаний моего детства, в которых выражение «его любовница» относилось к густо накрашенной особе в мехах, встречавшейся с жирным чиновником в убогом окраинном баре перед блюдом, на котором лежали конфетки с ликером.

Но если вне контекста одни слова не милее других, не следует ли сказать то же самое в отношении слов ненавистных? «Момент» может звучать изящно в устах матери, которая хочет успокоить ребенка. И слово, которое я ненавижу больше всего — «спрягать»? Может быть, при первом употреблении оно звучало как смелая метафора. А «точно!» в значении «да»? В первых выпусках

⁸⁵ Разъяснять (*исп.*).

⁸⁶ А именно (*фр.*).

⁸⁷ Чужезыкого (*греч.*).

⁸⁸ Речь идет о последней строке хрестоматийного стихотворения Джакомо Леопарди «Бесконечность»: «И сладостно тонуть мне в этом море», пер. Анны Ахматовой.

телевикторины оно звучало уместно, как победный клич, славящий выдающуюся память игрока.

В какой момент слово становится ненавистным? Канон не выносит слова «потребитель» (оно вызывает у него ассоциации с грязным дикарем, который тербит раскиданные перед ним потроха). Ноя помню, когда это слово в конце пятидесятых впервые появилось — кажется, в художественной критике Джилло Дорфлеса, — многие восприняли его с большим удовлетворением, потому что оно избавляло от тяжелой необходимости неоправданного выбора между «читателем», «зрителем» и «слушателем», когда речь шла обо всех видах искусства сразу (и приходилось использовать такие смешные выражения, как «ценитель» и «знаток»). «Потребитель» — более нейтрально; ведь красота — это благо, которое можно ценить разными способами. Лонги^[89] провел перед картиной Пьеро делла Франческа всю жизнь; некоторые глядят на нее время от времени (хотя бы в репродукциях) и посвящают ей четверть часа вдумчивого созерцания; а другие бросают взгляд, пробегая по музейной зале, и все понимают, что она прекрасна. «Потребитель» — хороший нейтральный термин, которым можно определить эти разные способы приобретения художественного опыта.

Что делает это слово ненавистным? Тот факт, что (в первую очередь из снобизма и во вторую — из стадного чувства) его стали употреблять даже тогда, когда в этом нет особой необходимости, например говоря, что выставку посетило множество потребителей, — хотя в данном случае достаточно было сказать о множестве зрителей. Ненавистным слово становится, когда расходится в массы

⁸⁹ Роберто Лонги (1890–1970) — критик, писавший о художнике Пьеро делла Франческа (1415/1420–1492).

и его начинают употреблять где ни попадя. Бетховена тоже можно возненавидеть, когда он становится позывными радиотакси.

Представьте, что вы однажды знакомитесь на лестничной клетке со своим соседом по дому; он приглашает вас на чашечку кофе в бар и рассказывает анекдот — ничего особенного, но вполне сносный. Вы сочтете его приятным человеком и разойдетесь, довольные друг другом. Представьте теперь, что вы сталкиваетесь на лестнице каждый день, три раза в день, и всякий раз он угощает вас кофе и анекдотом. Очень быстро вам захочется схватить его за горло и держать, пока он не отдаст концы. То же самое происходит и со словами.

Прежде всего, слова делаются ненавистными потому, что нас бесит лень тех, кто использует их, оставляя киснуть в словаре множество других прекрасных слов. Подумайте, сколько у нас есть разных способов сказать (вместо «момента»), что мы постараемся сделать что-то очень быстро: мигом, немедленно, сию секунду, в мгновение ока, быстрее молнии, как на крыльях, «мама» не успеешь сказать, «пять сек», через гран времени, в крупицу вечности...

Нет, плохих слов не существует; даже какофоническое «встрясть» (не говоря уж о «встрявшем», «встрянувшем» и «встревавшем») может звучать уместно и грациозно, почему бы и нет, в соответствующем контексте. Слова невинны; это мы, используя их без фантазии, делаем их ненавистными.

Как публично сквернословить

В новом романе Курта Воннегута «Фокус-покус» главный герой решает не сквернословить и ограничивается выражениями вроде «вот кусок экскрементов!», «что за головка пениса!», «какой дом терпимости!». Очень уместная инициатива — когда цитируемые газетами политические мужи звучат как дворники, а на телеэкранах появляются почтенные синьоры, обсуждающие насущные проблемы при помощи выражений, эксплицитно относящихся к частям тела, обычно укрытым так называемым нижним бельем.

Я помню, как в этой самой рубрике некоторое время назад сам отстаивал право употреблять словечко «засраец» в тех случаях, когда приходится выражать самую сильную степень негодования. Но польза сквернословия — как раз в его исключительности. Использовать матерщину слишком часто — все равно что переписать целиком оперу Россини «Синьор Брускино», оставив только удары смычками по пюпитрам и заставив молчать другие инструменты. Муссолини, в трагический момент истории Италии, заявил в парламенте, что сделает из этой серой и невнятной залы бивак для своих легионов, и эта фраза звучала пугающе, в то время как если бы он сказал (а именно таков был смысл его заявления): «Говнюки, да я вас мог бы в задницу засунуть как два пальца обоссать!» — к нему бы отнеслись как к обыкновенному хулигану или заметили бы иронично, что условное наклонение здесь неуместно, потому что событие уже произошло.

Искусство оскорбления, воспетое Борхесом («Ваша супруга, сэр, прикрываясь тем, что служит в борделе,

продает контрабандные товары»^[90]), утрачено, ничего не попишешь. Но по крайней мере следует совершенствоваться в искусстве парафразы. Вот почему, к вящей пользе политических и общественных деятелей, ниже следуют некоторые выражения, без всякого сомнения изящные и отточенные, под чьим причудливым покровом знатоки могут распознать оригинальные выражения, куда более вульгарные и обыкновенные. И при этом предлагаемые варианты ничуть не уступают им в крепости.

«Вы обладаете черепной коробкой, более приспособленной для размножения, чем для рассуждения». «Не проследовать ли вам туда, где вы сможете найти себя в качестве пассивного партнера в осуществляемых по взаимному согласию отношениях совершеннолетних мужчин?» «Перестаньте, о содержимое дистального отдела толстой кишки, выделяемое при дефекации!»^[91] «Вы, тот, кто в день своего рождения был связан пуповиной с гражданкой, доведшей свою полиандрию до форменного неистовства!»

«Ого, какой лакомый кусок бартолиниевых желез и фаллопиевых труб!» «Этот-то? Да он от страха готов произвольно выделять непереваренные остатки пищи, продукты превращения и гниения пищевых веществ, остатки желчи и кишечной слизи с огромным количеством бактерий!»^[92] «Густаво лишь на пятьдесят процентов добился обморока самостоятельно». «Пожалуйста, не крутите мне то, что древние римляне называли „свидете-

⁹⁰ Х. Л. Борхес. «Искусство оскорбления», пер. П. Скобцева.

⁹¹ Определение из «Малой медицинской энциклопедии».

⁹² Определение из «Словаря Брокгауза и Эфрона».

лями зрелости"». Как сказал Данте, «воспользовался конечным отделом толстого кишечника в качестве инструмента для подачи военных сигналов».

«Не льстите... ваши вкусовые сосочки потеряли всякую чувствительность благодаря обычно предпочитаемой вами еде, уже прошедшей все необходимые трансформации в нашем организме, увеличивая общий рост энтропии!» «Если вы не прекратите, я намерен ввести подошвенную часть моих ботинок „Тимберланд“ в соприкосновение с вашей паховой областью и снабдить вас импульсом, который позволит преодолеть значительное расстояние, не прибегая к обычным способам перемещения!» «Вы достойны всяческого осуждения, о персоне, чья задняя нижняя часть тела нуждается в немедленном вмешательстве пластического хирурга!» «О женщина, занимающаяся оказанием сексуальных услуг за деньги всем желающим! Я, кажется, потерял кошелек!»

1992

Профессионализм

Начало: «В ходе своей поездки по США Папа сумел сказать американским католикам то, что смогло их воодушевить, отделившись общими словами о том, что могло их рассердить, и не ставя Клинтона в неловкое положение». Вероятное продолжение: «Верховный понтифик продемонстрировал замечательный профессионализм при исполнении своих обязанностей». Начало: «Сантехник Фемистокл подсоединил трубу забора питьевой воды к канализационной трубе. Госпожа Розина отказалась платить за сделанную работу». Вероятное продолжение: «Госпожа Розина обвинила Фемистокла в недостаточном профессионализме; Фемистокл ответил, что не

собирается обсуждать с ней свой профессионализм и намерен обратиться в профсоюз сантехников, чтобы отстаивать свою репутацию среди профессионалов».

Начало: «Юноша Филиберто до смерти забил своих родителей. Это выяснилось потому, что он пришел на дискотеку, еще заляпанный мозговой тканью». Вероятное продолжение: «С редкостным профессионализмом Филиберто сумел прекратить существование тех, кому он обязан жизнью, но продемонстрировал также недостаток профессионализма в сокрытии следов преступления».

Некогда просто сказали бы, что Войтыла знает свое дело, Фемистокл — кретин, а Филиберто — несчастный сумасшедший. Но в наши дни сделалось весьма затруднительно проводить политические дебаты, обсуждать какое-либо противоречие, говорить о каком-либо деле, не выводя на сцену профессионализм. Об этой дурной привычке или причуде уже говорилось неоднократно, но поскольку избавиться от нее никак не удастся, к ней поневоле приходится возвращаться.

Известно, что если кто-то повторяет на каждом шагу: «Знаешь, мне можно верить, потому что я всегда говорю то, что думаю, и для меня честность превыше всего» — значит, мы имеем дело с законченным лжецом. Равным образом, эта мания подчеркивать свой или чей-то профессионализм подсказывает: в наши дни считается само собой разумеющимся, что никто больше не знает толком, как выполнять свою работу. Мало того, кажется удивительным, что кто-то делает ее хорошо, потому-то так радуется профессионализм детектива, когда он хватается за вора, и медика, который, увидев пациента, страдающего от приступа желчной колики, вставляет свечу Бускопана в задний проход, а не начинает удалять железы.

Сегодня в мире полно людей, которые не умеют делать то, что они наняты делать, — и происходит это в первую очередь из-за знаменитого «принципа Петера»^[93]: если Фемистокла, прекрасного монтажника смесителей, начнут продвигать по службе, может статься, что этот прекрасный монтажник окажется никудышным управленцем. Потому-то, говорит принцип Петера, в любой коммерческой фирме каждый, как правило, делает то, в чем он не разбирается. И также верно, что частенько американские президенты назначают послами тех, кто проявил себя толковым, благородным и преданным во время избирательной кампании, — вот почему очень многие американские послы так жадно набрасываются на дипломатию и производят много лишних движений.

Но в Италии такая мода на ложное понимание профессионализма возникла как один из побочных эффектов коррупции: для того чтобы вознаградить кого-то или вывести из-под удара, его передвигают на новую должность (лучше оплачиваемую), в которой он ничего не смыслит. То, что Кьеза, как говорят, неплохо организовал работу дома престарелых «Тривульцио»^[94] — случайность; в действительности он, прежде чем занять свой пост, ничего не смыслил в старушках. Другой руководитель RAI^[95]

⁹³ Лоуренс Петер (1919–1990) — канадско-американский психолог, методист. Сформулированный им в 1969 г. принцип гласит: «В любой иерархической структуре каждый работник рано или поздно занимает должность, соответствующую уровню его некомпетентности».

⁹⁴ 17 февраля 1992 г. в Милане был арестован президент фонда дома престарелых «Пио Альберго Тривульцио» Марио Кьеза; этот громкий скандал положил начало кампании по борьбе со сложившейся в Италии разветвленной системой коррупции и «откатов», получившей название Tangentopoli, то есть «Взятокполь».

⁹⁵ RAI — крупнейшая итальянская телевизионная компания.

после своей отставки получил административный пост в государственной нефтеугольной компании, а если кто-то провалит издание партийного ежемесячника, его отстранят, доверив руководство партийной ежедневной газетой.

В то время как принцип Петера (в своем международном варианте) позволяет проявлять свою некомпетентность на более высоком уровне тому, кто демонстрировал компетентность на низшем уровне, в итальянском варианте этот принцип разрешал проявлять свою некомпетентность на высоком уровне тому, кто уже проявил ее на более низком.

Заметьте, я везде использовал прошедшее время. Чтоб не сглазить. Словно я рассказываю истории из других времен. Но словом «профессионализм» продолжают злоупотреблять. Так что успокаиваться рано.

1993

Девочки, найдите свое место

Папу тоже нужно понять. Ясно, что аргументы, которые он использует для того, чтобы объяснить отказ рукополагать женщинам, кажутся очень шаткими, но не забывайте, что Папа должен учитывать традицию.

Начнем с Книги Бытия. Я не хочу сейчас увязать в сложных вопросах о том, наделена ли в библейском тексте признаком рода та сущность, которая в переводах обычно обозначается просто как Бог. Но первое человеческое создание, несомненно, было мужчиной, и этот мужчина (Адам) получил первую заповедь, касающуюся Древа добра и зла. На каком языке Бог говорил с Адамом — трудно сказать, и со времен Отцов церкви бытует

предположение, что речь идет об отношениях исключительно ментальных, из сердца в сердце, или же об общении, осуществляющемся посредством атмосферных явлений — громы, молнии, порывы ветра. Но на самом деле Адам, несомненно, является создателем первого естественного языка, потому что, «поговорив» с ним, Бог привел к нему всех птиц небесных и всех животных полевых, чтобы Адам дал каждому из них подходящее имя^[96]. Что за язык изобрел Адам по этому случаю — оставалось предметом споров на протяжении столетий, и не все согласны, что это был еврейский. С другой стороны, столетиями же выражалось недоумение, почему в этом эпизоде не были также упомянуты рыбы (возможно, они получили имена позже, постепенно, по мере того как Адам их ловил и бросал на сковородку, — такое предположение, без упоминания сковородки, высказал св. Августин в „De Genesi ad litteram“^[97]).

Только в этот момент оказывается сотворена Ева, которая, будучи извлечена из мужчины, получает от Адама имя «иша» — женская форма слова «иш» (мужчина или муж), — как сообщает мне примечание к Ветхому Завету в издании Гальбятти. Не случайно в Вульгате это будет переведено как *virago* — что хотя и не значит, как в современном итальянском, мужеподобную бабищу, все равно является производным от слова *vir*, муж. Ничего не попишешь: женщина появилась позже, и, вот ведь незадача, ее первый разговор состоялся со змеем. Она, эта бабища, пала, как спелое яблоко, и скажите мне, как можно доверить совершение обрядов легкомысленной

⁹⁶ Бытие 2: 15–19.

⁹⁷ Бытие в дословном значении (лат.).

особе, которая, едва получила возможность, отправилась гулять под ручку с Князем Тьмы.

Чтобы понять, насколько этот библейский эпизод отягчил христианское воображение, достаточно посмотреть, как воспринял этот текст человек, которому обычно не отказывают в хороших мыслительных способностях — я говорю о Данте Алигьери, который, между прочим, вошел в историю благодаря тому, что идеализировал и прямо-таки обожествил одну женщину. В первом томе трактата «О народном красноречии» Данте рассуждает о рождении языка, но, прежде чем перейти к этому вопросу, делает поразительное признание, которое стоит процитировать: «И вот, согласно тому, что сказано в начале Бытия, где Священное Писание повествует о начале мироздания, оказывается, что раньше всех заговорила женщина, а именно предерзостная Ева, отвечая любопытствующему дьяволу: [здесь Данте приводит ответ Евы змию]. Но хотя, согласно Писанию, оказывается, что прежде заговорила женщина, нам, однако, разумнее верить, что прежде заговорил мужчина; и несообразно полагать, что столь замечательное действие рода человеческого проистекло раньше не от мужа, но от жены»^[98].

После чего Данте принимается рассуждать о первом крике радости и узнавания, с которым Адам обратился к своему Творцу. Самое невероятное здесь то, что у Данте был перед глазами библейский текст, из которого он мог заключить, что в любом случае Адам говорил раньше Евы — когда он давал имена животным. Комментаторы объясняют, что Данте имел в виду первый диалог в полном

⁹⁸ «О народном красноречии», 1, IV, пер. А. Ф. Петровского.

смысле слова, каковым, несомненно, является диалог Евы со змием. Но больше всего поражает, что он дает библейскому тексту прочтение, которое я бы назвал исторически предвзятым. Он даже готов подправить Библию, настолько сильно его нежелание, чтобы женщина говорила первой.

Повторяю: говорящий это не апологет мизогинии, обуянный сексофобией: это Данте, почти образцовый муж и отец, идеальный воздыхатель. Вообразите же остальных.

Сила традиции велика: подумайте — веками всех удавалось заставить забыть, что ведь Иисус и апостолы сами принадлежали к той же проклятой нации евреев-богоубийц. Как же можно доверить священство женщине, если ее изначально страшились как ужасного несчастья? И речи быть не может, чтобы женщина провозглашала: «Отпускаю грехи», или «Сие есть тело мое», ведь первое, что она произнесла, было: «Привет, змий, как жизнь?»

1993

Неохомейнизм в американских университетах

На прошлой неделе на заседании кафедры в Колумбийском университете преподавателям было предложено обратить внимание на три новых термина, которые вошли в словарь «политической корректности» (или, как все в США сокращают, ПК) и которые обозначают три вида возможного нарушения прав личности, в данном случае — студента. Вот эти термины: mentalism, adultism и lookism. Под «ментализмом» понимается то, что нельзя

дать собеседнику понять, будто ты считаешь его умственные способности недостаточными, ибо тут будет иметь место очевидная дискриминация по уровню интеллекта. «Адальтизм» — это когда ты не должен давить своим возрастом на того, кто моложе тебя, ибо это очевидная дискриминация по дате рождения. Что же до «лукизма», который можно перевести как «внешнизм», то тут ты не должен дать собеседнику почувствовать, что ты его считаешь некрасивым, ибо это будет дискриминация по физическим данным.

Так вот, для всех типов поведения, которые вытаскивает на свет Божий новая морализирующая волна ПК, существует как сильный, так и слабый вариант. Если расовая дискриминация — это когда (сильный вариант) мы берем темнокожего и вешаем его на дереве, распевая «Дикси», то и без всякой ПК каждый знает, что так поступать не следует. Но если актеру-афроамериканцу, который претендует на роль Эрика Рыжего, нельзя намекнуть, что он не очень похож на викинга, тогда эта ПК рискует сделаться несколько навязчивой, тем более что по такой логике будет сексистской дискриминацией не утвердить Клаудию Шиффер на роль Кинг-Конга.

Возвращаясь к трем новым запретам, попробуем вообразить себе сильный вариант и согласимся, что таковой неуместен. Будет, разумеется, «ментализмом» сказать кому-нибудь: «Я никогда не встречал такого болвана, как вы; ваш умственный коэффициент ниже, чем у верблюда» (тем более что последнее выражение грешит «видизмом», ибо подвергает дискриминации верблюдов как недостаточно одаренный биологический вид). Будет, конечно, «адальтизмом» сказать: «Послушай-ка, я, чтобы попасть на это место, горбатил спину сорок лет, а ты в твои двадцать являешься как ни в чем не бывало, да еще

и разглагольствуешь: лучше молчи и слушай, что умные люди говорят; место твое у сортира».

Будет, несомненно, «внешнизмом» сказать: «Синьор, прошу вас, не садитесь за мой столик, ибо лицо ваше столь отвратительно, что мне кусок в горло не полезет; убирайтесь, мерзкая рептилия, гнусный таракан, и, прежде чем вообще являться в общество цивилизованных людей, даже если и не перед мои очи, вымойтесь хотя бы да купите чистящее средство посильнее, чтобы оттереть слои дурно пахнущих отложений, которые выросли на вашей коже за долгие годы неизлечимой водобоязни».

Но чтобы понимать, что таких вещей говорит не следует, достаточно хорошего воспитания. Страшно, что попадут под запрет и слабые варианты. Если преподаватель скажет студенту, что тот ошибается, утверждая, будто прямоугольный треугольник кипит при 90 градусах или будто Джузеппе Мадзини был градостроителем, построившим множество улиц своего имени, не переступит ли он тем самым черту, не впадет ли в «ментализм»? Может, преподаватель должен сказать так: «Прошу прощения, я, кажется, плохо изложил материал; в самом деле, я недостаточно прояснил разницу между градусом по Цельсию, градусом в геометрии и градусом в алкоголе; так простите же меня, и начнем все заново; извините мне мое скудоумие...»

Если мы поделимся с молодым человеком нашим опытом, разве это будет неуважением? Не станут ли студенты жаловаться на дискриминацию (в самом деле, уже жаловались, это документально подтверждено), если преподаватель слишком пристально посмотрел на прыщ, который вскочил у кого-то на носу, или невольно отпря-

нул, если кто-то при разговоре брызгает слюной? В университетских кругах то и дело слышишь, как студент, получивший плохую оценку, идет к декану и жалуется на дискриминацию со стороны преподавателя (почти всегда молодого, необстрелянного). Преподавателю делают внушение, ибо университетскому начальству не нужны неприятности, к тому же студенты за обучение платят, и преподаватель, напуганный, в следующий раз завышает оценки.

Это — новый вариант политического голосования, и я очень боюсь, что ярые поборники ПК очень похожи на хунвейбинов. Парадоксальным образом, ратуя за уважение ко всем, они расчищают путь неохомейнизму с его опасной нетерпимостью.

1993

Писать политически корректно

Пишущим по-английски известно, что еще до распространения политической корректности проблема выбора пола (в смысле — женского/мужского) становилась порой трудной грамматической задачей. Например, я только что написал «женского/мужского», в то время как десять лет назад естественнее было бы написать «мужского/женского». Но если бы только это. В самом деле, для того чтобы избежать ужасного слова *chairman* (что более-менее соответствует «председателю»), с ужасным мужским окончанием *man*, было изобретено *chairperson*. Но когда нужно написать по-английски что-то наподобие «если кто-либо найдет эту статью скучной, пусть бросит читать ее», прежде чем написать «бросит», автору теперь надлежит определиться — кому надлежит бросить? Ему или ей? И чтобы выйти из затруднения, писать

отныне he/she или лучше даже she/he (что очень утомительно — и получается что-то вроде «он и/или она»).

С другой стороны, в итальянском языке существует «читатель» — который имеет род и, фатальным образом, пол. В английском можно избежать этого, переводя фразу во множественное число, то есть говоря о *читателях* и используя бесполое местоимение *they*^[99]. Но по-итальянски, если я буду обращаться, скажем, к «любезным читателям», я автоматически исключаю «любезных читательниц».

И в том и в другом языке можно прибегнуть к безличным конструкциям («если наскучило, можно прекратить», а в английском существует к тому же совершенно бесполое *one*^[100]), но долго так продолжаться не может, и рано или поздно на сцене появится he/she.

В итальянском языке это не так драматично. У нас нет среднего рода и все относится к мужскому или женскому, но определяется он весьма произвольно (дверь — женского рода, но не женщина, выход — мужского, но не мужчина). Мы не ассоциируем автоматически пол с родом, и когда я пишу «мои читатели распределены равномерно», то что теряет один пол, приобретает другой.

Но благодаря этим проклятым личным местоимениям, которые всегда должны быть выражены в явном виде, многие американские эссеисты приняли героическое решение. Там, где мы написали бы: «Предположим, что некий студент посчитал свою оценку несправедливо заниженной; он решает пожаловаться декану», он (и/или

⁹⁹ Они (*англ.*).

¹⁰⁰ Один, этот, тот самый (*англ.*).

она) пишет: «...она решает пожаловаться декану». Иными словами, когда нужно ввести пример, его объект будет попеременно то мужчиной, то женщиной. Сразу видно, как рискованна эта процедура в тексте, в котором говорится, предположим, о добродетелях и недостатках, об удачах и неудачах. Кто должен падать с лестницы: он или она? Или, точнее, она или он?

Между прочим, это создает также серьезные проблемы нашим переводчикам. «Предположим, я обращаюсь к водителю-дальнобойщику и говорю ей...» — это еще ничего. Но стоит ли переводить: «Если у кого-то карьерес, ей надо удалить зуб»?

Конечно, в каждом языке свои сложности. Когда я пишу свою или редактирую чужую рукопись, мне всегда приходится решать вопрос о поле цитируемых авторов или исторических персонажей. Когда-то проблемы не существовало, потому что принято было говорить таким образом: «Кто лучше — г-н Блок или г-жа Гиппиус?» — и даже невежда мог догадаться, кто из них мужчина, а кто женщина. Но манера писать «г-н Кальвино, г-н Моравиа, г-н Пазолини», а также «по мнению г-на Кракси» и «как сказал г-н Скальфаро» несколько старомодна и встречается теперь только в публичных выступлениях адвокатов и министров. Но при этом мы постоянно говорим и пишем: «г-жа Моранте, г-жа Корти, г-жа Йотти, г-жа Гаравалья», а англичане, по крайней мере в оперном мире, пишут просто *la Callas*.

Можно, конечно, сказать: «Кто лучше — Блок или Зинаида Гиппиус?», но и таким образом не удастся избежать неравенства между обращениями, применяемыми к мужчине и к женщине. Хотя ведь мужчин тоже приходится порой звать по имени и фамилии, вспомните о много-

численных Чарли Браунах. Другое решение — писать просто: «Кто лучше — Блок или Гиппиус?» — только не говорите мне, что это не напоминает старой шутки о гомосексуалистах в театре, которые с пеной у рта спорят о достоинствах двух звезд, пока не оказывается, что один из предметов их восторга — женщина.

В общем, быть лингвистически нейтральным — не легкая задача; интересно будет посмотреть, как, со временем, язык выберет — что использовать, а что отвергнуть.

1993

Футбольное извращение

Оказаться в Аргентине в разгар Мундиалю, чемпионата мира по футболу, — нелегкое испытание. Особенно когда Аргентина выигрывает. У меня был запланирован ряд конференций и встреч, но в один прекрасный момент я обнаружил, что все мои дела отменены и у меня полдня свободны. На тот вечер была назначена встреча Италия — Норвегия^[101], и казалось невероятным, что мои хозяева придадут такое значение этому событию. Но эти часы я провел в полном одиночестве. Все остальное население Буэнос-Айреса было приковано к телевизору.

Так что я не мог уклониться от настойчивых вопросов журналистов по этому поводу. И вот что я сказал. Порою я тоже смотрю матчи, потому что это прекрасное зрелище и, когда ты погружен в него, оно доводит сердечного трепета, но спрашивать меня о футболе — это все равно что спрашивать меня о Дании. Дания, где я бы-

¹⁰¹ Чемпионат мира 1994 г. проходил в США; указанный матч группы E состоялся 23 июня и закончился победой итальянцев со счетом 1:0.

вал много раз, — чудесная страна, от андерсеновской Русалочки до Эльсинора или до Ютландии, и я буду рад там снова оказаться. Но я не могу сказать, что не сплю ночами, думая о Дании, а с утра пораньше заказываю какому-нибудь шелкоперу переводить мне датские газеты. Хорошо, что Дания существует, и этого довольно.

Когда ты пытаешься объяснить кому-нибудь отношение к футболу обычного человека, тебя не понимают. А одна аргентинская газета даже не удержалась от искушения озаглавить свою статью вложенным в мои уста заявлением: «Футбол — это сексуальное извращение». Я говорил это в более мягкой форме, и говорил уже не раз, но попробую снова объяснить мою точку зрения.

Я полагаю, что всякий нормальный человек должен, в соответствии со своим возрастом, заниматься любовью, и полагаю, что это хорошо и полезно для здоровья. Бывают также ситуации, когда мы смотрим на другую пару, занимающуюся сексом. Речь не обязательно идет о порнографии — это может быть нормальный фильм, в котором нам показывают двух людей приятной наружности, которые красиво любят друг друга. В определенных случаях такой опыт, как замена, тоже может принести удовлетворение. Наконец, существуют сексуально подавленные люди, которые возбуждаются, слушая рассказы какого-нибудь приятеля о том, как в Амстердаме он видел пару, занимавшуюся любовью. Здесь, мне кажется, мы вплотную подходим к извращению (если не брать в расчет явных инвалидов, которым приходится довольствоваться чем придется).

С футболом, по-моему, происходит то же самое. Играть в футбол — это замечательно, и мне жаль только, что в детстве и в отрочестве я настолько прославился

как мастер гола в свои ворота, что никто меня не брал в хорошую команду. Но можно просто попинать мячик в своем саду, для здоровья. Бывает также, что найдутся одиннадцать мужчин, которые играют лучше тебя, и поэтому следить за их игрой — захватывающее зрелище. Порою мне случается это делать, и я получаю удовольствие, как от оперы. Но бывают чудачки, которые проводят целые дни, доводя себя до инфаркта спорами о том, что газеты написали про те футбольные матчи, которых они сами даже не видели. Здесь, мне кажется, мы вплотную подходим к извращению (если не брать в расчет явных инвалидов, которым приходится довольствоваться чем придется).

Кто-нибудь может мне возразить, что то же самое можно сказать про спектакли, оперы, концерты. Не считаю ли я ущербными тех, кто ходит слушать Лучано Паваротти или смотреть на Витторио Гассмана? В каком-то смысле да, если они сами никогда не пробовали петь, не упражнялись — пускай без особого успеха — с каким-нибудь музыкальным инструментом или не участвовали в театральной самодеятельности. Я не помышляю о марксистской утопии — свободное общество, в котором каждый будет охотником, рыбаком и т. д. Но я убежден: тот, кто пробовал сам играть хотя бы на окарине^[102], лучше способен понять то, что делает великий музыкант; лишь тот, кто время от времени пытается петь, пусть даже бреясь или поливая цветы, «Смейся, Паяц» (или на худой конец «Элеонор Ригби»), оценит по достоинству дарование выдающегося певца. Того, кто сам никогда не пытался изобразить простенькую мелодию на пианино, не так тронет исполнение знаменитого пианиста. Каждому нуж-

¹⁰² Глиняная флейта-свистулька. Сам Эко виртуозно играет на флейте.

но попробовать петь, играть, декламировать — чтобы быть в состоянии оценить по достоинству тех, кто делает это гораздо лучше нас.

И если человек, который никогда не ходит в оперу, неделю будет обсуждать критические статьи о Паваротти, — я бы говорил об извращении, хотя такой случай довольно редок.

Все это очевидные вещи. Но почему-то очень трудно объяснить их тому, кто проводит часы за спорами о футболе и не находит времени, хотя бы по воскресеньям, поиграть вместе со своими детьми — например, против чьих-нибудь еще детей. Но может быть, это я — извращенец. Ни слова больше. Отправляюсь в Данию при первой же возможности.

1994

Деррик, или Страсти посредственности

Телесериал об инспекторе Деррике смотрят очень многие. В свете критического здравого смысла нет никаких причин тому, чтобы этот Деррик кому-то нравился. У главного героя водянистый взгляд, грустная улыбка вечного неудачника; одет он в скверный костюм с ужасными галстуками, как, впрочем, и все остальные актеры; интерьеры повергли бы погибшего Айядзони^[103] в неизлечимую меланхолию, а экстерьеры — худшее, что может предложить Бавария (даже начинаешь сомневаться, есть ли там что-то лучшее).

¹⁰³ Джорджо Айядзони (1947–1986) — итальянский «мебельный король», погибший в авиакатастрофе.

Остается предположить, что сама полицейская интрига блещет оригинальностью и Деррик завоевывает публику, обнаруживая необычайную остроту ума. Так нет же: если интрига и отличается новизной по отношению к прежним детективным историям, то эта новизна не первого порядка, прием уже вычерпан до дна в сериале о лейтенанте Коломбо: зритель с самого начала знает, кто преступник и как он совершил преступление. Весь интерес состоит в том, чтобы проследить, как полицейский, который не знает, угадает правду и, располагая крайне скудными доказательствами, заставит виновного выдать себя.

Но Коломбо, с его пролетарскими манерами, одетый еще хуже Деррика, вращается в мире калифорнийских магнатов, которые обращаются с ним как с половой тряпкой (а он их еще и подзуживает), будучи уверены, что этот неудачливый потомок давних эмигрантов не сможет пробить круговую оборону, преодолеть барьер высокомерия. Коломбо припирает их к стене коварно утонченными психологическими трюками, неожиданно вытаскивает из рукава козырной туз, обращает против них их же собственную губительную спесь. Зритель наслаждается этой борьбой пигмея с колоссом на глиняных ногах и уходит спать с ощущением, что вот, нашелся герой, простой и честный, как и он сам, и отыгрался за все его беды, наказав этих ненавистных богачей, красивых, храбрых, могущественных.

Деррик совсем не таков. Почти всегда он имеет дело с людьми более скромными и еще хуже одетыми, чем он сам, психически нестабильными, робеющими в присутствии представителя закона, как и подобает любому доброму немцу. Его виновные предстают столь бесстыдно виновными, что это обычно понимает даже Харри (удиви-

тельно, что в баварской полиции не проверяют уровень умственных способностей поступающего на службу); они ломаются практически сразу, от первого толчка. И все же Деррик срабатывает; не будем разыгрывать из себя снобов — мы не пропускаем ни одной серии.

Недавно вышла книга «Страсти в телесериалах» (издательство «Нуова Эри»), где Пьер Луиджи Бассо, Омар Калабрезе, Франческо Маршани и Орсола Маттиоли разбирают стратегии страсти, которые применяются в «Дерзких и красивых», «Твин Пикс» и как раз в «Деррике». О последнем пишет Маршани. Я не могу подробно изложить его анализ, занимающий добрых тридцать страниц, но там есть ответы на все вопросы, которые я поставил выше.

Для этих историй никогда не выбираются исключительные случаи, но происшествия, которые вполне могут попасть в газетную хронику. Подобное может случиться с нами или с нашими соседями, — главное, чтобы нам не показывали ни слишком героических персонажей, ни слишком отвратительных, закоренелых злодеев. И преступник, и страж порядка равным образом обуреваемы противоречивыми страстями — жаждой справедливости и личной мести, обоим присуще чувство вины и вполне понятная слабость. Места не должны быть слишком узнаваемы, чтобы не сужать поле идентификации, но атмосфера должна быть памятна и знакома всем. Сам я этого не заметил, но, кажется, по мере того как снимаются все новые и новые серии, персонажи все время меняют автомобили, устаревшие на более современные, чтобы зритель все время находился в атмосфере привычной повседневности. (Деррик не может позволить себе ездить на таком драндулете, как Колombo.)

Деррик узнает правду не потому, что он так чертовски умен, а потому, что он чувствует собеседника, всегда до какой-то степени доверяет ему, серьезно относится к его неприятностям, — подумайте, как отличается от него Колombo, который никогда никому не доверяет. Правда, и Колombo, как и Деррик, в конце переживает, что погубил виновного; но Колombo переживает потому, что за время долгой борьбы, длинного ряда хитроумных уловок с обеих сторон противник — так непохожий на него — стал ему чем-то симпатичен; Деррик страдает потому, что с самого начала любит виновного, числит его среди своих.

Подводя итоги, Калабрезе заключает, что Деррик — посредник между реальным и воображаемым, ибо приводит в норму ощущения, возникающие внутри повествования, и параллельно пробуждает тягу к норме в зрителях: «это — триумф посредственности, под которой понимается именно некто, находящийся посреди, среди других; она выходит из анонимности и приобретает ценность».

Теперь понятно, почему сериал пользуется успехом: он является квинтэссенцией любого телевизионного зрелища, включая и те, где выступают реальные персонажи, которых любят лишь тогда, когда их триумф — триумф еще большей посредственности, чем самый посредственный из зрителей.

1995

Краткие заметки о психологии городов

Я только что вернулся из Дрездена. Вот город, у которого есть все причины оплакивать свою судьбу. Великолепную столицу Саксонии, которую Гердер называл

«северной Флоренцией», раскинувшуюся среди роман­ тичнейших пейзажей, за три месяца до капитуляции Гер­ мании союзники подвергли самой варварской бомбарди­ ровке за всю войну. Город сровняли с землей, притом без всякой причины: было ясно, что очень скоро туда придут русские, да и вся страна была уже поставлена на колени. Об этом твердят и англо-американцы, не уставая выра­ жать сожаление и сочувствие.

Но город, хоть и не забыл ничего, несет свой траур не хныча, не упиваясь ролью жертвы и даже не затаив обиды. Его жители считают само собой разумеющимся, что вся история вам известна, и с гордостью показывают восстановленные дворцы, башни, соборы, изумительную пинакотеку, и сообщают, что в 2006 году, к 800-летию го­ рода, все придет в надлежащий порядок: исчезнут ужас­ ные здания, наспех воздвигнутые сразу после войны, и получат вторую жизнь фасады XVIII века, которые Бел­ лотто^[104] так точно запечатлел на своих картинах (Бел­ лотто не был столь чувствителен к неуловимым эффек­ там атмосферы, как его дядя Каналетто^[105], но его полот­ на точны и достоверны — исторический центр Варшавы тоже был восстановлен благодаря ему).

В Дрездене никто вас не спрашивает, находите ли вы город красивым. Вам это говорят. Это наводит меня на мысль, что города, как правило, делятся на две кате­ гории: те, что уверены в себе, и те, что не уверены. Я на­ зову лишь некоторые из уверенных в себе городов, заме­

¹⁰⁴ *Бернардо Беллотто* (1720–1780) — итальянский живописец, мастер «ведуты» — документально точного архитектурного пейзажа.

¹⁰⁵ *Джованни Антонио Каналетто* (1697–1768) — итальянский пейзажист.

тив только, что среди городов неуверенных имеются и столицы.

Жителям городов, уверенных в себе, даже в голову не приходит спросить гостя, что он думает об их городе. Некоторые без стыда и совести торгуют своими мифами („Paris, la ville lumière“, „Cuanto sei bella, Roma“, „New York, New York“^[106]), но вовсе не просят вас усиленно кивать головой и соглашаться. Само собой разумеется, что вы потрясены, а если нет, тем хуже для вас. Есть и другие, например Лондон, Милан или Амстердам, где вам кладут в гостиничный номер проспект или брошюру со списком достопримечательностей, но не говорят много о себе и во всяком случае никак не интересуются вашим мнением. К особой категории относятся обитатели Буэнос-Айреса: до поздней ночи рассуждают они о своей аргентинской самобытности, но это такая национальная игра — у них и сомнения не возникает, что в „Buenos Aires querido“^[107] вы влюбитесь с первого взгляда.

Если в Италии какой-то город не уверен в себе, он во всеуслышание называет себя «благороднейшим» и «старейшим». Очевидно, что, при нашей многовековой истории, все города у нас имеют древние корни, кроме тех, что были построены несколько десятилетий тому назад, но не уверенным в себе городам необходимо это подчеркнуть. Но вообще (это верно для всего мира) признак неуверенности — вопрос, который сразу же задает вам встречающий: «Что вы думаете о нашем городе?»

¹⁰⁶ «Париж, город света», «Как ты прекрасен, Рим», «Нью-Йорк» (*фр., ит., англ.*).

¹⁰⁷ «Буэнос-Айрес любимый» (*исп.*) — строка из знаменитого танго.

Мне доводилось прибывать в аэропорты самых закомплексованных городов; случалось и так, что там на меня набрасывались журналисты, и первый вопрос был: «Вы у нас впервые? Что вы думаете о нашем городе?» А когда я замечал, что не могу ничего думать, поскольку еще не видел города, они настаивали: «Да, но чего вы ожидаете от него, какое представление о нем себе составили?» Они прекрасно знают, что если вы не провокатор, то ответите вежливо, скажете, что много слышали об этом городе, чарующем и (если вы сохранили какие-то крупинцы честности) полном контрастов. Тут они на какое-то время уймутся, но потом снова примутся вас допрашивать, и так до самого отъезда.

В некоторых городах ваш данный из вежливости ответ начинают оспаривать. Вам наперебой сообщают, что контрасты непомерны, проблемы драматичны и все еще ждут своего решения. Не поддавайтесь на провокацию, не отвечайте, что, да, все так и есть. Они обидятся. Порой даже в городе на первый взгляд благополучном и прославленном своей красотой вам задают этот фатальный вопрос. И тогда вы понимаете, что, несмотря на пышность фасада, этот город не знает, что о себе думать.

Есть и такие города, которые обретают уверенность. Неаполь был знаменит уязвленной гордостью вкупе с торжествующим самобичеванием. Недавно один мой друг сказал таксисту, который вез его из аэропорта, что придется, видимо, задержаться в пути из-за пробок. И таксист ответил с гордостью (отнюдь не уязвленной), что пробок никаких нет. Мой друг заметил, что впервые в жизни он встретил таксиста (во всем мире), который хвалил городскую администрацию.

А иногда город, когда-то крайне уверенный в себе, вдруг начинает испытывать какую-то неловкость. Будьте внимательны. Если у вас спросят, что вы думаете об этом городе, отвечайте с восторгом, но оглянитесь кругом, чтобы обнаружить причину беспокойства.

1996

Нужно ли фотографировать знаменитостей?

Фотограф, специализирующийся на портретах писателей, философов, журналистов, — самая массовая категория фотографов. Любой сочинитель, даже если он пишет кулинарные книги, еженедельно получает письма от людей, извещающих, что им пришла в голову оригинальная мысль: выпустить фотоальбом «Писатели современности». Некогда, чтобы получить портрет работы Леонардо или Веласкеса, приходилось потратить на это много денег. Теперь все бесплатно — если только вы сами готовы потратить на это много времени.

Всем известны такие портреты, как «Мужчина с перчаткой» Тициана, но интересуется ли нас, что это был за господин? И кто такая была Джоконда? Это просто человеческие типажи. Если бы Джоконда никогда не существовала, портрет Леонардо поражал бы точно так же.

История фотографии дает нам высокие образцы портрета. Но если бы фотограф, вместо того чтобы запечатлеть малейшие движения души знаменитейшего сеньора X, с таким же рвением изобразил своего соседа по дому — эффект был бы такой же. Можем ли мы с уверенностью сказать, что художник выразил внутренний мир данного конкретного человека? Порою — да, но чаще мы

подмечаем лишь то, о чем знали заранее. Все портреты Эйнштейна, кроме того, на котором он показывает язык (но он интересен лишь тому, кто слышал об Эйнштейне), — это портреты провинциального профессора, любителя красненького, со слишком длинными для его возраста волосами. Уберите у Эйнштейна теорию относительности и оставьте ему одни портреты: будете ли вы скупать автомобили, на которых ездил такой человек?

Речь идет о «реальных» портретах, но чтобы понять, как замечательно они обманывают, нужно встретиться с реальным человеком. Пока я знал Стравинского только по портрету Пикассо, я представлял его великаном. Однажды, на венецианском канале, мне его представили, и я, оказавшись перед этим коротышкой, которого я продолжаю считать гигантом современной музыки, понял, насколько велик Пикассо-портретист.

Издательство «Эйнауди» снабжает книги художника и критика Джилло Дорфлеса выразительным портретом — с глубокими тенями, из которых выступает его гордый аристократический профиль. Добавляет ли что-нибудь этот портрет к его несомненным достоинствам? Едва ли. Это могло бы быть изображение Аристотеля, размышляющего о первоосновах, или Фуке, строящего планы заковать брата Людовика XIV в железную маску, или Ферма в тот момент, когда ему пришла в голову его последняя теорема, или полковника Радецкого в романе Йозефа Рота (последний ответ ближе всего к истине).

Нужен ли нам на самом деле портрет личности, которой мы восхищаемся? Изображение древнеримского генерала Гая Мария в школьных учебниках сразу бросается в глаза благодаря разросшимся надбровным дугам, нависающим, почти как опухоли. И что, портрет помогает нам

понять, почему этот армейский реформатор, зачинщик первой в Риме гражданской войны менее велик, чем невыразительный Божественный Август?

Как-то мне в руки попался роскошный каталог старинных фотографических портретов великих людей. Я исключил актеров, потому что их помнят как раз по их знаменитым образам. Поразила только невротическая (ах, почти обольстительная) судорога на лице Сары Бернар. Действительно, из-за этой женщины можно сойти с ума. А если бы она была не Сарой, а женой коммерсанта?

Создатель изысканных ориентальных романов Пьер Лоти, в мундире, мог сойти за мужа беллетристки Каролины Инверницио, директора армейской хлебопекарни. Томаса Манна я бы, пожалуй, счел директором банка или экспортером из Гамбурга. У Листа действительно был прекрасный точеный профиль, но от такого профиля следовало бы ожидать музыки вроде той, которую писал Бах (который, кстати, выглядит размазней). Альфонс Муха, знаменитый своими модернистскими силуэтами, мог бы преподавать греческий где-нибудь в Пьемонте. Пастер, сфотографированный с маленькой дочкой, похож на банковского клерка из Пьяченцы. Авангардист Пикабия кажется учеником твердокаменного реалиста Масканьи. Захер-Мазох, самый ужасный человек, какого только можно себе представить, напоминает философа Маурицио Феррариса в молодости, а уж того-то меньше всего можно заподозрить в склонности к мазохизму (разве только в том отношении, что он пишет книги, выставляя их на расправу недоброжелателям). Троцкий, запечатленный с женой и тремя детьми, кажется генеральным директором Санкт-Петербургского кадастра. Дрейфус — маршал в отставке. Золя — дедушка правого сенатора Фердинандо Адорнато. Гюго выпускает книжки за свой счет. Флобер возглавляет

большой магазин дамских товаров. Франсуа Жамм — провинциальный священник из Наварры. Дебюсси — страховой агент. Фердинанд Лессепс — продавец матрасов. [Мальро кажется Куччье в возрасте сорока лет]^[108].

Единственный портрет, который что-то мне сказал, — это портрет Ширли Темпл в возрасте семи лет, — на нем она действительно похожа на Ширли Темпл в возрасте семи лет.

1998

Как с успехом потерпеть крушение

На днях кто-то спросил у меня: как мне кажется, почему «Титаник» стал культовым фильмом, который девушки смотрят по тридцать раз подряд. Вот причины, которые сразу пришли мне на ум. Во-первых, архетип кораблекрушения. От Гомера и далее кораблекрушение — это трагическое событие, в котором сталкиваются жизнь и смерть, мы и величие природы, хрупкое изделие человеческих рук и ужасающая мощь морской стихии. Кроме того, в «Титанике» медленное кораблекрушение происходит в реальном времени, и это приводит еще в больший трепет.

Второй элемент: мы видим воочию, насколько несовершенна техника, созданная руками человека. Крушение настоящего «Титаника» в начале XX века нанесло смертельный удар по утопиям предшествующего столетия. Идея создать фильм не зря появилась в конце тыся-

¹⁰⁸ Речь идет о патриархе итальянской экономики банкире Энрико Куччье (1907–2000).

челетия, в атмосфере New Age^[109], когда страх за судьбы природы неразрывно связан с недоверием к господствующей технологии.

Третий элемент: модель Гранд-отеля, человеческий круговорот. От этой модели фильм слегка отклоняется. По видимости, трансатлантический пароход и есть Гранд-отель: тут и роскошь, и возможность бесконечных переходов. До того как посмотреть фильм, я думал, что он построен по обычной схеме: в Гранд-отель прибывают разные персонажи: муж и жена на грани развода; банкир, удирающий с кассой; юные новобрачные; благородный, разочарованный шулер; пожилые супруги, едущие к сыну, которого давно потеряли из виду, и так далее, и тому подобное; все эти истории переплетаются, а в финале шулер жертвует собой, спасая новобрачных, жулик-банкир наказан, муж и жена, собиравшиеся развестись, понимают, как они любят друг друга.

Камерон же очень искусно играет на том, что публика ожидает именно этого, и фокусирует все внимание на одной истории, так что все прочие персонажи становятся фоном, — и возвеличивает эту индивидуальную историю парня и девушки, ставит ее вровень с космическими потрясениями. Мало того, у него хватило духу умертвить героя, спасти противного богача, пренебречь старичком и старушкой. Это вызывает у зрителя приятное удивление, он наслаждается заезженными стереотипами и в то же время находит что-то новое.

¹⁰⁹ Новый век (*англ.*) — социальное и культурное движение конца XX в., предполагающее создание глобального мировоззрения, эклектически соединяющего науку, религию, разные оккультные течения и индивидуальный личностный опыт.

Сходным приемом переворачивается с ног на голову сюжет Золушки. Девушка богата и избалованна, у нее уже есть Принц, несколько не прекрасный, которого она терпеть не может; потеряв туфельку, она встречает Питера Пэна, и любовь дарует ей право стать бедной. Как все. Удачный ход.

Я бы не стал сбрасывать со счетов и завязку, где архетип поисков сокровища соединяется с мотивом двадцати тысяч лье под водой. Не Бог весть что, но все-так добавочное значение.

Перейдем, наконец, к двум главным героям. Поскольку очевидно, что в большинстве своем поклонницы фильма — молоденькие девушки, считается, что все его очарование — во внешней привлекательности Ди Каприо, который имеет все данные для того, чтобы стать секс-символом. Но недооценивается роль девушки в этой игре. Девушка — толстенная, потливая, густо размалеванная и неприятно нервная. Нам (я говорю за себя, но думаю, что со мной согласятся многие представители моего пола) не только не хотелось бы заниматься с ней любовью на заднем сиденье автомобиля, но даже и сидеть с ней рядом в кино, особенно в душный день, особенно если бы она жевала попкорн.

Все дело в том, что Кейт Уинслет как две капли воды похожа на тех американских девушек, которые бегают смотреть «Титаник»; ведь эти девушки похожи не на Шэрон Стоун, а именно на нее; девушки, вскормленные на гамбургерах, чей идеал (угадайте кто) — Моника Левински, — а мы-то удивляемся, как это Клинтон нажил себе неприятности из-за простушки, которой не мешало бы сбросить пару-другую килограммов. Эти типичные американские девушки, которые всю жизнь проводят пе-

ред зеркалом, раздумывая, как бы стать похожими на Шэрон Стоун, посмотрев «Титаник», убеждаются, что, оставаясь в точности такими, какие они есть, они могут заполучить Леонардо Ди Каприо (или Клинтона). Теперь понятно, что тридцать раз переживать такую мечту — это самый минимум и что успех фильма был предопределен уже тогда, когда Кейт, девочка, страдающая булимией, объедалась гамбургерами.

Чуть не забыл: фильм также хорошо сделан в техническом плане. Не стоит недооценивать этот факт; это — необходимое условие, хотя и недостаточное.

1998

Воспитать вкус к «прайваси»

Сейчас много говорят о «прайваси» — это слово вообще-то означает «конфиденциальность», «личная жизнь», но термин давно уже воспринимается как «право на конфиденциальность, частную жизнь», и, хоть это и варваризм, он активно используется именно в этом строго специальном смысле. Проблема стала злободневной, поскольку в эпоху информатики можно зафиксировать каждое движение каждого гражданина, покупает ли он салат или порнографический журнал по кредитной карточке либо, съезжая с платной автострады, расплачивается через банкомат. А если он хочет бесплатно скачать программу из Интернета, то должен взамен предоставить информацию на первый взгляд не такую уж и конфиденциальную, но впоследствии именно из-за этих сведений он может подвергнуться незаконному давлению в различных формах. Вот основная причина создания институтов, которые должны гарантировать «прайваси», а также защищать наше право на то, чтобы средства массовой инфор-

мации не разгласили наши болезни, сексуальные привычки и шифр сейфа.

Но любопытная вещь: защита «прайваси» начинает утверждаться в мире, где никто ее больше не желает. В прошлом обычный человек крайне ревностно относился к своим личным делам и боялся сплетен: обманутые супруги молча страдали, чтобы никто не узнал о постигшем их несчастье; если кто-то из родни заболел скверной болезнью, делалось все, чтобы это скрыть; никто не болтал направо и налево о том, сколько денег он зарабатывает, — одним словом, все исходило из того принципа, что грязное белье (а может, даже и чистое) стирают дома.

Только власть имущие выставляли напоказ то, что все прочие скрывали. Вспомните *levée du Roi*^[110], когда бедный монарх вынужден был делать в присутствии придворных то, что каждый по утрам стремится совершать в одиночестве. Не говоря уже о тех случаях, когда придворные должны были засвидетельствовать осуществление брака; а если король заводил любовницу, это было государственным делом. В более близкие нам времена магнат выставлял напоказ символы своего статуса: пятидесятиметровую яхту, «роллс-ройс», цилиндр, меховой воротник.

С появлением зрелищного общества роли поменялись. Миллиардер одевается нарочито небрежно, не летает в самолетах первым классом, а имеет свой вертолет; если у него слишком много денег, он стыдливо их прячет на одном из Карибских островов. Конечно, средства массовой информации висят у него на хвосте: то застукают в

¹¹⁰ Умывание короля (*франц.*). Имеется в виду Людовик XIV.

ресторане с милой подругой, то перехватят непристойный телефонный разговор, то попытаются доказать, что он занимается чем-то невыразимым со стажеркой, — но магната ничуть не радует такая известность, он охотно обошелся бы без нее. Ищет ее псевдо-магнат, недоучка, жаждущий стать знаменитым, актрисулька, предупреждающая фотографов, что пойдет в такой-то ресторан с такой-то персоной... Но вот мы и приближаемся к другой стороне медали, к разнесчастным нормальным людям, которые страдают от этой своей совсем не зрелищной нормальности.

Сегодня обычный человек не желает «прайваси». Если жена наставила ему рога, он бежит на телевидение и скандалит с ней перед миллионами зрителей; заболев ужасной болезнью, выходит на улицу с плакатом, защищая права своих товарищей по несчастью; то и дело хватается за мобильный телефон, особенно если есть кому его услышать, и оповещает, что завел себе любовницу вот с такими «буферами» или что ему нужно погасить кредит до захода солнца; даже чистосердечные признания — очевидный пример того, что люди не желают больше хранить свои страшные секреты^[111].

Пока люди, уполномоченные защищать «прайваси», лезут из кожи вон, чтобы личные данные, где-то обозначенные, не стали достоянием гласности, обычный человек не упускает случая поведать о них каждой собаке: он заполняет десятки гарантийных талонов на какое-то барахло, которое никто никогда ему чинить не будет; пишет заявления, чтобы его оповещали о поступлении ка-

¹¹¹ Законы о существенном смягчении наказания для обвиняемых, сотрудничающих со следствием, были приняты в Италии в 1992 г. в рамках ужесточения борьбы с мафией (прим. автора.).

ких-то товаров, которые ему и даром не нужны; участвует в опросах общественного мнения, дабы огласить *coram populo*^[112], что в такой-то вечер он предпочел кино про любовь политическим дебатам или наоборот; во время любого телеинтервью размахивает руками на заднем плане, чтобы ни у кого не возникло и тени сомнения, что он или она этим вечером были здесь, а не где-нибудь еще; мало того, если в прошлые века одежда была призвана скрывать формы тела (чьи прелести предназначались только самым близким), то теперь этот обычный человек выставляет напоказ пупок, изгиб ягодиц, цепочку с крестиком на волосатой груди, выпуклость мошонки, сосок, чуть ли не клитор.

Отсюда следует, что истинная задача различных структур, которые в разных странах занимаются защитой «прайваси», состоит не столько в обеспечении ее тем, кто этого добивается (таких в процентном отношении ко всему населению очень немного), сколько в том, чтобы научить ценить это благо тех, кто с таким восторгом от него отказывается.

1998

Демократия — угроза демократии

Несколько лет назад Ганс-Магнус Энценсбергер опубликовал очень убедительную статью о том, что политики (и вообще сильные мира сего) в наши дни обречены на непонимание тех, о ком они вроде бы должны заботиться. Чем выше уровень их ответственности, тем больше опасность покушения (а вторжения в их личную жизнь — это уж точно) и тем плотнее их окружают тело-

¹¹² Публично (*лат.*).

хранители, заталкивающие их в бронированные лимузины, вертолеты, специальные лайнеры, тем прочнее они скрываются в укрепленных домах, а на отдыхе — на изолированных пляжах.

Конечно, то же самое происходило с фараонами и с абсолютными монархами, но о демократическом политике у нас иное представление, и роль его тоже другая, так что мы хотим видеть, как он ходит по улицам и ласкает детей. Впрочем, даже лаская детей, политик все равно заключен во что-то вроде невидимого пузыря, границы которого обозначены группами вооруженных до зубов горилл. Мы уж не говорим о том, если ему вдруг захочется «приласкать» девочку лет эдак двадцати. Это приходится делать в считанные секунды, между кабинетом и туалетом, когда горилла отвернется на мгновение. У Тутанхамона или Короля-Солнце было больше возможностей расслабиться время от времени.

Это актуальное в свете последних событий рассуждение напомнило мне интервью Марио Варгаса Льосы, в котором тот несколько недель назад славил Моника-гейт как несомненное проявление демократии. Перескажу своими словами: в демократической стране руководитель не должен обладать сильной харизмой или находиться вне критики. Более того, его можно и нужно высмеивать: чем больше его дискредитируют, тем явственнее контроль со стороны простых граждан.

Этот принцип, если разобраться, возник не сегодня: он появился в Новое время вместе с практикой подвергать власть имущих политической сатире. Никакая сатира была невозможна не то что во времена фараонов, но и во времена римских императоров. Оскорбления, выкрикиваемые солдатами во время триумфов, были разо-

выми карнавальными вольностями и не имели ни малейшего отношения к той постоянной резкой критике, с которой выступает карикатура с ее повседневными выпадами, безжалостно подчеркивающими недостатки. Подобное оружие использовали против врагов (можно вспомнить яростные карикатуры во время конфликта Рима с Реформацией), а не как обычный способ контроля собственных хозяев и синьоров.

Должно было наступить время Фронды и карикатур против Мазарини, потом — английских сатирических гравюр XVIII века, столкновений между революционными фракциями во Франции, чтобы наконец в следующем веке наступил подлинный расцвет политической карикатуры. Я говорю о карикатуре, потому что сатирическая виньетка является самой непочтительной формой непосредственного диалога с властью, но в этом виде повседневного давления, высмеивающем власть, объединены все виды мониторинга «через скандал». Все время вторгаясь в область личного, как в духовном, так и в телесном плане, карикатура обнажает загнанные внутрь болезни и слабости, скелеты в шкафах, грязные делишки, недостойное поведение и т. д.

Нормальные люди обычно с этим не сталкиваются, но представьте, что вам говорят (и показывают) каждый день, что вы урод, что вы сделали что-то оскорбительно смешное, что вы импотент, вор (будь то правда или клевета), и вы к этому совершенно непривычны, несмотря на толстую кожу. Что вы будете делать? Сбежите в круг своих сторонников, которые скажут, чтобы вы не обращали внимания на этих гнусных клеветников и завистников, уверят вас в своей преданности и восхищении. А как удержать вокруг себя этот «ближний круг» — психологическое условие вашей политической выживаемости? С

помощью сети благодарностей, раздавая им ответственные посты, создавая крепчайшую круговую поруку.

Круг замыкается. Чтобы держать под контролем демократическую власть, ее нужно дискредитировать, но чтобы такому дискредитированному демократу выжить, приходится создавать круговую оборону тайной власти, недостижимой для любого контроля.

1998

Кто похож на Жерара Филипа?

Джанфранко Марроне составил и опубликовал в «Эйнауди» серию «записей» Ролана Барта, которые еще не выходили в свет по-итальянски. Все они полезны, их стоит прочесть, хотя иногда и понимаешь, почему Барт не поместил их в свои основные сборники. Есть, например, прекрасный анализ Фоли-Бержер^[113], помню, я читал его в «Эспри» в 1953 году. Возможно, Барт не поместил его в «Мифологии» из-за длиннот и повторений. Понятное дело, любой гордился бы, написав такой отрывок, но Барт, наверное, не считал его таким блестящим, как его же собственный анализ автомобиля «ситроен».

Книга полна тонких наблюдений, откровений, какими славится Барт. В «Лицах и лицах» (1953) он замечает, что на улицах все чаще встречаются юноши с лицами Даниэля Желена^[114] и Жерара Филипа. То есть мода настолько заразительна, что вторгается в глубокую морфологию и индивидуум, сраженный ленью, предоставляет выбор собственного облика на волю средств массовой

¹¹³ Знаменитое кабаре в Париже.

¹¹⁴ Даниэль Желен (1921–2002) — французский актер и сценарист.

информации. Джанфранко во введении подхватывает эту тему, припоминая, что и у нас по улицам ходит множество Амбр Анджолини^[115]. А вот прекрасная догадка, продолжающая Барта: «Мы считаем, что Амбра — стереотип, вобравший в себя все особенности поведения и самовыражения современных девушек. Но на самом деле все наоборот: это они, девушки с улицы, являются, сами того не ведая, стереотипами для телевизионной реальности».

Антология, вышедшая недавно, была отпечатана в июле 1998 года, это означает, что Марроне сдал рукопись в середине 97-го, а предисловие написал еще раньше. Достаточно времени для того, чтобы по улицам больше не ходили девушки, похожие на Амбру, которая в мире средств массовой информации уже стала ископаемым. Но проблема не в том, сколь долговечен образец. Вопрос в том, в самом ли деле люди перенимают черты лица своих идолов. И, чтобы не спорить о модели, которая продержалась одно утро, вспомним другую, прожившую почти десятилетие: Брижитт Бардо. Нет сомнения, что между 1950 и 1960 годами и улицы, и танцплощадки были полны девушек, похожих на Брижитт Бардо. Чем это было вызвано?

Думаю, что в этом и в других подобных случаях в игру вступают четыре фактора. Самый очевидный — то, что девушки старались перенять макияж, прическу, одежду Брижитт. Второй заключается в том, что черты лица и жесты человека, живущего в определенном сообществе, мало-помалу приспособляются к модели, бытующей в той среде. Не зря же про семинаристов говорят, что у них лица семинаристов; а про коммунистов, ко-

¹¹⁵ *Амбра Анджолини* (р. 1977) — итальянская «дива»: актриса, певица, ведущая радио- и телепередач.

торые учились в Франтоккье^[116], — что у них лица коммунистов из Франтоккье. Телеэкран и гламурные журналы представляют собой замкнутую, словно в монастыре, среду. Если день за днем глядеть на одни и те же образцы, мускулы лица видоизменяются, приобретают чужую форму.

И все-таки эти два фактора приспособления работают лишь в том случае, если имеется подходящее лицо. Ты никогда не превратишься в Брижитт, если у тебя лицо Фернанделя. Следовательно, можно стать похожим на X, если в твоих чертах есть какое-то сходство с X. А если нет? Тогда ты не в моде. Это означает, что в эпоху Брижитт женщины, похожие на Франческу Бертини^[117] или на Клодетт Кольбер^[118], не считались интересными с эстетической или сексуальной точки зрения (разумеется, то же самое относится и к мужчинам, не похожим на Жерара Филипа или Эмилио Гионе^[119]).

В этом смысле модель осуществляет чуть ли не расистскую селекцию. Продвигая один тип внешности, она выносит безжалостный приговор другому, который, заметьте, в иную эпоху мог бы возобладать. Можно говорить о дарвинистском отборе, который идет по синусоиде или по спирали — во всяком случае, не по прямой линии. Сегодняшние изгои завтра могут стать избранниками и

¹¹⁶ *Франтоккье* — городок в области Лацио, где расположена школа Компартии Италии.

¹¹⁷ *Франческа Бертини* (Елена Сарачени Вителло, 1892–1985) — итальянская актриса немого кино.

¹¹⁸ *Клодетт Кольбер* (1903–1996) — звезда Голливуда 1930-1940-х гг.

¹¹⁹ *Эмилио Гионе* (1872–1930) — итальянский актер и режиссер немого кино.

наоборот. Девушки, похожие на Франческу Бертини, могут на что-то надеяться, но не в этот конкретный момент, а когда они уже станут зрелыми матронами.

Последний фактор — избирательность взгляда. В 50-е годы многие девушки ходили на Брижитт Бардо, а многие по-прежнему ходили на Клодетт Кольбер. Мужской взгляд останавливался на тех, кто был похож на Брижитт, и прежде времени оставлял в старых девах тех, кто был похож на Клодетт (а двадцать лет назад наблюдалась совершенно обратная картина). И в этом смысле некоторым женщинам и мужчинам не везет: они рождаются не в свое десятилетие. Такова нелицеприятная правда. Но такое может случаться только в эпоху средств массовой информации. В прошлые века универсальных моделей не было, маркиза Помпадур или пастушка из Каринтии могли по каким-то причинам нравиться или не нравиться, но не потому, что их сравнивали с образами, мелькающими на телевидении и в журналах. Отбор был не таким строгим, и желание имело больше демократических прав.

1999

ТО, ЧТО РАЗЛИСТАНО ПО ВСЕЙ ВСЕЛЕННОЙ^[120]

От книги к гипертексту через web

Ты ненормальный, де Мауро!

Милый мой Туллио де Мауро^[121], позволь, я скажу тебе начистоту, как коллега коллеге: ты неосторожен, неосмотрителен. Профессор университета Кентербери публикует результаты обширных исследований, проводимых в тридцати одной стране по поводу того, сколько читают студенты. Что он из этого заключает? Откровенно говоря, то самое, что и ты, и я, и любой другой может заключить, вычислив количество книг, напечатанных и проданных во всем мире, и поглядев, кто расхаживает по книжным магазинам, специально построенным так, чтобы публике приятно было там расхаживать: «Фельтринелли» в Италии, «FNAC» в Париже или громадные «Ренессансы» в Германии.

Так вот, он обнаружил — и подтвердил серьезной статистикой, — что большинство читающей публики принадлежит к молодежной среде; что на 70 нечитающих

¹²⁰ Строка из «Божественной комедии» Данте Алигьери («Рай», песнь 33), пер. М. Лозинского.

¹²¹ *Туллио де Мауро* (р. 1932) — известный итальянский лингвист, преподаватель различных университетов.

стариков приходится 25 нечитающих молодых, то есть юноши и девушки читают больше, чем их родители. И что же, дорогой мой Туллио, ты творишь дальше? С видом всезнайки, который качает головой и бормочет: «Я всегда это говорил», — берешь и выкладываешь все это в «Республике» за субботу, 7 ноября. Не то чтобы мы должны были вести себя как члены ложи П-2, но надо же понимать, что следует раскрыть, а что и утаить: учил же Торквато Аччетто^[122], что сокрытие правды не является грехом, когда ты это делаешь, дабы уцелеть в джунглях этого мира, ведь сокрыть не значит сказать то, чего нет, но честно воздержаться от высказывания. Молодежь читает? Вот и хорошо, и будь этим доволен, и пусть об этом знают она сама, и я, если ты позволишь, и профессор Элли из Кентербери, но незачем болтать об этом направо и налево, особенно в газетах: ведь слово — не воробей, вылетит — не поймаешь. И ты прекрасно знаешь: новостью дня станет не то, что молодежь читает, а то, что ты пустил такой ложный слух.

Да разве ты не читал длинных, глубокомысленных статей о том, что чтение отмирает, что цивилизация зрелища отменяет печатное слово, что появление компьютера подписало книге смертный приговор? Разве не заметил, что в приложениях к газетам, где говорится о культуре, и в соответствующих разделах иллюстрированных журналов уже ничего не пишут о книгах, только о личной жизни их авторов? Неужели не встречались тебе интервью, которые давали люди поумнее тебя — и рассказывали, как, забредя по ошибке в книжный магазин и увидев, что там полно молодежи, они холодели от страха — не-

¹²² *Торквато Аччетто* (1590/1598-1640) — итальянский философ и писатель, автор трактата «О честном притворстве».

ровен час, бессмертные страницы Кафки попадутся на глаза какой-нибудь лицеисточке (женщине, представьте себе); слабым утешением служила им мысль (весьма прагматичная), что эти прыщавые юнцы только смотрят на книги, ну, может быть, запоминают названия, но, к счастью, скорее всего, не читают?

Туллио, у тебя семья; университетская зарплата, конечно, достойная, но не роскошная: тиснешь здесь и там статейку-другую, ан, и прибавишь к бюджету кругленькую сумму. Отдаешь ли ты себе отчет в том, что, если ты начнешь говорить, будто молодежь читает, редакции всех газет закроются перед тобой и поищут того, кто станет воспевать прошлые времена, выплескивать на страницы свою скорбь при мысли о грядущей неграмотности, исчезновении великих мастеров, закате литературы, гибели галактики Гуттенберга, философии, религии? Отдаешь ли ты себе отчет в том, что бывшие бунтари, ныне работающие на издательскую индустрию, заорут, что ты органически вписался в капитализм; вдохновенные мистики виртуальной реальности объявят тебя врагом Слова; найдется и тот, кто, видя, как ты ценишь статистику, заверит всех, что это ты, и никто иной, подсчитываешь, будто презренный Контини^[123], сколько раз Монтале^[124] употребил слово «лошадь» или даже сколько раз он зачеркнул слово «гиппопотам» и поставил вместо этого «лошадь».

¹²³ Джанфранко Контини (1912–1990) — итальянский филолог, литературный критик, историк литературы, один из ведущих представителей так называемой «стилистической критики», или «критики вариантов», основанной на скрупулезном изучении рукописей и различных изданий произведения.

¹²⁴ Эудженио Монтале (1896–1981) — известный итальянский поэт, представитель герметизма.

Ты ведь интеллектуал (правда?), а не полицейский. Это полицейский должен выяснять, кто чем занимается, а интеллектуалу пристало воплощать надежды, страсти, тайные биения эпохи. А ты? Людям, ждущим новостей об упадке искусств и наук, ты рассказываешь, что молодежь читает, да еще и больше, чем раньше, хотя и слушает рок; а теледебаты между неграмотными оставляет маме и папе? Развей, если хочешь спасти положение, мысль, которую ты высказал в скобках, скорее даже для красоты слога: да, мол, молодежь читает, но все же не так много, как хотелось бы нам, преподавателям.

Пригвозди их, припри их к стене! Сколько молодых людей между шестнадцатью и восемнадцатью годами прочли „L'Harmonie Universelle“ Марена Мерсенна^[125]? Сколько — „Antropoglottonia sive Humanae Linguae Genesis“^[126] Иоганнеса Петруса Эрикуса в издании Трамонтини 1697 года? Сколько — „De umbris idearum“ Бруно^[127] в комментированном издании Риты Стурлезе (Ольшки, 1991)? Вот где хочу я их видеть, да и ты должен хотеть — этих прыщавых юнцов, которые с грехом пополам добрались до Пруста, а кое-кто и до Музиля в бумажной обложке и покупают Эпикура за тысячу лир, а инкунабуле предпочитают пару ботинок-«тимберландов». Выскажи это! Может, тебе позволят еще печататься.

1992

¹²⁵ «Всеобщая гармония» (фр.) — труд французского математика и философа Марена Мерсенна (1588–1648).

¹²⁶ «Антропоглоuttonия, или Происхождение человеческого языка» (лат.).

¹²⁷ «О тенях идей» (лат.) — книга Джордано Бруно (1548–1600).

Книги для справок и книги для чтения

Однажды, отрешенно занимаясь заппингом, я наткнулся на анонс предстоящей передачи на каком-то канале. На четвертом или на пятом, не помню точно (и это показывает, насколько идеологически индифферентен телезритель по сравнению с читателем газет, который всегда точно знает, что он читает). В ней рекламировались чудеса CD, то есть мультимедийных дисков, которые могут выступить в роли эквивалента целой энциклопедии, — с цветами, звуками и возможностью мгновенно переходить от статьи к статье. Поскольку я занимался кое-чем в этой области и знаю, о чем идет речь, то следил невнимательно, пока не услышал собственное имя: утверждалось, будто я заявил, что эти диски непременно заменят книги.

Никто, кроме параноика, не может претендовать на то, что остальные читают все, что он написал; но по крайней мере он может надеяться, что его слова не искажают с точностью до наоборот, особенно для того, чтобы обманным образом заставлять его «свидетельствовать» что-либо. В действительности я сто раз повторял, что сиди-ромы НЕ могут заменить книгу.

Книги бывают двух типов: для справок и для чтения. Первые (в качестве образчика здесь можно привести телефонный справочник, но также словари и энциклопедии) занимают в доме много места, они дорогие и громоздкие. Их можно заменить на мультимедийные диски — и это освободит пространство в доме и в библиотеке книгам для чтения (от «Божественной комедии» до последнего детектива).

Книги для чтения не могут быть заменены никаким электронным ухищрением. Они созданы для того, чтобы их брали в руки в кровати, или в лодочке, или вообще там, где нету электрической розетки, или там и тогда, когда разряжен аккумулятор, чтобы в них подчеркивали, оставляли пометки и закладки, позволяли им соскальзывать на землю и оставляли открытыми на груди или на коленях, когда сморит сон, таскали в кармане, тискали, чтобы они приобретали свое лицо в зависимости от того, как долго и часто мы их читаем, напоминали нам (своим слишком свежим видом), что их еще не читали, чтобы их можно было изучать, держа голову, как нам удобно, а не держа ее неподвижно перед экраном компьютера — чрезвычайно удобного во всех отношениях, кроме шейного. Попробуйте читать «Божественную комедию» на компьютере от начала до конца хотя бы по часу в день и потом дайте мне знать.

Книга для чтения относится к таким же бессмертным чудесами технологии, что и колесо, нож, ложка, молоток, кастрюля, велосипед. Нож был изобретен очень рано. Велосипед значительно позднее. Но сколько бы дизайнер ни трудился над деталями, сущность ножа остается неизменной. Существуют машины, которые заменяют молоток, но для некоторых надобностей всегда будет нужно нечто, подобное самому первому молотку, появившемуся на земле. Можно изобретать самые изощренные средства передвижения, но велосипед останется всегда тем же: два колеса, седло и педали. Иначе он называется мотороллером и служит для других целей.

Человечество веками развивалось, читая и записывая сперва на камне, потом на табличках, потом на свитках, но это было из рук вон неудобно. Когда люди открыли, что листы, пусть даже еще рукописные, можно пере-

плетать, они вздохнули с облегчением. И от этого удивительного приспособления уже никогда больше невозможно отказаться.

Форма книг определена нашей анатомией. Они могут быть огромными — но лишь те, которые в основном имеют функцию документа или украшения; стандартная книга не может быть меньше пачки сигарет и больше листа писчей бумаги. Она зависит от размера руки, который, да простит нас Билл Гейтс, пока что не изменился — по крайней мере на сегодняшний день.

Это верно, что успехи технологии сулят нам устройства, которые при помощи компьютеров помогают нам работать в библиотеках всего мира, выбирать интересующие нас тексты, печатать их дома за считанные секунды тем шрифтом, которого требует наша близорукость или наши эстетические предпочтения, и тот же самый принтер сброшюрует листы и переплетет их, так что кто угодно может выпускать книги по своему вкусу. И что же это значит? Могут исчезнуть обычные наборщики, типографы, переплетчики, но в руках у нас — и сейчас, и всегда — останется книга.

1994

Чтение кончиками пальцев

Домашняя библиотека — это не просто место, где собраны книги; это также место, где они читаются. Поясню. Думаю, что всем, у кого дома собрано достаточно много книг, случается испытывать угрызения совести оттого, что некоторые из них так и стоят непрочитанными, что они годами пристально смотрят с полок, как живой укор в греховной лени.

Потом однажды мы наконец берем в руки одну из этих доселе пренебрегаемых книг, начинаем читать — и понимаем, что наперед знаем все, о чем в ней говорится. Этому уникальному феномену, существование которого многие могут засвидетельствовать, можно дать три разумных объяснения. Первое состоит в том, что, соприкасаясь в течение многих лет с этой книгой, — переставляя ее, вытирая пыль, хотя бы просто убирая ее подальше, чтобы освободить место для другой, мы впитали кое-что из ее содержимого через кончики пальцев, то есть мы прочитали ее на ощупь, как с помощью азбуки Брайля. Я — приверженец CICAP^[128] и не верю в паранормальные явления, но в этом случае — верю, потому что этот феномен не является паранормальным; он самый что ни на есть нормальный, подтвержденный повседневным опытом.

Второе объяснение — не совсем верно, что мы не читали эту книгу: всякий раз, протирая или передвигая ее, мы бросали на нее взгляд, пробегали глазами аннотацию на обложке, пролистывали наугад несколько страниц и мало-помалу вбирали большую часть ее содержания. Третье объяснение — что мы читали другие книги, в которых упоминалась и эта, так что со временем, не отдавая себя отчета, мы уяснили, о чем в ней говорится (идет ли речь о знаменитой книге, которая у всех на устах, или о книге заурядной, с такими банальными идеями, что они встречаются повсеместно).

¹²⁸ CICAP (Comitato Italiano per il Controllo delle Affermazioni sul Paranormale) — «Итальянский комитет по контролю за паранормальными явлениями», создан в 1989 г. Входит в европейский «Совет скептических организаций» (European Council of Sceptical Organizations). Российское отделение этого Совета носит название «Здравый смысл».

На самом деле я думаю, что все три объяснения верны и взаимосвязаны. Читая разные книги, мы, сами того не подозревая, пробегаем и эту; и когда мы просто берем ее в руки — своим оформлением, плотностью бумаги, цветом она говорит нам что-то о своей эпохе и происхождении. В совокупности все эти элементы чудесным образом «створаживаются» и создают впечатление, что нам знакомы эти страницы, хотя, строго говоря, мы их никогда не читали.

Так что, можно сказать, библиотека нужна для того, чтобы узнавать содержимое непрочитанных книг. И беспокоиться следует не об исчезновении книг, а об исчезновении домашних библиотек.

1998

Бестселлер

В разных заметках на книжную тему часто можно встретить выражение "best seller" (обычно произносится просто «бестселлер»). Этот термин возник в Америке как обозначение любого хорошо продающегося товара и, следовательно, может быть применен также и к пользующейся успехом книге; но при перенесении в область литературы возникают два неудобства. Прежде всего, эта коммерческая категория ровным счетом ничего не говорит о качестве самой книги. Несомненно, бестселлерами являются Библия и «Пиноккио» (в том смысле, что каждый год они продолжают расходиться во множестве экземпляров), и в течение долгого времени таковыми являлись дамские романы Каролины Инверницио, хотя речь идет о произведениях (с позволения сказать) весьма отличных от вышеупомянутых. И вообще, выражение «бестселлер» покрывает четыре различных явления.

Во-первых, есть такие книги, которые я называл бы best sold^[129], то есть книги, которые были невероятно популярны в определенный период времени, как «Короли французские»^[130] или «Хижина дяди Тома». Потом существуют «вечнозеленые», то есть книги, которые остаются в продаже веками или десятилетиями, — разумеется, это Библия, но также «Обрученные» Мандзони, или, в наши дни, «Маленький принц», или «Сиддхартха». То, что некоторые из них попадают в топ-листы, а некоторые — нет, объясняется тем, что настоящий «вечнозеленый» не расходуется каждый день сотней экземпляров в центральных магазинах, а продается по одному экземпляру в каком-нибудь киоске и поэтому остается в тени.

Далее следуют те, которые я назвал бы best selling^[131], — книги, которые в момент выхода имели громкий успех, но нельзя сказать, чтобы этот успех длился годами. Но все-таки, продаваясь в достаточной мере, они желанны для авторов, издателей и книгопродавцев, благодаря которым и появляются на свет книги best to sell^[132], — то есть такие, которые были созданы именно для продажи. Как правило, это романы по готовому рецепту: немного секса, немного денег, немного великосветской жизни; или же тщательно выписанная эрекция в каждой главе; или отмеренная толика ужаса и смертей и т. д.

¹²⁹ Хорошо продававшиеся (*англ.*).

¹³⁰ „I reali di Francia“ — роман-хроника, написанная и скомпилированная Андреа ди Барберино (ок. 1370 — ок. 1431).

¹³¹ Хорошо продающиеся (*англ.*).

¹³² Хорошо продаваемые (*англ.*).

¹³² Хорошо продаваемые (*англ.*).

Они существовали всегда, и иногда случается, что такие книги переживают свое время, потому что, даже будучи написанными для денег, обладают чертами, можно сказать, мифологическими. Классический пример здесь — романы Дюма. В любом случае именно благодаря этим best to sell слово «бестселлер» приобрело презрительный оттенок.

Мы забываем, что Данте, Ариосто, Тассо пользовались колоссальным успехом и что Мандзони был вынужден публиковать второе издание «Обрученных» с многочисленными исправлениями и дополнениями, специально заказанными иллюстрациями, по частям, «с продолжением» именно для того, чтобы отреагировать на вал пиратских изданий. Он не выручил при этом за него ни гроша, но его книга, безусловно, была бестселлером. Конечно, он хотел, чтобы она стала как можно лучше (и мы знаем, сколько он над этим работал), но в то же время — чтобы ее прочло как можно больше людей. Впрочем, за исключением некоторых исторических эпизодов авангардистских провокаций, невозможно найти серьезного писателя, который, сочиняя книгу, не мечтал бы, чтобы она получилась хорошо и в то же время была прочитана всеми. Но стараться написать хорошую книгу — это не то же самое, что писать best to sell с одной эрекцией на главу.

В издательстве «Саджьяторе» только что вышла книга Джан-Карло Ферретти «Литературный рынок» (частично она была опубликована еще в 1979 году). Ферретти первым заинтересовался тем, что он называет «качественным бестселлером» (приводя в качестве примера поздние романы Кальвино). В этой категории больше всего поражает то, что речь идет о произведениях, которые добиваются успеха среди читателей без использования ингредиентов, которые нравятся читателям по определе-

нию. В новой части своего исследования Ферретти говорит о произведениях, которые можно читать на разных уровнях.

Речь идет о книгах, которые позволяют неискушенному читателю восприятие на первом уровне, а далее, читателям все более и более образованным и изощренным — чтение «вглубь» или «поэтажно»: представьте себе книгу-зигурат. Мне очень нравится такое сравнение, но приходит в голову и другое: с нашими средневековыми библейскими герменевтами или же с герменевтикой еврейской, согласно которой каждый текст, помимо буквального смысла, имеет и другие, что должны быть открыты постепенно. В каком-то смысле можно говорить, что в последнее время книги пишутся по многоуровневой схеме (и это справедливо как для фантастики вроде книг Уильяма Гибсона, так и для экспериментальной литературы вроде Томаса Пинчона). Но в таких книгах просто выносятся на уровень метанарративной (сверхповествовательной) авторефлексии та возможность, что давно реализована, пускай неосознанно, в «вечнозеленых» книгах. Не говоря уж о тех, кто, как Данте, знал об этом и добивался именно такого прочтения сознательно.

1994

Не пугайтесь гипертекста

Недавно я болтал с одним другом-писателем, который был несколько смущен, вернувшись с конгресса, где говорили о гипертексте. Гипертекст — это такая чертовщина, которая позволяет компьютерному пользователю «перемещаться» (как это называется) по всему тексту, сравнивая одновременно несколько фрагментов, устанавливая соответствия между различными местами, самосто-

ательно изыскивая пересечения, аллюзии, связи... Это чрезвычайно полезно для множества вещей, в первую очередь в учебных и справочных материалах, но дело в том, что мой друг слышал также и разговоры о деятельности литературной.

«Они там говорят, что это будет другой вид письма. Что каждый сможет перемещаться по произведению как кому заблагорассудится. Что это новая область творчества». Разумеется, он боится оказаться на обочине. Я пытался его успокоить. С помощью хорошего гипертекста можно обнаружить в «Божественной комедии» все строки, заканчивающиеся словом «ответ» (их 14, для справки^[133]), и, пожалуй, даже напечатать их подряд, как буриме на одну рифму, но если кто-то захочет прочитать всю песнь в блаженной тишине, у него быстро устанут глаза и лучше будет вернуться к печатному изданию.

«Но мне говорили, дело дойдет до романов с развилками, побочными ветвями и множественными финалами, и о том, что кто угодно сможет приделать свой собственный...» Да успокойся ты, сказал я ему. Не говоря уж о том, что для таких штук совсем не нужен гипертекст, я проделывал это и раньше с помощью маленькой программки на бейсике, людям нужно совсем не это. «Ты уверен?» Ох уж мне эти интеллектуалы. Единственный спорт, который они признают, — это дрожать от страха, что настанут плохие времена для книг. И со времен клинописных табличек натываются все на те же грабли. По-

¹³³ Желаящие могут убедиться в этом на странице

<http://web.micronet.it/italian/mariobiondi/motori/divina.html>, где реализован полнотекстовый поиск по всему тексту «Комедии». В русском переводе М. Лозинского на слово «ответ» в разных падежных формах оканчиваются 32 строки, не считая форм глагола «ответить» (подсчет осуществлен на сайте lib.ru с помощью полнотекстного поиска браузера Mozilla Firefox).

слушай, сказал я ему, вот у меня здесь последняя книга Юрия Лотмана — «Культура и взрыв». Это не последняя его переведенная книга, а просто последняя, она появилась в России в этом году^[134]. В ней идет речь о множестве вещей, их не перескажешь в двух словах, но в определенный момент, в четвертой главе, упоминаются известные слова Чехова о ружье. «А это не Пушкин говорил?» Не знаю, порою их приписывают Чехову, порой — Пушкину, но раз Лотман говорит — Чехов, я ему верю.

Это знаменитый совет: если в рассказе сначала описывается или в пьесе в первом акте показывается висящее на стене ружье, то в конце это ружье непременно должно выстрелить. Так вот, говорит Лотман, «чеховское правило имело смысл лишь в рамках определенного жанра, к тому же отстоявшегося уже в застывшие формы. На самом деле именно незнание того, выстрелит ружье или нет, закончится ли это смертельной раной или же лишь падением банки, придает моменту сюжетную значимость».

А немного выше он говорит: «Мысленно поместив себя в то «настоящее время», которое реализовано в тексте (например, в данной картине, в момент, когда я на нее смотрю), зритель как бы обращает свой взор в прошлое, которое сходится как конус, упирающийся вершиной в настоящее время. Обращаясь в будущее, аудитория погружается в пучок возможностей, еще не совершивших своего потенциального выбора».

Понимаешь? И ты думаешь, читатель захочет отказываться от этого напряжения, от этого трепета, чтобы

¹³⁴ Книга была опубликована в московском издательстве «Гнозис» в предыдущем, 1992 г. и действительно оказалась последней прижизненной книгой Ю. М. Лотмана.

самому решать, как все закончится? Роман ведь читают, чтобы переживать за чью-то судьбу. Иметь возможность решать судьбу персонажей — это все равно что прийти в турагентство: «Итак, где желаете встретить кита? На Самоа или на Алеутах? С билетом „вокруг света“ цена одинаковая...»

В романе происходит множество вещей, и каждая из них, возможно, что-то значит, будь то движение облаков по небу или мелькание ящерицы между камнями. Слушаем Лотмана: «Неизвестность будущего позволяет приписывать значимость всему». Это прекрасно — открывать, что важно, по мере чтения. Рано или поздно ты узнаешь, за чем именно надо было следить внимательнее (или в прямом смысле смотреть внимательнее). Порою так и не узнаешь, и тогда следует перечитывать, а при перечитывании меняется также и смысл истории. Но и поначалу, и в ходе чтения приходится разгадывать загадки, и это на совести автора.

И ты хочешь, чтобы люди платили за то, чтобы решать, женится ли Ренцо на Лючии! Пожалуй, один раз, смеху ради, как в луна-парковом лото. Но читать истории — это другая история.

«Так мне не стоит бояться за свою судьбу?» — спросил друг. «Ну, в каком-то смысле — стоит... потому что ты пишешь ужасные романы! Но это тоже другая история»^[135].

1993

¹³⁵ Эта апология была вдохновлена беседой с другом, который на самом деле пишет прекрасные романы. Но мне понадобился мальчик для битья, чтобы закончить эту «картонку» (прим. автора).

Как избавиться от Windows

Очень редко бывает, чтобы кто-нибудь в Соединенных Штатах говорил о проблемах телевидения, — если не считать семинаров исключительно для узких специалистов. Ни один журналист не будет задавать вам вопросов о господстве телевидения в современной жизни, никакая газета не поместит тревожных рассуждений на эту тему. Телевизор — это электробытовой прибор, как холодильник, и американцы считают, что его точно так же следует набивать как можно плотнее, и лишь потом проводят различие между людьми нормальными, которые открывают холодильник по утрам, чтобы приготовить себе яичницу с беконом, и ненормальными, которые открывают его днем и ночью, приобретая те ботерианские^[136] размеры и формы, что можно встретить только на этом континенте.

При этом в тех же Соединенных Штатах информатика получила необыкновенное распространение и достигла невероятной степени совершенства: никто больше не шлет друг другу писем, а общаются посредством электронной почты, и все равно редко случается, чтобы во время дискуссии кто-нибудь спросил, что вы думаете по поводу такого повсеместного проникновения информации. Информация есть, и всё тут.

В Латинской же Америке, где телевидение и информатика тоже, разумеется, распространены, но, скажем так, в мере скорее европейской, чем североамериканской, все одержимы проблемой коммуникаций. Ни о чем

¹³⁶ *Фернандо Ботеро* (р. 1932) — колумбийский художник и скульптор, изображающий человеческие фигуры гротескно толстыми и заплывшими жиром.

больше вас там не спрашивают. Курсы коммуникативных дисциплин открывают даже при факультетах естественных наук. И наконец, именно латиноамериканцы изобрели странный термин *comunicador*, «коммуникатор», который непонятно к чему относится: к тому, кто осуществляет коммуникацию (и в таком случае, говорю я всегда, на Земле живет пять миллиардов «коммуникаторов»), к тому, кто ее изучает, или к тому, кто «коммуницирует» лучше других.

Не знаю, является ли такая одержимость результатом несомненной зависимости, которую эти страны испытывают по отношению к североамериканской коммуникативной модели, или их жители просто стали равнодушными к коммуникации, как стали они равнодушными к футболу (в этом последнем случае стоит заметить, что интенсивное освещение в средствах массовой коммуникации сопровождается полным равнодушием к теории вопроса разве только в области бейсбола).

Одержимость не вредит способности относиться к проблеме вполне здраво. Например, в Латинской Америке постоянно спрашивают (в интервью, в дискуссиях, на семинарах, на академических лекциях, посвященных хоть китайской акупунктуре), что делать с информацией, которой стало слишком много. И необыкновенно радуются, слыша в ответ что-то такое: раньше, когда кому-то нужно было что-то выяснить, он шел в библиотеку, выписывал там десять книг на интересующую тему и читал их; а теперь он нажимает кнопку на компьютере, получает библиографию из десяти тысяч названий и на этом все заканчивается.

Не так давно я обнаружил, что моих собеседников чрезвычайно трогает такой пример, приведу его и для

читателей «картонки». В аэропортах я всегда покупаю компьютерные журналы, — они очень информативны и их приятно перелистывать в полете. Так вот, в июльском номере „PC Week“ я обнаружил за подписью Дэна Миллера восемьдесят, слышите — восемьдесят, советов о том, что можно выкинуть из вашей программы Windows 3.1., потому что она умеет делать множество вещей, которые никогда не пригодятся большинству пользователей, — но при этом занимают место в оперативной памяти и замедляют выполнение других программ.

Некоторые из этих указаний очень просты в исполнении, другие требуют внимания и большого труда, а также создают угрозу возникновения неразрешимых проблем, но действительно, последовав хотя бы двадцати из приведенных советов, вы убеждаетесь, что программа начинает работать гораздо быстрее. Я попробовал и обнаружил, что Windows не просто может делать вещи, о которых я не подозревал и которые мне совершенно не нужны, но и щедро загружает в ваш компьютер бесконечное множество команд, которые уже существуют в DOS'e, и что можно разрешить поддерживать только те, что находятся в директориях, прописанных в вашем Autoexec.bat (я говорю для специалистов).

Итак, вы тратите деньги, чтобы купить программу с чрезвычайно богатыми возможностями, потом тратите еще деньги, чтобы купить журнал, который учит вас, как избавиться от части этих возможностей (и еще деньги в смысле упущенной выгоды — за время, потраченное на то, чтобы сделать это корректным образом).

Это чудесно, когда у тебя в распоряжении изобилие информации, — но в какой-то момент приходится научиться ее сортировать, чтобы не позволить ей себя

захлестнуть. Нужно сначала научиться пользоваться информацией, а потом — пользоваться ею с умеренностью. Безусловно, это станет одной из проблем образования в наступающем веке. А искусство децимации^[137] станет одной из отраслей теоретической философии и морали.

1994

Mac vs DOS^[138]

Нигде еще не нашла отражения та новая религиозная война, которая подспудно преображает современный мир.

Дело в том, что отныне мир делится на пользователей компьютеров «Макинтош» и пользователей компьютеров, совместимых с операционной системой MS-DOS. И, по моему глубокому убеждению, «Макинтош» — это католичество, а DOS — протестантство. Более того, «Макинтош» — это католичество времен Контрреформации, следующее принятой иезуитами программе воспитания «Ratio Studiorum»^[139]. Он дружелюбен, щедр, сговорчив и указывает верующему шаг за шагом, что нужно делать, чтобы достичь если уж не Царствия Небесного, так момента окончательной печати документа. Это как катехизис — суть Откровения объяснена доходчивыми словами и яркими картинками.

DOS — это протестантство кальвинистского толка. Оставляет свободу в толковании Писания, требует лич-

¹³⁷ Казнь каждого десятого (*историч.*).

¹³⁸ «Макинтош» против DOS (*спец. англ.*).

¹³⁹ План обучения (*лат.*).

ных и выстраданных решений, навязывает изощренную герменевтику и считает само собой разумеющимся, что спасение приготовлено не для каждого. Чтобы заставить систему работать, нужно самому интерпретировать программу: далекий от барочного единения прихожан, пользователь остается наедине со своими мучительными внутренними сомнениями.

Мне возразят, что с приходом Windows мир DOS'a приблизился к контрреформатской терпимости «Макинтоша». Действительно, Windows представляет собой схизму наподобие англиканства: пышные церемонии в соборе, но возможность незамедлительно вернуться в DOS и внести фундаментальные изменения, необходимые для принятия неожиданных решений. В конце концов, рукополагать в священники стали и женщин, и геев.

Само собой, католицизм и протестантство двух операционных систем не имеет никакого отношения к культурной и религиозной позиции их пользователей. Однажды я обнаружил, что суровый и непреклонный Фортини^[140] пользуется «Макинтошем», кто бы мог подумать. Но возникает вопрос: не принесет ли в отдаленном будущем использование той или иной системы глубокие внутренние изменения? Можно ли было работать в DOS'e и поддерживать Вандейский мятеж? И наоборот, писал бы Селин в Word, WordPerfect или WordStar? Мог ли бы Декарт программировать на Паскале?

Но разве не машинный язык определяет с самого основания участь обеих операционных систем или, если угодно, сред? Ну, это материя ветхозаветная, талмудиче-

¹⁴⁰ Франко Фортини (1917–1994) — итальянский поэт, критик, эссеист.

ская и каббалистическая. Ох уж, вечно это еврейское лобби...

1994

Примечание 1999 года: Эта заметка была написана шесть лет назад. С того времени кое-что изменилось. Новые релизы Windows 95 и 98, несомненно, сделали ее католичеством времен Тридентского собора — вместе с «Макинтошами». Роль протестантства перешла к Linux. Но оппозиция остается в силе.

Ночь греха

Любой, кто начинает пользоваться Интернетом, чуть ли не сразу находит «Плейбой» и «Пентхауз». Но, единожды прогулявшись туда и запросив на полный разворот обнаженную натуру «заек» за последние два или три месяца, люди прекращают это, потому что, как бы ни был велик экран, каким бы замечательным ни было разрешение, все же гораздо удобнее и приятнее купить журнал в ближайшем киоске. Но друзья все время рассказывают, что натолкнулись там-то и там-то на совершенно невообразимые картинки, и тебе тоже хочется попробовать, просто чтобы доказать, что и ты умеешь путешествовать по Интернету.

Позапрошлой ночью, устав лазать по спискам литературы о метафоре, программам для создания гипертекстуальных историй и «Критике чистого разума» в старом английском переводе, созданном до закона об авторских правах, я вызвал WEB Crawler и запросил «секс». Обозначилось 2088 адресов, открылось только 100. Анархия, которая царит в Интернете, приводит к тому, что никогда не знаешь, какие адреса интересные, а какие — мура. Я прочитывал одно за другим многообещающие названия

вроде «Сады наслаждения», «Рентген для взрослых», «У-у-у, голые бабы!», «Богини секса из Западного полушария», но мне все время обещали самые лакомые картинки только в том случае, если я зарегистрируюсь И оплачу просмотр.

Кликал я, кликал и добрался до „Kramer's Korner — Erotica“, откуда был доступ к сайтам «Супермодели», «Самые горячие связи», опять-таки к «Пентхаузу» и «Плейбою». не говоря уже о «Детках в сети». Я направился в „Супермодели“, где оный синьор Крамер поместил фото (в одежде) и информацию о моделях, которые ему нравятся. Я пошел на Синди Кроуфорд и узнал о ней все, но с таким же успехом мог купить журнал «Христианская семья».

Разочарованный, я отправился в «Самые горячие связи», откуда меня снова отослали к «Плейбою» и в «Журнал геев и лесбиянок Западной Канады» (но в последнем сразу же предупредили, что я могу не рассчитывать на картинки). Я перебрался на «Деток в сети», где мне были предложены адреса штук пятидесяти «деток» (*Babe* может также значить «куколка» или «милашка»): у каждой своя домашняя страница, у некоторых такие очаровательные имена, как Чок-Эн-Чен. Ну, поглядим, что нам предложат эти куколки.

Я кликнул, почти наугад, на Дженнифер Эмос. Появилась страница Дженнифер, ее фотография (по плечи): не уродина, но и не бомба. Обыкновенная женщина, которая сообщала, что она — аналитик-программист, работает в серьезнейшем колледже Оберлин, и подробно расписывала свою профессиональную квалификацию. В начале страницы девушка оповещала, что 15 августа в 12.28 околел ее сиамский кот, а в конце просила, если я

пробрался к ней через UD, передать привет некоему Джо Лэнгу. О сексе ни слова. Либо Дженнифер рекламирует себя как специалиста, либо ей одиноко и хочется пообщаться.

Однако в какие игры играет этот Крамер? Возвращаясь к нему, кликаю на его биографию. Узнаю, что ему 28 лет, он учился в Бостоне, теперь работает в банке в Джерси-сити, а в свободное время предлагает свои услуги для создания web-страниц, то есть того, что я сейчас созерцаю. Чтобы привлечь возможных клиентов, предлагает контакт с эротическими сайтами, показывая фотографии красивых девушек и подталкивая тебя на поиск цыпочек или курочек, которые вовсе не куколки, а весьма достойные дамы самых строгих правил.

В отчаянии я возвращаюсь к первоначальному перечню из ста горячих адресов и нахожу нечто такое, что прямо-таки подпрыгиваю на стуле. Некто Дэн Моулдинг оповещает, что если мне желательно зреть груди, половые губы и прочие части женского тела, да в придачу жесткое гиперпорно в количестве, никогда не виданном на мониторе компьютера, то я забрел туда, куда надо. Я немедленно вхожу на сайт, и на мониторе появляется сообщение, гласящее, что я грязный тип и мне должно быть стыдно.

Дэн Моулдинг, строгий блюстителъ нравственности из Юты (может быть, даже мормон), в длинном послании сперва упрекает меня в том, что, рассылая или отыскивая порно в Интернете, я перегружаю линии. Потом растолковывает, что раз я ищу секса в компьютере, значит, я болен, у меня нет друзей — не говоря уже о девушках; спрашивает, неужели у меня нет родных, которых я мог бы окружить нежной заботой, и предупреждает, что моя

бабушка, знай она, чем я тут занимаюсь, немедленно скончалась бы от аневризмы. Наконец (посоветовав мне пойти исповедаться священнику, раввину, пастору) предоставляет список адресов (в Интернете), где я могу найти моральную поддержку, в том числе и адрес специальной службы реабилитации таких порнушников, как я (<http://www.stolaf.edu/people/bierlein/poxxx.html>).

И заключает: свяжись со мной (dmoulding@eng.utah.edu), и я покажу тебе уйму писем, которые отправили мне «падшие столь же низко, как и ты, и достаточно глупые, чтобы клюнуть на мою наживку».

Было три часа очи. Сексуальная оргия изнурила меня. Я пошел спать, и мне снялись стада овец, ангелочки и ласковые единороги.

1995

Кишечник мистера X

Об этом уже писали в специальных журналах. Путешествуя по Интернету, можно найти домашнюю страницу некоего господина, вывесившего там на всеобщее обозрение фотографию своей толстой кишки. Возможно, не всем читателям известно, что это значит — получить фотографию собственной толстой кишки. Так вот, несколько лет назад появилась возможность отправиться в клинику (государственную или частную), где врач введет вам в задний проход зонд с малюсенькой телекамерой на конце. Это не более неприятно (или неудобно), чем клистир. Зонд продвигается по вашему кишечнику, в то время как ассистент (или, верх извращения, монашка!) осторожно массирует вам брюшину, чтобы тот мог путешествовать по этому лабиринту без помех.

Это просто чудо! Если не обращать слишком много внимания на то, что с вами делают, и если вы наделены в должной мере повествовательным воображением, то сможете пронаблюдать на экране цветного телевизора путешествие зонда (и телекамеры) *in interiore homine*^[141], в ходе которого вас ждет нечто среднее между св. Августином и Жюлем Верном. Вы почувствуете себя если не первым, то уж, безусловно, в числе первых людей, кто впервые за многие тысячи лет получил возможность следить на экране за продвижением по собственным внутренностям.

Опыт (если вы готовы потерпеть небольшое неудобство) восхитителен. Вас ждет путешествие по подземным ходам разных оттенков — от бледно-розового до ярко-красного, и единственное разочарование может подстеречь, если врач, встретив заинтересовавшее его формой и цветом образование, воскликнет: «О, какой замечательный рак!» А если этого не произойдет, вы возвращаетесь домой в уверенности, что здоровы всеми потрохами, до самого желудка (ну, более или менее, прошу прощения за приблизительность). И даже если осмотр покажет обратное — лучше знать это сразу, может быть, еще есть время исправить. Так что каждому человеческому существу следует (с разрешения своего врача) проходить через этот опыт каждые два года — благо современная медицина это позволяет.

Потом, через несколько дней, медик вручит вам цветную фотографию вашего кишечника. Если хотите — можете заказать для нее рамочку и повесить на стену, рядом с фотографиями своих предков или своей соб-

¹⁴¹ Во внутреннем человеке (*лат.*). Имеется виду изречение св. Августина: «Не стремись наружу; правда обретается во внутреннем человеке».

ственной — младенцем на леопардовой шкуре, как было принято когда-то.

Единственная проблема заключается в том, что толстые кишки всех людей, находящихся в добром здравии, похожи друг на друга, и в этом состоит мудрость природы, постоянно воспроизводящей в многочисленных единичных случаях общие законы — может быть, несколько однообразно, но давая нам возможность отгадывать свои загадки. Так что вы можете наслаждаться цветной фотографией своей толстой кишки (пути нарциссизма неисповедимы), но оставаться при этом совершенно равнодушным к кишечнику других людей. Что мне кажется гуманным и естественным. Почему меня должны интересовать кишки Ширака или Клинтона? Даже у Шэрон Стоун есть кое-что поинтереснее ее кишечника, иначе Пол Верховен не снял бы свой «Основной инстинкт», а сделал бы научно-популярную документалку.

Так вот, господин, о котором идет речь, купил в Интернете место под домашнюю страницу (что сколько-то стоит), чтобы показать всем фотографию своей толстой кишки. Попробуем порассуждать, что за психологическая драма кроется за таким решением. Человек, которому жизнь не дала возможности выделиться, обратить на себя внимание не то что потомков, но даже современников, решается — не до жиру, быть бы живу! — войти если не в историю, то уж хотя бы в современность, показывая миллионам потенциальных сетевых странников свою собственную прямую кишку, ничем не отличающуюся — вот ведь совпадение — от прямой кишки кого бы то ни было. Кто-то ради того, чтобы стать знаменитым, убивает собственных родителей. Есть и такие, кто отправляется блистать собственным ничтожеством на ток-шоу. Среди всех

возможных решений вышеописанное покажется наименее опасным для окружающих.

Тем-то и прекрасна анархия Интернета. Кто угодно имеет право демонстрировать собственную незначительность. Потому что миллионы незначительностей чисто статистически образуют нечто значительное, на радость исследователю. Он сделает мгновенный снимок, который много скажет о современной трагедии одиночества и безвестности. По сравнению с Геростратом, который, чтобы войти в историю, сжег храм Артемиды Эфесской, нанеся ощутимый вред обществу (хотя, как говорил Станислав Ежи Лец, прежде чем проклинать Герострата, хотелось бы взглянуть на храм этой самой Артемиды Эфесской), уж лучше выставить наружу собственные внутренности — и заставить потерять, самое большее, немного денег на соединение.

1995

О компьютерных иконках

„Pictura est laicorum literatura“^[142], — говаривали в Средние века. И действительно, с неграмотными (которые тогда составляли большинство) можно было общаться только посредством изображений. Потом была изобретена печать и все изменилось — только, разумеется, не для неграмотных. В какой-то момент показалось, что эра галактики Гуттенберга закончилась и началась эра изображений. Все стали теленеграмотными — пока не появился компьютер, снова перевернувший положение

¹⁴² Картинка — письменность мирян (*лат.*).

вещей: чтобы им пользоваться, нужно уметь читать, и очень быстро.

Коммуникация посредством изображений часто оказывается необходимой: например, в аэропортах, где скапливаются люди, говорящие на разных языках, полезно обозначать туалеты мужской и женской фигурками, а рестораны — переkreщенными ножом и вилок. Речь в этом случае идет о символах (или иконах), понятных всем. Но не лучше ли в таком случае представлять «Али-талию», «Эр Франс» и «Люфтганзу», а еще лучше — Париж, Алжир, Пизу — также картинками, а не словами? Ладно — Пиза, там можно поместить башню на картинку, но как быть с Дечимоманну? Желая попасть на Сардинию, можно по ошибке оказаться в Кейптауне.

Что-то в этом роде случается порой за компьютером. От него требуется быть *friendly*, то есть дружественным, что понимается как «дуракоустойчивость»; считается, что идиот лучше понимает не слова, а иконки. Сама идея ошибочна: любой идиот, раз уж он пользуется компьютером (я не говорю — для видеоигр, но для того, чтобы писать, вести счета и списки, рисовать таблицы, посылать почту, вступать в контакт с сообществами педофилов), умеет читать.

Теперь этому идиоту приходится запоминать бесчисленное множество иконок, причем не все они понятны интуитивно. Я пишу в Winword 6 — и уже запомнил иконки, обозначающие «закреть», «открыть», «сохранить» и «распечатать документ». Но, например, там есть одна, представляющая из себя квадратик с рядом точек посередине. Интуитивно отнюдь не очевидно, что она обозначает «разделить окно», — и к тому же очень похожа на другую, «вставить таблицу», и пугающе похожа еще на

одну, «границы и заливка». Поскольку я часто разделяю экран на множество окон, когда хочу выбрать один вариант (вот этот самый, который вы сейчас читаете), я пользуюсь этой функцией действительно как идиот. Вверху экрана написано «окно», я кликаю на это слово, и появляется всплывающее меню, в котором говорится, что я могу, по порядку, создать окно, расположить его рядом, разделить.

Подсоединившись к Italia on line, я обнаруживаю наверху сердечко. Это что, вход в эротический чат? Нет, это означает «список служб» (вы уловили гениальную идею? Я нахожу службы по своему вкусу, и они западают мне в сердце). Но если я намерен пользоваться службами Italia on line, то, очевидно, я не пещерный человек, могу прочитать наверху слово «службы» и выбрать те, которые мне действительно послужат. Это элементарно. Чего уж говорить о корзинах. Поначалу это была великолепная идея, позволяющая кому угодно понять в мановение ока, куда девать ненужный файл. Но сегодня у каждой программы имеется своя собственная корзина, а ее графическая идея меняется от оболочки к оболочке: теперь она не просто откровенно копирует корзинки-прототипы из ивовых прутьев, а выглядит то как железный ящик, то как горшочек меда. Кое-где обнаруживается открытая дверь, позволяющая догадаться, что ты откуда-то выходишь, — но откуда? Из файла? Из программы?

На различных интерактивных, мультимедийных, гипертекстовых CD встречается что угодно: ступни, ладони, глобусы, сложенные листы, лупы, профили Шерлока Холмса, цветные стрелки, поражающие себя в хвост. У каждого CD при этом иконки свои (картинки — это отдельная песня). Хорошо еще, если программа также дает мне словесные указания: «вернуться на предыдущую

страницу» или «отменить сделанные изменения». Мне возразят: одна и та же программа может использоваться в разных странах, и не везде понимают по-английски. Отвечаю: оставляя в стороне тот факт, что программы сейчас локализуются, для того чтобы понять, что хочет сказать та или иная иконка, нужно читать руководство пользователя толщиной в 200 страниц, которое невозможно понять, даже если оно написано на твоём языке. Лучше уж присовокупить англо-итальянский словарик на четырёх страничках.

Повторюсь ещё раз: несколько иконок для ключевых операций — полезны, когда же их становится слишком много, они засоряют мозги и вызывают вторичную неграмотность. Но иконки придают вес, как фальшивые деревянные панели на приборной доске дешёвых автомобилей: чем их больше, тем лучше продажи. В конце концов у нас появятся сверхдружественные программы, все составленные из иероглифов, так что даже слова окажутся на картушах и примут формы Анубиса, совы, уст с зубчатой линией сверху. И придётся взывать к новому Шампольону^[143].

1996

Правда, только правда

В ходе избирательной кампании говорится много лжи. Врут, чтобы обобщить мысль и сделать её доступнее, врут для быстроты, по убеждениям (наиболее трагический случай: лжец на самом деле не лжёт, а вынужден говорить неправду из-за нехватки информации), врут в

¹⁴³ Жан-Франсуа Шампольон (1790–1832) — французский лингвист, первым расшифровавший египетские иероглифы.

корыстных целях. Ничего не попишешь, это повсюду так, и нечего тут добавить. Хотя порою я чувствую ностальгию по кому-нибудь, кто говорит правду, только правду и ничего, кроме правды.

К счастью, это заветное желание прямоты и искренности удовлетворяется двумя категориями работников умственного труда, показывающих нам, как следовать евангельской заповеди: «да будет слово ваше: да, да; нет, нет; а что сверх этого, то от лукавого». Это те, кто пишет вкладыши-«обманки», — так, по какой-то лингвистической причуде, именуются по-итальянски инструкции, вкладываемые в упаковки с лекарствами, — и те, кто составляет экранные справки для компьютеров, так называемые «хелпы».

Авторы «обманок» усвоили с юных лет, что, если тебе надо что-то сказать, говори только то, что знаешь, не больше и не меньше. Так что часто в разделе «противопоказания» читаешь: «Выявлены случаи гиперчувствительности к продукту». Это значит, что, если, приняв лекарство, вы повалитесь на землю с зеленой пеной на губах и с плоской энцефалограммой, просто не следует его больше принимать.

Но лгать можно также и для того, чтобы уклониться от ответственности, и тогда автор говорит вам все, ничего не скрывая: «В качестве побочных эффектов может вызвать сухость в горле, тошноту, головную боль, головокружение, артроз, понос, конъюнктивит, сыпь, спазмы, камни в почках, болезнь Альцгеймера, желтую лихорадку, скоротечный перитонит, удушье, катаракту, опоясывающий лишай, старческие пятна, ежемесячные менструации (у мужчин), синдром Краусса-Эльдермана, зевгму и истерон протерон».

Перейдем теперь к руководствам пользователя. Если вы сталкиваетесь с какой-то проблемой в вашем компьютере, особенно будучи новичком или осваивая новую программу, вам прекрасно известно, что искать помощи в руководстве от производителя бессмысленно, потому что у вас нет под рукой раба-нубийца, который притащит вам его на стол, а даже если оно уже на столе, вы никогда не разберетесь, почему страница A 115 должна найтись после страницы W 18. Что же касается руководств, продаваемых задорого независимыми издательствами, то они или рассчитаны на дурака и в них тратится десять страниц на объяснения вроде того, что если нажать на кнопку «вкл.», экран, как по мановению волшебной палочки, заполнится цветными картинками (чего вряд ли можно ожидать от вашей старой доброй перьевой ручки), или в них по восемьсот страниц, и в оглавлении подробно перечислено все, что угодно, — кроме того, что вы ищете.

Так что вам ничего не остается, кроме как воспользоваться экранной справкой, то есть окошком, неожиданно появляющимся перед глазами, когда вы нажимаете на иконку, обычно представляющую из себя вопросительный знак. Предположим, что ваша программа предлагает, как уверяет специальная закладка, возможность «вставить объект». Вы спрашиваете себя, что такое объект, как его вставить (и прежде всего — куда лучше вставить). Ничего страшного: вызываете справку и получаете ответ: «Эта команда вставляет объект в ваш документ». К чести автора, нельзя сказать, что он вам не сказал правды: он ее сказал, но то, что вы получили, — это не ответ, а скорее сам ваш вопрос с отброшенным вопросительным знаком.

Вот еще любопытные примеры экранных справок. Что такое «Создать подключение»? Ответ: «Команда позволяет создать подключение. См. также „Доступ“». Вы отправляетесь в оглавление искать «Доступ» и обнаруживаете: «Позволяет войти в файл подключений (см. „Создать подключение“)». Очень полезны также предупреждающие сообщения, как «Ошибка 125». Справка незамедлительно сообщает, что вы столкнулись с ошибкой 125 и что ее следует устранить.

Чтобы взрастить автора вкладышей или экранных справок, воспитывать его нужно с самого нежного возраста, в специальных школах. Детей следует поощрять к составлению утверждений вроде «все холостяки холосты» (и награждать за это конфеткой) или «Эпамименид бежит» и «Эпамименид не бежит», «все звери — звери», «Сократ — это Сократ», или «дождь», или «нет дождя», «если Корбулид провозглашает принцип исключения третьего, значит, Корбулид провозглашает принцип исключения третьего», «все люди смертны — все люди смертны — следовательно, все люди смертны».

1996

Вавилонская беседа

(Между Тигром и Евфратом, в тени висячих садов, несколько тысяч лет назад)

Урук: Как тебе эта клинопись? Моя рабопечатная система в десять часов завершила весь кодекс Хаммурапи.

Нимврод: А какая у тебя? Apple Nominator из Райской Долины?

Урук: Ты с ума сошел! Их больше не достанешь даже на рынке рабов в Тире. Нет, у меня египетский раб-

писец, Toth 3 Megis-Dos. Расходует очень мало, горсть риса в день, и может писать иероглифами.

Нимврод: Но у него же ничего в памяти не остается.

Урук: Зато форматирует прямо при копировании. Больше не нужен раб-форматировщик, который берет мину, лепит таблицу, сушит ее на солнце, чтобы другой потом на ней писал. Он сам лепит, сушит на огне и сразу пишет.

Нимврод: Но он пользуется таблицами на 5,25 египетских локтей и весит добрых килограммов шестьдесят. Почему ты не заведешь себе портативного?

Урук: Что, какой-нибудь халдейский визор на жидком хрустале? Прибамбасы для волхвов.

Нимврод: Да нет, писца-карлика, африканского пигмея из Сидона. Ну, знаешь, как делают финикийцы — дерут всё у египтян, но потом миниатюризируют. Смотри: лэптоп, пишет, сидя прямо у тебя на коленях.

Урук: Он горбатый, какая мерзость.

Нимврод: Я тебя умоляю! Ему вмонтировали в спину плату для быстро бэкапа. Один щелчок хлыстом — и он пишет тебе прямо в *Альфа-Бета*, видишь, вместо графического режима использует текстовой, достаточно двадцати одного знака. Запакует тебе весь кодекс Хаммурапи на нескольких таблицах 3,5.

Урук: Но потом еще придется покупать раба-кодировщика.

Нимврод: Ничего подобного. У этого карлика вшитый кодировщик. Еще один щелчок хлыстом — и он всё переписывает в клинописи.

Урук: А графику он тоже делает?

Нимврод: Ты что, не видишь, что у него разные цвета? Как ты думаешь, кто сделал мне все планы для Башни?

Урук: А ты ему веришь? Вдруг все грохнется?

Нимврод: Да брось. Я загрузил ему в память Пифагора и Memphis Lotus. Даешь ему план, щелчок — и он рисует тебе зиккурат в трех измерениях. У египтян при постройке пирамид еще была десятикомандная система «Моисей», залинкованная с десятком тысяч рабов-строителей. Интерфейсы у них были не очень дружелюбные. Все устаревшее железо пришлось выбросить в Красное море, даже вода поднялась.

Урук: А для вычислений?

Нимврод: Он еще знает Зодиак. Мгновенно показывает тебе твой гороскоп, и — what you see is what you get^[144].

Урук: Дорого стоит?

Нимврод: Ну, если будешь покупать его здесь, то целого урожая не хватит, а если на библосских рынках, то возьмешь за мешок посевного зерна. Конечно, нужно его кормить хорошенько, потому что, сам знаешь, garbage in — garbage out^[145].

Урук: Ну, меня пока мой египтянин вполне устраивает. Но если твой карлик окажется совместимым с моим 3

¹⁴⁴ Что видишь, то твое (англ.).

¹⁴⁵ Дерьмо вошло, дерьмо и вышло (англ.).

Megis-Dos, можешь сделать, чтобы он научил его Зодиаку?

Нимврод: Это незаконно: когда покупаешь, должен подтвердить, что берешь его только для индивидуального пользования... Ну да ладно, давай их законнектим, в конце концов, так все делают. Только смотри, чтобы у твоего не оказалось какого-нибудь вируса.

Урук: Он здоров как бык. Меня больше всего другое пугает: каждый день появляется новое наречие, в конце концов произойдет смешение программ.

Нимврод: Успокойся, только не в Вавилоне, только не в Вавилоне.

1991

О значении прописных букв

Каждое утро у меня на столе оказывается примерно десяток томов, присылаемых мне по почте в подарок. Пускай молодые читатели, движимые теми же страстями, что двигали в юности мною, не думают, что это — счастливый венец долгой карьеры. Десять томов в день — это тяжкое наказание (особенно когда возвращаешься после недельной поездки), серьезная угроза вашему жилищу, вынуждающая вас к жестокому отбору и, прежде всего, лишаящая восхитительного удовольствия — отправиться в книжный магазин, чтобы узнать о новинках. Остается добавить, что если еще несколько лет назад по крайней мере половина присылаемых книг была на сербо-хорватском или на японском, то теперь им случается быть также на украинском или латышском.

Немногие из этих книг способны заинтересовать. Позавчера мне захотелось сразу посмотреть по крайней

мере оглавление одной из них, потому что она была посвящена эстетике — предмету, на который я потратил много сил с ранней юности. Как не сказать о дьявольской гордости, которая меня охватила, когда я увидел в именном указателе, что упомянут в тексте целых семь раз — против двух упоминаний моего учителя Луиджи Парейсона!

Думаю, что вы извините мне эту слабость, которая для ученого совсем не является слабостью, а похвальной страстью к документированию, к продуктивным изысканиям, как говорят некоторые (потому что ведь существуют и непродуктивные изыскания). Я выписал страницы, на которых меня цитируют, и стал смотреть, каким образом я там оказался.

Увы, я себя не обнаружил. То есть на этих страницах не оказалось моего имени. Будучи специалистом в области книгоиздания, я сказал себе, что, возможно, автор или тот, кто готовил справочный аппарат, сделал его по корректуре, а потом, при окончательной подготовке к печати, страницы «сползли» и мне следует поискать страницей раньше или страницей позже. Тоже ничего.

Но я не сдался. Теперь это был уже не вопрос нарциссизма, а вопрос профессионального интереса. Я знаю, какие смешные сюрпризы могут таиться в именных указателях (в одной моей книге мне в последний момент удалось изъять из списка цитируемых авторов Мальчикас-Пальчик: редактор оправдывался, что это имя написано с больших букв, как имя Ортеги-и-Гассета). И наконец я решил загадку.

На самом деле во всех указанных местах присутствовало слово *есо* с маленькой буквы, то есть просто-напросто «эхо». На странице 199 отмечалось «винкельма-

новское эхо», на странице 206 — «эхо представлений», на странице 244 — «эхо телесного ужаса», на странице 290 — «эхо благородной души», на странице 345 отмечалось, что мысли Дю Боса будут звучать эхом в течение всего XVIII века, а на странице 349 говорилось то же самое про Шиллера и XIX век.

Я уже понял, что автор, пожалуй, слишком усердствует, приписывая каждой высказанной мысли столь долгое эхо, но не мог понять, как могла возникнуть такая дурацкая путаница. Невозможно себе представить человека, который, прочтя есо с маленькой буквы, сразу бы подумал о моей фамилии — Есо (хотя в недавней библиографии книга моей приятельницы Марины Миццау под названием „Есо e Narciso“, «Эхо и Нарцисс», была указана таким образом, словно дуэт авторов Эко и Нарчизо написал книгу под названием «Марина Миццау»). С другой стороны, если бы список делал компьютер, в него не могли бы попасть слова, начинающиеся с маленькой буквы. Наиболее правдоподобная гипотеза такова: ответственный за составление именного указателя нашел на первых страницах мое имя (оно действительно упоминается однажды — на стр. 75) и потом попросил машину найти все остальные места, где встречается это имя, — забыв при этом указать программе, чтобы она различала прописную и строчную буквы.

Этот колоритный случай заставляет нас снова задуматься о пользе от машины и пользе от человека. Машина, которая способна в несколько мгновений найти все упоминания определенного имени в пятисотстраничном тексте, — это действительно очень полезная вещь, сберегающая массу времени и страхующая от невнимательности. Машины не безмозглы, как о них говорят, — они очень умны, в том смысле, что тщательно, скрупулезно и

квалифицированно делают то, что им поручили. И если им не сказали различать прописные и строчные буквы — они и не будут этого делать, потому что исходят из того, что их хозяева-люди — существа, которые знают, чего хотят, и сообщают об этом.

В упоминаемой книге я обнаружил много упоминаний Френсиса Бекона. Я не стал проверять, но надеюсь, что речь там действительно идет о великом английском философе. А если бы это была английская кулинарная книга? Тогда бы ссылка на великого философа возникала всякий раз при упоминании о яичнице с беконом и о других подобных изысках островной кухни.

1996

E-mail, подсознательное и Суперэго

E-mail — телекоммуникационная чертовщина, позволяющая отсылать страницы и страницы текста хоть в Австралию, по цене внутригородского телефонного звонка и за считанные секунды. Мало того, получивший послание может мгновенно ответить, просто вернув ваше письмо с коротенькой припиской: «согласен», и не нужно больше никаких «Глубокоуважаемый такой-то, получив Ваше любезное письмо...» и т. д. Отправитель и получатель одним кликом меняются местами, и уже через несколько секунд ваше письмо в Австралии. Путешествия по Интернету располагают к тому, чтобы писать письма даже незнакомым людям, запрашивая или отсылая им какую-нибудь информацию. Существуют *ЭМОТИКОНЫ*, маленькие картинки, получаемые с помощью клавиатуры, как:), то есть двоеточие и закрывающая скобка. Поверните голову (или компьютер) и увидите улыбающуюся ро-

жицу: это значит — «я шучу». Зачем? Затем, что беседуя лицом к лицу, можно понять «глазами», если что-то говорится не всерьез, а письма обычно пишутся людям, которые тебя хорошо понимают; благодаря же e-mail мы вступаем в контакт с незнакомцами, порою принадлежащими к культуре, где чувство юмора не такое, как в нашей, и лучше подстраховаться.

Но удаленность и скорость привносят определенные психологические проблемы. Например, мы с гораздо большим нетерпением ждем ответа, который теперь ускорился в десятки раз, в то время как с обычной почтой мы бы спокойно дожидались письма. Проиллюстрирую одно из неудобств, которые приносит скорость, с помощью свежей реальной истории. Один человек (назовем его Паскуале) проработал несколько лет в фирме, где снискал уважение начальства и коллег благодаря своей вежливости и отзывчивости. Возможно, порою у него бывало плохое настроение, но он никому не давал об этом знать.

В один прекрасный день Паскуале был послан за границу с деликатной миссией и поддерживал связь с коллегами через e-mail (которым только-только научился пользоваться). Друг сообщил ему (через e-mail), что его ругали: один его проект, который он вел перед отъездом, был признан неудовлетворительным и передан другому человеку, а тот его переделал. Поди разберись, кто прав, кто виноват, но нетрудно догадаться, что Паскуале был сильно обескуражен и пришел в ярость.

Приходя в ярость по поводу предполагаемой несправедливости, в самый момент гнева мы склонны обзывать тех, кто в ней повинен, идиотами, кричать, что «они» нас не ценят, что мы не желаем лизать подметки и

вообще готовы послать все к черту. Потом обычно гнев остывает, и на совещании мы спокойным и вежливым голосом просим объяснений. Если мы находимся на расстоянии, то пишем письмо, перечитываем его, прежде чем послать, и вносим исправления, чтобы выдержать более уравновешенный тон.

Однако Паскуале, получив сообщение, немедленно (ведь e-mail — это так удобно) написал предполагаемому обидчику, называя его подлецом, ставя под сомнение его компетентность и утверждая, что он распределяет интересные задания в обмен на сексуальные услуги подчиненных обоих полов, и, когда тот человек в ярости ответил (через e-mail), не сошел ли он с ума, Паскуале забрал еще круче, расписав, какие бы увечья ему нанес, если бы не географическое расстояние. А поскольку электронное письмо можно направить сразу по нескольким адресам, Паскуале также послал копию главе фирмы, присовокупив некоторые размышления по поводу этой конторы, которую он считает ничем не отличающейся от свалки органических отходов.

Был ли это такой оригинальный способ объявить о своем увольнении? Ничего подобного. Все были убеждены, что Паскуале на самом деле хотел работать и дальше, а его предполагаемая ошибка не была такой уж фатальной, просто его информатор преувеличивал. Паскуале, возможно, сломал себе карьеру. Что произошло? Он получил тревожное сообщение, а e-mail побудил его отвечать немедленно — и дать своей реакции широкую огласку. Отрезанный от мира вместе со своей яростью, один перед экраном компьютера, он выплеснул самые темные стороны своей души. Полученное сообщение вошло в резонанс с его подсознательным, не оставив времени проконсультироваться с Суперэго, как происхо-

дит обычно. Машина немедленно соединила его со всем миром, но из-за ее быстрогодействия он позабыл, что принятый веками общественный договор диктует разную скорость для действия и ответа на него.

Из чего следует, что e-mail (такое же великое изобретение, как и межконтинентальные авиалайнеры) также создал новую проблему — „mail-lag“, к которой нужно психологически приспособляться. И мелатонин^[146] здесь не поможет.

1996

Много ли мы наизобретали?

Видимо, это объявление появилось в Интернете. Но где именно — не знаю, потому что мне прислали его по электронной почте. Это псевдоспам, который предлагает новинку — Built-in Orderly Organized Knowledge^[147]. Сокращенно — BOOK, то есть «книга».

Никаких проводов и батареек, никаких микросхем, переключателей и кнопок. Устройство компактно и портативно, его можно использовать, даже сидя у камелька. Оно представляет собой последовательность пронумерованных листов (из утилизируемой бумаги), каждый из которых содержит тысячи бит информации. Эти листы удерживаются вместе в правильной последовательности с помощью элегантного футляра, называемого переплетом.

¹⁴⁶ Гормон, регулирующий циклы сна и бодрствования. Применяется, чтобы сгладить эффект перелета через много временных поясов (jet-lag).

¹⁴⁷ Встроенное упорядоченное знание (*англ.*).

Каждая страница оптически сканируется, и информация записывается прямо в мозг. Предусмотрена команда `browse`^[148], которая позволяет переходить от одной страницы к другой, как вперед, так и назад, одним движением пальца. С помощью утилиты под названием «оглавление» можно мгновенно найти желаемое место на нужной странице. Опционально поставляется устройство, известное как «закладка»: оно дает возможность вернуться туда, где вы были в прошлый раз, даже если BOOK был закрыт.

Далее в рекламе даются другие уточняющие характеристики этой потрясающей инновации и анонсируется также, что на рынок выпускаются Portable Erasable-Nib Cryptic Intercommunication Language Stylus^[149], PENCILS (т. е. карандаши). Перед нами не просто прекрасная шутка. Это также ответ на многочисленные тревожные рассуждения по поводу возможного конца книги по мере развития компьютеров.

Существует много предметов, которые, после того как они были изобретены, более не подлежат улучшению. Например, стакан, ложка, молоток. Когда Филип Старк захотел изменить форму ручной соковыжималки, он произвел на свет изумительный объект, в котором, однако, семечки падают в стакан. В то время как классическая соковыжималка удерживает их вместе с мякотью.

В конце XX века уместно спросить себя, действительно ли за эти сто лет мы изобрели много нового. Ведь все предметы, которыми мы пользуемся в повседневной

¹⁴⁸ Пролистать, перейти (*англ.*).

¹⁴⁹ Портативное приспособление для кратких секретных записей с возможностью их стирания (*англ.*).

жизни, появились еще в XIX веке. Вот некоторые из них: поезд (но паровая машина появилась веком раньше), автомобиль (с сопутствующей индустрией нефтепереработки), паровые суда с винтовым двигателем, сооружения из железобетона и небоскребы, подводная лодка и метрополитен, динамо-машина, турбина, работающий на солярке дизель, аэроплан (решающий эксперимент братьев Райт произойдет через три года после конца века), пишущая машинка, граммофон, диктофон, швейная машинка, холодильник и консервы, пастеризованное молоко, зажигалка (и сигарета), цилиндрический замок, лифт, стиральная машина, электроутюг, авторучка, ластик, промокательная бумага, марка, пневматическая почта, ватерклозет, электрический звонок, вентилятор, пылесос (1901), безопасная бритва, диван-кровать, парикмахерское кресло и вращающийся стул, спички простые и охотничьи, непромокаемый плащ, застежка-молния, английская булавка, газированные напитки, велосипед с надувной камерой, стальными спицами и цепной передачей, автобус и электрический трамвай, монорельс, целлофан, целлулоид, искусственные ткани, универмаги, чтобы продавать все это, и, если позволите, — электрическое освещение, телефон, телеграф, радио, фотография и кинематограф. Беббидж изобрел вычислительную машину, способную делать 66 операций в минуту, и вот мы уже на пути к компьютеру.

Конечно, наш век принес электронику, пенициллин и другие лекарства, удлинившие нашу жизнь, пластмассу, ядерный синтез, телевидение и полеты в космос. Но также верно, что самые дорогие часы и авторучки сегодня стремятся воспроизвести классические модели столетней давности, а в какой-то из предыдущих заметок я уже говорил, что последнее усовершенствование в области

коммуникации — то есть Интернет — показывает превосходство проволочного телеграфа над беспроводным, изобретенным Маркони, или, иными словами, означает возврат от радио к телефону.

По крайней мере два характерных изобретения нашего века, пластмассы и ядерный синтез, сейчас стараются «разыобрести» обратно, потому что стало заметно, как они отравляют планету. Прогресс не обязательно состоит в том, чтобы идти вперед любой ценой.

1998

Путешествия по Интернету

Кто только ни рыдал, что поезда убили поэзию долгих путешествий пешком по лесам или верхом по пыльным дорогам. Но вот классики научились рассказывать нам о поэзии (зачастую пугающей) поездов — от Толстого до Сандрара, Бютора и вплоть до Монтале. Нет никакой разницы — можно предаваться фантазиям и умирать от любви, от ностальгии, от страха, от нетерпения хоть в космическом корабле. С другой стороны, Пруст читал Нерваля и потом описывал, как мог оживить запах, просто глядя в расписание поездов до Иль-де-Франса.

До вчерашнего дня у меня была одна проблема — я не мог найти в Интернете программу, которая говорила бы мне, в какой поезд надо сесть. Считается, что это совсем просто: существуют разные сайты, в том числе сайт государственной железной дороги, и в других странах тоже, которые сносно работают, но они ограничены. На итальянском сайте говорится, как путешествовать по Италии, но не как доехать из Нанси в Лилль.

Наконец я почти случайно наткнулся на одну чудесную программу под названием Deutsche Bahn^[150] (что ни говори, по части техники эти немцы непобедимы), адрес которой выписываю здесь: <http://bahn.hafas.de>.

Это программа, которая показывает все европейское железнодорожное сообщение. Наверно, показывала бы и межконтинентальное, если бы поезда ходили по океану (во всяком случае, новую железнодорожную ветку, проложенную под Ла-Маншем, она учитывает).

Само собой разумеется, что в мгновение ока можно выяснить, какие поезда и с какой периодичностью ходят в такой-то час или в течение всего дня между Миланом и Палермо, или между Палермо и Лондоном, или между Лондоном и Франкфуртом. Программа также сообщает, сколько все путешествие займет времени, есть ли в составе вагоны-рестораны, спальные вагоны — в общем, все, что необходимо. Но с этого момента пользоваться ею становится неинтересно. Я отправил запрос, как добраться из Франкфурта в Баттипалью^[151], и получил удовлетворительный ответ: добраться можно, на это требуется от 18 до 20 часов, в зависимости от выбранного маршрута.

Тогда я спросил, как проехать из Лондона в Гроссето^[152] через Неаполь. Первый маршрут занимает 29 часов и вполне банален. На второй требуется 34 часа, но только потому, что приходится делать пересадку с одного парижского вокзала на другой. Зато третий превосходен:

¹⁵⁰ Немецкие железные дороги.

¹⁵¹ Маленький городок недалеко от Салерно.

¹⁵² Город в Тоскане, т. е. гораздо ближе к Лондону, чем Неаполь.

он занимает 26 часов, я останавливаюсь в Бардонеккье, Александрии, Нови, Виареджо, проезжаю через Гроссето в час ночи (не останавливаясь), прибываю в Неаполь на вокзал Кампи Флегрей, пересеживаюсь на римский поезд, прибываю на Рим-Остьенсе и возвращаюсь в Гроссето примерно девятью часами позже. Это самый волнительный маршрут. Надо только взять с собой что почитать, термос — и в путь.

Предположим невозможное. Я запросил: «Баттипалья — Роскофф через Мадрид». Из Баттипальи в Шамбери через Милан, потом Париж, Мадрид, Пуатье, Нант, Рен, Морле и Роскофф. Шестьдесят шесть часов бродяжной лихорадки. Другим шедевром мне кажется «Баттипалья — Санкт-Петербург-Витебский (меня развеселил шагаловский привкус, но я в нем не уверен) через Мадрид». Баттипалья — Париж — это понятно, и Париж — Мадрид — это тоже понятно, но потом начинается приключение: из Мадрида в Брюссель, оттуда в Оршу-Центральную и вплоть до Санкт-Петербурга. Всего 110 часов 34 минуты.

Восхитительно было и «Мадрид — Рим через Варшаву». Здесь названия станций звучали как в притче на идише: Варшава-Всходня, Бялосток, Черемха, Седльце, Варшава-Щрудмейщце, Вена-Восточная, Вена-Южная и наконец (как вспышка молнии, забывая все мелочи нашего полуострова) — Рома-Термини^[153].

Я нашел «Москва — Стамбул через Лизье^[154]» (три мистицизма одним ударом), он оказался неплохим, но не таким запоминающимся, как я думал.

¹⁵³ Центральный вокзал Рима и, соответственно, Италии.

¹⁵⁴ Французский городок Лизье получил известность как родина святой монахини

Как вы поняли, я открыл для себя наркотик. Как в детстве, когда я воображал себе открытия с приключениями над атласом, держа его под партой на уроке математики, теперь я только и делаю, что охочусь за волшебными снами и слежу, не останавливаясь, за схемами и маршрутами. Если это можно назвать «виртуальной реальностью», то она, безусловно, существует. Чтобы прожить ночи и ночи перед компьютером, мне надо будет запастись крепкими напитками из разных мест, которые я посещаю, трубками и, разумеется, кальянами, шубами и грелками. Если все пойдет хорошо, не миновать и убийства в Восточном экспрессе.

И может быть, между одной станцией и другой я обрету Мадонну спальных вагонов^[155] — бескровную, с трепещущими ноздрями и губами красными, как рана, томно затягивающуюся тонкими русскими пахитосами?

1997

Сочиненные истории и истории для сочинения

Мы вступили в эру гипертекста», — уверяют нас. Один диск может заменить целую энциклопедию, собрание сочинений такого плодовитого автора, как святой Фома Аквинский, или даже ряда писателей. Но подлинное преимущество состоит не в возможности собрать огромный массив информации, а в том, что эту информацию не нужно перелопачивать целиком. Ее можно пронизывать насквозь, как вязальная спица пронизывает

Терезы (1873–1897).

¹⁵⁵ Отсылка к роману Мориса Декобра (1885–1973) «Мадонна спальных вагонов».

клубок шерсти. По одному слову, по одной зацепке можно оказаться в другой части этой библиотеки, которую отсюда даже не видно; можно, не пересекая параллели и меридианы, переноситься с места на место, устанавливать связи между отдаленными землями.

С другой стороны, находящаяся в Интернете World Wide Web — Великая Мать всех гипертекстов: один клик по выделенному слову может перенести вас от книги из библиотеки Туринского университета к рецепту мясного соуса чили, а от него — к собранию сочинений Марка Твена. Порою это подбивает на бессмысленные блуждания, но приводит также к бесчисленным открытиям. А еще в Интернете существуют программы для сочинения коллективных историй. С их помощью можно принимать участие в создании повествований, ход которых может видоизменяться до бесконечности. Поэтому многие говорят о революции, которой подверглась сама идея литературы.

Читая с упоением «Войну и мир», вы спрашиваете себя: неужели Наташа действительно уступит домогательствам Анатоля или останется верной князю Андрею, действительно ли умрет этот замечательный человек (чего вы не хотите), и застрелит ли Пьер Наполеона. Можно насочинять разные варианты развития сюжета, но в конце концов Толстой говорит, что дело обстоит так-то и так-то, и вы с этим ничего не можете поделать. Но в гипертекстовой «Войне и мире» вы можете изменить судьбу персонажей на каждой развилке. Мало того, вы можете начать новую «Войну и мир» и дать ее продолжить другим... Таким образом вы избегнете двух обстоятельств, которые многим кажутся репрессивными: находиться перед лицом уже сочиненного романа и страдать от социального расслоения на тех, кто пишет, и тех, кто

читает. Творчески играть с гипертекстами, изменяя истории и участвуя в создании новых, — может оказаться захватывающим занятием, прекрасным учебным упражнением, новой формой письма, очень похожей на джазовый джем-сейшн, где каждое исполнение отличается от другого и кто угодно может включиться в игру, импровизируя и предлагая свои вариации.

Но, подобно тому как джаз не отменяет другие музыкальные жанры, все еще подчиняющиеся партитуре, точно так же эта новейшая творческая активность не имеет никакого отношения к «уже написанным» сочинениям и не может их заменить.

Вспомним, как Гюго пишет в «Отверженных» про битву при Ватерлоо. В отличие от Стендаля, который описывает сражение глазами Фабрицио^[156], находящегося в гуще событий и не понимающего, что происходит, Гюго описывает его с точки зрения Бога, смотрящего сверху. Ему известно, что, если бы Наполеон знал об овраге на плато Мон-Сен-Жан (о котором ему не сказал проводник), кирасиры Мило не были бы сброшены прямо к ногам английских солдат; если бы пастушок, служивший проводником у Бюлова, указал ему любую другую дорогу, прусская армия не поспела бы вовремя и не смогла бы решить ход сражения.

С помощью гипертекстовой структуры мы могли бы переписать ход битвы при Ватерлоо, сделав так, что французы маршала Груши придут раньше, чем немцы Блюхера, и существуют компьютерные игры, позволяющие делать это, причем с большим удовольствием. Но трагическое величие этих страниц Гюго состоит в том,

¹⁵⁶ В «Пармской обители».

что все идет вне зависимости от наших хотений, так, как идет. Красота «Войны и мира» — в том, что агония князя Андрея заканчивается его смертью, как бы это ни было печально. Грустное очарование, которое мы испытываем всякий раз, перечитывая великих трагиков, заключается в том, что их герои, которые могли бы избежать жестокого рока, по своей слабости или слепоте не понимают, что ждет их впереди, и низвергаются в яму, вырытую своими же руками. С другой стороны, продемонстрировав, какие еще у Наполеона были возможности при Ватерлоо, Гюго говорит: «Мог ли Наполеон выиграть это сражение? Мы отвечаем: нет. Почему? Был ли тому помехой Веллингтон? Блюхер? Нет. Помехой тому был Бог».

Вот о чем говорят нам все великие повествования, разве что заменяя Бога на рок или неумолимые законы Жизни. Именно в этом состоит функция «неизменяемых» рассказов: вопреки любому нашему желанию изменить судьбу они «на пальцах» показывают невозможность этого. Поэтому, какую бы историю они ни рассказывали, они в то же время рассказывают и нашу — за это мы их читаем и любим. Нам нужны их суровые «репрессивные» уроки. Гипертекстовые нарративы могут дать уроки свободы и творчества. Это хорошо, но это не все. Рассказы, уже сочиненные, еще и учат нас умирать.

1995

ПУСТЬ ДАЖЕ ГОВОРИТЬ — НАПРАСНЫЙ ТРУД^[157]

Полемика о средствах информации

Судебный процесс по телевидению — покушение на КОНСТИТУЦИЮ

С великой печалью и гражданской озабоченностью я следил по телевизору за процессом, в ходе которого был осужден бывший член городской управы Вальтер Арманини^[158]. Как человек, наделенный нравственным чувством и уважающий конституционные гарантии, я был на его стороне. Не потому, что считаю его невиновным (у меня нет оснований оспаривать приговор), но потому, что передо мной каждый раз возникало лицо человека, выставленного на поругание; кривит ли он рот, стискивает ли зубы — миллионы зрителей следят за ним со злорадным ликованием. Такое поругание хуже пожизненной

¹⁵⁷ Начало знаменитой патриотической канцоны СХХVIII Ф. Петрарки, пер. Е. Солоновича.

¹⁵⁸ *Вальтер Арманини* — советник Миланской городской управы, первый итальянский политик, осужденный в ходе скандала, известного под названием «Взяткополь»; за крупную взятку, полученную за предоставление строительного подряда, был присужден к 5 годам и 7 месяцам тюремного заключения; после приговора бежал из Италии.

тюрьмы. Это правда, что в прошлые времена преступников казнили на площади, но ведь не зря мы считаем себя более цивилизованными, чем наши предки. Кроме того, публично казнили преступника, а судят открытым судом обвиняемого, которого еще не признали виновным.

Трагедия процесса, который передается по телевидению, состоит в том, что он может разрушить жизнь даже невиновному. Все мы знаем, что подсудимому задают весьма щекотливые вопросы о его личной жизни. За несколько дней до процесса по телевизору передавали фильм с Барбарой Стрейзанд (основанный на реальных событиях), в котором обвиняемая (потом оправданная) вынуждена была признать, что она — проститутка. Мужчина, обвиняемый в изнасиловании, может привести в свое оправдание тот факт, что он — скопец. И вы бы хотели, чтобы этот ни в чем не повинный человек, и без того обделенный, стал посмешищем для всей страны?

Это — публичный процесс? Да, но следует определить само понятие публичности. Экзамены в университете тоже публичные, в том смысле, что каждый может присутствовать на них, дабы убедиться, нет ли каких-нибудь нарушений. Лично мне, чтобы заставить неуча удалиться с миром, частенько приходится его унижать, втолковывать, что он ничего не понял; что, может быть, у него вообще нет способностей к теоретическим предметам; давать элементарные советы о том, как нужно читать, подчеркивать, повторять трудный материал. Мне неприятно, что это унижение происходит на глазах у десятка его соучеников, но я знаю, что ребята симпатизируют товарищу, а может быть, и усваивают что-то полезное для себя.

Но если бы эту сцену показывали миллионам телезрителей, у бедняги просто не хватило бы духу вернуться домой. Судебные разбирательства являются публичными, потому что каждый гражданин может пойти и посмотреть, все ли там происходит по правилам, но имело бы смысл, согласный с конституцией, если бы такая публичность касалась только общественных деятелей, например депутатов, которые сами, по своему выбору согласились бы стать объектом всеобщего пристального внимания. Но обвиняемый не выбирает.

Понимаю, мне могут возразить, что процесс передают по телевизору после его окончания, когда вина подсудимого уже установлена. Меня это не убеждает. Дóлжно также защищать и достоинство осужденного, его и так ждет расплата. Есть разница между процессом в зале суда, где присутствует сотня человек, и процессом, передаваемым по телевидению, который смотрят многие миллионы? Конечно, есть. Если кто-то клеветает на меня в моем доме, в присутствии трех свидетелей, я вышвыриваю его за дверь. Если он делает это на площади перед лицом двухсот человек, я подаю на него в суд и требую компенсации за моральный ущерб. Унижение, пережитое в зале суда, в присутствии ста человек, так или иначе заинтересованных в этом деле, так сказать, испаряется, когда дело закрыто; если же речь идет о миллионах телезрителей, то, чем бы ни закончилось дело, оно оставит неизгладимый отпечаток, и преступник, даже отбыв наказание, не сможет стереть с себя это клеймо. Не говоря уже о том, что, как мы видели, телепередача смонтирована, перед публикой предстает не весь процесс, а отдельные места, избранные по какому угодно критерию, —

это отметил и Луиджи Манкони^[159] в «Стампе». То есть мы видим не Правосудие в действии, а Телевидение, интерпретирующее Правосудие.

Я пока не очень ясно вижу, как средства массовой информации могут повлиять на наше представление о том, какова мера свободы, частной жизни, общественной жизни. Установить это — неотложная конституционная задача еще и потому, что я считаю: прокурор, судьи, адвокаты и обвиняемые — все они перед телекамерами невольно вынуждены вести себя не так, как они вели бы себя в обычном зале заседаний. И тогда, раз уж судебный процесс должен соответствовать эре телевидения, пусть он будет телевизионным до конца: судья в Милане, прокурор в Палермо, обвиняемый во Флоренции — все общаются только через эфир, зная, что действуют в другом измерении.

Если бы меня, хоть бы и в качестве свидетеля, вызвали на заседание, транслируемое по телевидению, я объявил бы себя узником совести и отказался бы отвечать, какими бы карами мне ни грозили, — тем самым я разоблачил бы перед всем миром, как мне велит мой долг, это покушение на конституцию.

1993

Если обвиняемый согласен, кто даст гарантию свидетелю?

Я пишу эту «картонку», находясь вне Италии и не будучи в курсе того, как развивается полемика по поводу

¹⁵⁹ Луиджи Манкони (р. 1948) — итальянский социолог, журналист, политический деятель.

трансляции судебных процессов по телевидению. Я только успел прочесть, как у кого-то спросили, почему, дескать, ты поднимаешь шум только сейчас, когда судят политиков, ведь процессы уже давно снимают для телевидения. Вопрос, конечно, интересный, однако я начал высказывать свое мнение с самых первых передач, когда судили мелких воришек, мошенников, которые подделывали чеки, и кассиров, которые их принимали. Я это делал даже с некоторым огорчением, ибо те процессы представляли собой трогательную «человеческую комедию», а Ди Пьетро^[160] в действии — зрелище, несомненно, захватывающее и познавательное. Но все согласятся со мной, что, как бы это ни было познавательно, не следует, преподавая анатомию, прибегать к вивисекции.

Кажется, самое расхожее возражение — то, что обвиняемый не против. Но если обвиняемый по невежеству, из тщеславия, желая наказать себя, действует себе во вред, закон ему в этом препятствует: если он отказывается от адвоката, ему такового назначают. И потом, даже если обвиняемый согласен, кто даст гарантии свидетелю? На суде бывает так, что с подвохом заданный вопрос заставляет свидетеля признать факты, пятнающие его доброе имя.

Представьте себе, наконец, что некий господин обвиняется в каком-то не слишком серьезном преступлении и настолько уверен в том, что в состоянии доказать свою невиновность, что спокойно соглашается на показ прений по телевизору; но прокурор или адвокат противоположной стороны настроены серьезно, они собираются (из самых лучших побуждений) сломать его защиту, а для это-

¹⁶⁰ *Антонио ди Пьетро* (р. 1950) — миланский судья, ключевая фигура процессов по «Взяткополю».

го выкапывают чрезвычайно постыдный эпизод, случившийся двадцать лет тому назад. Человека могли бы оправдать, или он получил бы три месяца условно — а теперь он терпит совершенно незаслуженное унижение.

Но речь идет не только о правах обвиняемого. Съемка процесса расширяет нежелательным образом понятие публичности какого-то события, ибо массовая коммуникация отличается от коммуникации, осуществляемой лицом к лицу. В средствах массовой информации не существует обратной связи, а значит, получатели сообщения не могут отреагировать так, чтобы говорящий мог увидеть их реакцию. Судебный процесс — непосредственное общение лицом к лицу; публика в зале неразрывно с ним связана, не зря председатель следит за тем, чтобы зрители не повлияли, аплодируя или протестуя, на состояние духа основных актеров этой драмы. Но на кого угодно повлияет тот факт, что за ним наблюдают пять миллионов зрителей. Степень публичности общения лицом к лицу должна соответствовать качеству этого общения.

Значит ли это, что процесс не следует освещать и в периодической печати? Нет: когда я читаю в газете отчет о судебном разбирательстве, я совершенно точно знаю, что передо мной чужое свидетельство, и отношусь к нему со всеми психологическими предосторожностями. А телеэкран создает иллюзию непосредственного присутствия. Но на самом деле это не так, я не вижу целиком все, что совершается. Например, обвиняемый говорит что-то, и я вижу скептическое выражение на лице представителя обвинения, но не вижу, как реагирует защитник или председатель суда. Мне не дано знать, как разворачивается «факт», я лишь слежу за «рассказом о факте», для кото-

рого кто-то избрал из потока событий те, что ему показались наиболее значимыми и драматичными.

Кроме того, находясь в зале, я не разговариваю в полный голос, не читаю газету, а слежу за тем, что происходит, проникнувшись, как оно и следует, торжественностью момента. Перед телевизором я постоянно отвлекаюсь, переключаюсь на другую программу в тот момент, когда, может быть, звучит самое важное свидетельство; потом снова включаю этот канал на десять минут, пока листаю программу вечерних передач. Моя позиция по отношению к тем, кто находится в зале суда, *безответственна*, то есть я пользуюсь не правом ответственного контроля, которое мне должна была бы гарантировать публичность события, а *правом беглого взгляда*. Моя манера следить за процессом опасным образом сближается с манерой смотреть фильм, я отстраненно воспринимаю «плохих» героев и с чувством превосходства взираю на героев смешных. Моя совесть спокойна, мне ничто не грозит. Я могу даже обругать председателя, если он мне противен, тогда как в зале суда меня бы за это наказали. Вы уверены, что все это никак не вредит величию правосудия?

Церковь в мудрости своей объявила, что для верующих недостаточно смотреть праздничные службы по телевизору.

1993

Сталинская закваска?

После моих выступлений против показа судебных процессов по телевидению я получил множество писем, но ни до единой души так и не дошло, что я воспользовался самым последним процессом (процессом Армани-

ни), чтобы поставить проблему как таковую, — а она, о чем я твержу уже несколько лет, касается любого подсудимого, обвиняют ли его в краже яблока или в массовом убийстве. Но любой читающий склонен возводить приведенный пример в абсолют. Если бы я написал (внимание, это всего лишь пример!), что «красть нельзя даже варенье у мамы», меня завалили бы письмами, где с помощью тонкой казуистики оправдывалось бы хищение варенья, а какой-нибудь доктор Кьеза поблагодарил бы меня за то, что я не вовлек его в полемику, ибо он за всю свою жизнь ни разу ни у кого не попросил ни блюдечка варенья.

Вторая характерная черта этих писем — негодование, выходящее за всякие разумные пределы. «Мыслимое ли дело, чтобы вас не возмущали до глубины души бесчинства Арманини»? Но меня возмущают до глубины души и бесчинства Риины^[161], и все же я считаю, что не следует показывать по телевидению даже процесс над Рииной (который, об этом уже все говорят, не на пустом месте творил свои бесчинства). Я говорю, что не следует судить по телевизору даже Рину Форт^[162], даже монстра с виа Салария или «мыловарницу» Леонарду Чанчулли. Неужели так трудно, оставив эмоции в стороне, трезво обдумать проблемы правосудия? Вообще-то, конечно, трудно, иначе столько людей не поддерживали бы смертную казнь. Следует ли того, кто убил ребенка, разорвать на клочки на площади при стечении народа? Мы невольно поддаемся такому порыву перед лицом самых зверских

¹⁶¹ *Сальваторе Риина* (Тото, р. 1930) — один из видных членов сицилийской мафии, на счету у которого множество убийств.

¹⁶² *Рина (Катарина) Форт* (1915–1988) в 1944 г. убила жену и троих детей своего любовника, была осуждена на смертную казнь, но помилована.

преступлений, но если мы цивилизованные люди, то должны обуздать наш гнев и сказать «нет». Не следует, если мы не хотим стать с ним на одну доску.

Один крайне уравновешенный читатель пишет, что согласен со мной, но что нужно было бы сделать исключение для того, кто встал на путь общественной деятельности, стал избранником народа, а значит, перед народом и должен держать ответ. Но и до него не доходит тот факт, что я вовсе этого не отрицаю: да, общественные деятели должны держать ответ за свои злодеяния, и никто не запретит показать это на всю страну в теленовостях. Я утверждаю, что процесс на телевидении утрачивает некоторые черты, присущие судебному разбирательству. Все, точка. В данный момент все граждане Италии узнают о злодеяниях многих политиков, даже обладающих огромной властью, и оценивают их дела по достоинству, пусть даже эти люди еще и не предстали перед судом. В этот наш трагический момент можно говорить обо всем, пока еще существует гласность.

Если человек нарушил закон, он должен быть примерно наказан. Но наказан согласно закону, а не отдан на растерзание разъяренной толпе. И, простите за прямоту, ярость моих корреспондентов мне кажется неразумной. Можно, конечно, возразить, что показать процесс по телевидению и отдать подсудимого на растерзание разъяренной толпе — вовсе не одно и то же; не исключено, что я и неправ. Но во многих полученных мною письмах (не во всех) подспудно звучало следующее: «Дайте нам до них добраться, пусть даже в эфире, уж мы-то с ними расправимся по-свойски». Так вот, подобные чувства вполне объяснимы по-человечески, но идут вразрез с законом.

Как пример совершенного остервенения процитирую письмо некоего господина, который пишет на бланке мэра Сали Верчеллезе^[163] (надеюсь, ради блага жителей этого городка, что речь идет о розыгрыше какого-нибудь хохмача, но лучше бы мэр закрывал дверь своего кабинета на ключ, когда уходит). Оный господин пишет мне: «Старая закваска сталинизма-ленинизма, бродившая в Вас, вылезла наружу. Вам по душе все тайное. Процессы на Лубянке и в КГБ, выстрел в затылок — все скрытно, при полном молчании. О вашем „Имени розы“ много говорили по телевидению. О, буржуи с короткой памятью». Меня обвиняли в чем угодно, но только не в старой сталинской закваске. Терпение: этот господин путает уважение к форме судебного заседания с секретностью и защитой прав подсудимого с выстрелом в затылок. Хорошо, что мы не в Америке, иначе в один прекрасный день он стал бы баллотироваться в судьи.

Ход мысли псевдомэра следующий: тебе было приятно, когда передавали что-то в твою честь, так терпи теперь, когда передают что-то во вред другим, грязный буржуй сталинской закваски (изумительное сочетание двух крайностей). Дорогой друг (??), предположим, вы потребуете, имея на это полное право, чтобы телевизионщики взяли у вас интервью, посвященное проблемам Сали Верчеллезе, — но понравится ли вам, если его у вас будут брать в прямом эфире (во благо местного здравоохранения) в тот день, когда вам будут оперировать геморрой?

1993

¹⁶³ Крошечный городок в Пьемонте с населением в 130 человек.

Газеты все чаще ведут себя как дети

Всякий, кто пишет книги и сотрудничает с газетами, часто получает просьбы об интервью. Если хорошенько задуматься, это довольно странно: зачем предлагать еще раз выразить свои мысли тому, у кого и так есть для этого все средства. Об интервью следовало бы просить людей, которые по роду своей деятельности не имеют возможности открыто выразить свое мнение в средствах массовой информации: медиков, политиков, актрис, прыгунов с шестом, факиров, судей и обвиняемых. Задумайтесь на минутку: вам кажется нормальным, что в «Эспрессо» появляются интервью редактора «Панорамы» или «Эуропео» — и наоборот? Я понимаю — интервью с Индро Монтанелли, потому что это журналист, который оставил журналистику, чтобы заняться историей, но что будет, если каждое утро известные журналисты начнут интервьюировать друг друга? И то же самое — если писатель N возьмет интервью у писателя М.

Конечно, существуют знаменитые интервью, которые открывали нам новые грани известного человека, но всякий раз это был результат долгого диалога между двумя личностями, которых, так сказать, рок свел друг с другом (или друг против друга). Такие вещи не делаются за день. Но в наших ежедневных и еженедельных изданиях полным-полно интервью, и писатели жалуются, что их больше никто не рецензирует: газеты предпочитают, чтобы они рецензировали себя сами, посредством интервью.

Конечно, имеет смысл взять интервью у публичной персоны, чтобы она сказала то, что не говорила еще никому; но нет никакого смысла спрашивать у автора, что

он написал в только что опубликованной книге. Прежде всего потому, что читатели еще с ней не ознакомились и, следовательно, читают диалог о предмете, о котором им ничего не известно; во-вторых, потому, что автор, чтобы сочинить свою книгу, долго над ней работал и предполагает, что выразил себя на ее страницах наилучшим образом, в интервью же он говорит спонтанно, не имея возможности продумать ответ, и поэтому часто получается, что наилучшим образом. Ничего не поделаешь: газета уверяет, что без интервью ни поместить фотографию, ни напечатать рецензию (порой, правда, газета оказывается так счастлива, заполучив интервью, что забывает о рецензии).

Чтобы лучше объяснить читателям, как это происходит, вообразим, что в редакции еженедельника становится известно, что Алессандро Мандзони только что опубликовал «Обрученных». Редактор отдела культуры бежит к главному редактору, чтобы сказать: газета-конкурент заказала статью о Леопарди, хорошо было бы заказать профессору де Санктису разбор нового романа. Главред приходит в ярость: «Какой еще де Санктис и де Грешникс! Он настроит десять страниц, которые никто читать не будет! Интервью, интервью у этого Мандзони надо брать! Нужна прямая речь! И прежде всего, сделай так, чтобы он сказал то, чего от него ждут — зачем пишет, что думает о смерти романа, в таком духе. Что-нибудь ударное, — на страничку, не больше!»

Ударное интервью получается такое:

Синьор Мандзони, можете мне сказать в десяти словах, о чем ваш роман?

Влюбленные хотят пожениться, сначала кажется, что ничего не выйдет, потом — что выйдет...

Получилось двенадцать, ну ничего, немного подредактирую. Значит, это история любви?

Не только. Еще там есть Провидение, Зло и чума...

Почему чума? А не инфаркт, например?

На инфаркт одной страницы хватит.

Скажите, почему вы пишете?

А что мне еще делать? Мешки таскать?

Копнем глубже. Почему ваша история разворачивается на берегу озера Комо, а не озера Титикака?

Знаете, мы, художники, следуем зову сердца, а у сердца бывают соображения, которые недоступны воображению.

Прекрасно, позвольте я запишу. Итак: сердцу не прикажешь...

Нет. У сердца бывают соображения, которые недоступны воображению.

Ага, пометил. А теперь скажите: когда вы обдумываете то, что пишете?

Ну, как вам сказать... я всегда об этом думаю. Ведь «думать» — это значит жить, когда я думаю, я чувствую себя живым...

Отлично! А вы можете сказать мне это еще раз, покороче?

Думаю, следовательно, существую.

Очень оригинально! Вы сочиняли церковные гимны, о Рождестве например. Почему сейчас вы написали роман о двух обрученных, а не о Пятидесятнице?

Потому что гимн на Пятидесятницу я уже написал.

Действительно. А сейчас вы пишете свой новый роман?

Я только что этот закончил, дайте вздохнуть!

Ага, немного таинственности! Последний вопрос: чего вы ждете от этой книги?

Ну... чтобы ее читали, чтобы она нравилась...

Главред читает интервью: «Это бомба, точно говорю! Сделаем заголовок на четыре колонки и вынесем самые острые слова, особенно эту вот последнюю фразу: «Признание Мандзони: забудь про Пятидесятницу, я припас тебе бестселлер!»»

Такова теперь тенденция. И не только в Италии. Так что у людей, которые занимаются тем же ремеслом, что и я, письменный стол зачастую ломится от факсов, умоляющих об интервью. Хорошо еще, что есть автоответчики, принимающие на себя предательские звонки — кто-то желает знать «по горячим следам» твое мнение о каком-либо событии, только что произошедшем где-то в мире. Конечно, у всякого ответственного человека есть и должно быть хоть какое-нибудь мнение обо всем происходящем, но иметь мнение о чем-либо — не обязательно значит иметь оригинальное мнение. Я, например, твердо убежден, что убивать детей нехорошо, но считаю бестактным, когда кто-то звонит мне, чтобы узнать, что я думаю о библейском избиении младенцев. Я также считаю, что нехорошо убивать взрослых; но если я позволю себе это уточнение, мне припишут мнение, что о детях, в сущности, не надо слишком беспокоиться.

Вернемся к факсу. Известно, что на столе у всякого пишущего человека каждую неделю оказывается пример-

но одинаковое количество запросов на интервью. Так вот, после того, как он даст интервью, количество запросов удесятерится. Вот простой пример. Две недели назад один мой друг-писатель опубликовал в еженедельнике пространное интервью на тему предстоящих выборов. Как обычно бывает в таких случаях, он сказал что-то, до чего додумался сам, и что-то еще, общеизвестное. И что же произошло после этого? То, что множество газет (включая одну голландскую) просят его об интервью на ту же тему.

Всякое издание должно стремиться подать новость раньше остальных; но ее надо публиковать даже и в том случае, если ее печатают другие газеты. В том же, что касается «мнений», — предметом их устремлений должно стать нечто ни на что не похожее. Доведись мне преподавать журналистику, я бы объяснял моим питомцам-неофитам, что если N опубликовал интересную статью в «Н-ской газете», «М-ский ежедневник» отнюдь не должен перепечатывать эту статью. Самое большее, что он может сделать, — заказать М совершенно противоположную статью. Так нет же. Похоже, что в наши дни императивом журналистики стало перепечатывать любой ценой, где бы что ни появилось. Это как если бы «Эйнауди», мучаясь от зависти, что «Бомпиани» выпустило последний роман Нанни Балестрини^[164], переплатило бы втридорога, чтобы тут же опубликовать тот же роман под другой обложкой.

Я знаю, что это похоже на фантастический сюжет, но такова жизнь. Вот почему совершенно необходимо интервьюировать того, кто только что дал интервью, — и

¹⁶⁴ Нанни Балестрини (р. 1935) — итальянский писатель и поэт, друг Умберто Эко.

главным образом потому, что он уже дал интервью много кому еще. И обязательно ровно на ту же тему. Если интервьюируемый позволит себе высказаться о чем-то еще, это вырежут.

В прежние времена, когда две дамы из общества оказывались на одном приеме в одинаковых модельных платьях одного и того же цвета, они закатывали истерику. И даже юмористы и комедиографы обыгрывали это как общее место. У детей же все наоборот: если у одноклассника появилась майка с динозавриком, подавай им точно такую же — именно для того, чтобы не выделяться. Газеты все больше становятся похожи на детей. Пустим же детишек приходить к нам и не будем препятствовать ^[165].

1994

На телевидении доказывают не отсутствие вины подсудимого, а незаконность обвинения

Много писали о процессе над О. Дж. Симпсоном ^[166]. В Америке придумали десятки «О. Джей-баек», которыми обмениваются в Интернете. Вот, например, судья говорит Симисону: «Мистер Симпсон, суд оправдал вас, вы сво-

¹⁶⁵ «Увидев то, Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк, 10:14).

¹⁶⁶ *О. Дж. Симпсон* — звезда американского футбола, потом актер. В 1994 г. были убиты ножом его бывшая жена и ее друг; Симпсон был обвинен в этом убийстве, но оправдан после длительного судебного разбирательства, в ходе которого полицейских и свидетелей пытались уличить в расистских предрассудках, предвзятом отношении, фальсификации улик и т. п. Процесс Симпсона тоже транслировали по телевидению.

бодны, идите получите ваши личные вещи». На что Симпсон отвечает: «А нож мне тоже вернут?» Вот, для тех, кто привык к электронной почте, адрес Симисона; сначала его нужно записать: O.J.@\\|/Esc, — а потом прочитать: „slash, slash, slash, backslash, escape“^[167]. Черный юмор, признак недовольства.

Американцы в большинстве своем недовольны потому, что считают Симпсона виновным, а оправдательный приговор приписывают политическому оппортунизму и расовой солидарности. Но недовольство должно было бы присутствовать и в том случае, если, как я того желаю ради блага Симпсона и ради блага правосудия, обвиняемый и в самом деле невиновен. Ибо Симпсона оправдали не потому, что он невиновен, и даже не потому, что защите удалось блистательно доказать, что улики, собранные обвинением, ничего не стоят (во всяком случае, не только поэтому). Симпсона оправдали потому, что защите удалось признать обвинение незаконным: доказать, что полицейские — расисты, вруны и взяточники, а генеральный прокурор необъективен.

Теперь заметьте: процесс, в ходе которого доказано, что обвинение необъективно или противоречит закону, сам по себе был бы прекрасным проявлением демократии, и хорошо бы было, если бы кто-нибудь использовал такую тактику во время стольких процессов, сфабрикованных диктатурами разных мастей. Но эту тактику нужно использовать лишь в исключительных случаях. Если в каком-то обществе не только обвинение заранее признается незаконным, но и систематически выражается

¹⁶⁷ «Режь, режь, режь, снова режь, спасайся» (англ.).

недоверие всей судебной коллегии, в этом обществе явно что-то не так.

Но именно это мы и наблюдаем в последнее время не только в Америке, но, представьте себе, и в Италии тоже. Первое действие подследственного — не доказать, что он невиновен или что улики обвинения несостоятельны, а продемонстрировать общественному мнению, что сами обвинители не находятся вне подозрения, как должна находиться жена Цезаря. Если подследственному это удастся, дальнейший ход процесса уже ничего не значит. Ибо во время процессов, которые транслируются по телевидению, все решает общественное мнение, а оно, лишив доверия обвинителя, тяготеет над каждым присяжным, который понимает, что всякое самостоятельно принятое решение будет непопулярным. Таким образом, процесс, транслируемый по телевидению, уже не представляет собой прения двух сторон, имеющих доказательства вины или невиновности; он представляет собой, еще до своего начала, массмедийный поединок между будущими подследственными и будущими обвинителями (возможно, судьями), право которых судить его оспаривает подозреваемый. А приговор выносит общественное мнение (полное предрассудков), а не присяжные (этим предрассудкам следующие).

Когда в 1993 году начались телевизионные суды над взяточниками (хотя «судебные хроники» стали показывать по телевизору еще раньше), я выступил с протестом против процесса Вальтера Арманини. Цвет демократической интеллигенции принялся поливать меня грязью, будто бы я взялся покрывать продажную плутократию. Меня превратили в сообщника Кракси^[168]. А результаты

¹⁶⁸ Бенедетто (Беттино) Кракси (1934–2000) — видный итальянский политик,

налицо. Процесс Кузани^[169] увенчался успехом, потому что обвинение (Ди Пьетро), гениально проникнув в природу средств массовой информации, завоевало симпатии зрителей (но, следует добавить, также и потому, что адвокат Спаццали не пытался ни перед процессом, ни во время него поставить под сомнение его законность). Но потом этот урок усвоили все. Спаццали проиграл процесс, потому что играл по правилам, принятым среди порядочных людей дотелевизионной эры, все еще копаясь в уликах и допрашивая свидетелей. Наивно, если не сказать хуже. Нужно было менять тактику. Выиграть процесс, транслируемый по телевидению, очень просто: достаточно доказать, что представитель обвинения (а возможно, и судья) — сами преступники.

Нынче этот урок усвоили все. Если у тебя получится доказать, что твой обвинитель — прелюбодей, что за ним числятся грешки, легкомысленные поступки или даже преступления, ты выиграл. Все решается заранее, через средства массовой информации. Есть опасность, что ритуал правосудия сведется именно к ритуалу, подтверждающему приговор, вынесенный во время всенародной медийной кампании.

Вы этого хотели, вы добивались присутствия телевидения в зале суда. Теперь не ропщите, видя, как униженное правосудие вынуждено подтверждать приговор, вы-

председатель Совета министров с 1983 по 1987 г., тоже обвиненный в коррупции и потерявший доверие избирателей (когда в 1993 г. он в очередной раз выставил свою кандидатуру в парламент, толпа демонстрантов подстерегла его у дверей отеля в Риме и забросала мелкими монетками).

¹⁶⁹ *Серджо Кузани* (р. 1949) — итальянский промышленник, обвиненный в даче особо крупной взятки в процессе продажи предприятия, был осужден на 5 лет и 6 месяцев, отсидел 4 года.

несенный общественным мнением. И помните: в следующий раз, когда вас поймают с поличным, в тот момент, когда вы пытаетесь подкупить полицейского, который видел, как вы топором проломили череп вашей бабушке, не пытайтесь замыть кровь или доказать, что в эту самую минуту вы вели душеспасительную беседу с кардиналом. Достаточно продемонстрировать, что тот, кто поймал вас с поличным (и вынул из ваших рук топор) десять лет назад не включил в налоговую декларацию подарок, полученный от любовницы (любовника). И вы останетесь уважаемым членом общества.

1995

Опрос по поводу опросов?

В новогоднюю ночь, чтобы скоротать время, люди предаются разным невинным забавам: снобы играют в лото, профаны исполняют «Гольдберг-вариации»^[170] на окарине и барабане. В прошлом году 31 декабря мои друзья затеяли кукольный спектакль, в котором могли участвовать и зрители тоже. И когда кукла Гамлет провозгласила «быть или не быть», зрители громкими криками потребовали опроса общественного мнения. Должным образом подтасованный, опрос показал, что два с чем-то процента высказались за «быть», три, запятая, что-то еще — за «не быть», а девяносто четыре процента затруднились ответить. Тогда зрители потребовали дебатов, и нашлись добровольцы, сыгравшие роли отца Теобальда Глюнца из школы богословия в Тюбингене (которого в особенности захватило это «разжижение бы-

¹⁷⁰ Вариации И. С. Баха для клавесина, опубликованные в 1741 г., названы в честь Иоганна Готлиба Гольдберга, их первого исполнителя.

тия», типичное для эпох ослабления мысли); доктора Пило Бьянкопonte из Либ-Лаб Мpp, который произносил одни только формулы, способные повергнуть Джорджо Бокку в самую мрачную экзистенциальную тоску; и предполагаемого эксперта из Японии, который на поверку оказался актером театра Но и был способен издавать лишь мелодичные трели.

Я к тому, что опросы общественного мнения уже никто не принимает всерьез. Кто в этом виноват?

Опрос можно провести хорошо или плохо, и один из способов сделать это хорошо — умудриться так задать вопрос, чтобы он не содержал в самом себе ответа. Если вы спросите у среднестатистического гражданина, предпочитает ли он сейчас же пойти на выборы или умереть от СПИДа в страшных мучениях, вы, естественно, получите единодушную поддержку программы уходящего в отставку правительства. Но можно не только задавать особым образом сформулированные вопросы тщательным образом отобранному гражданину. Мы были просто потрясены, когда в начале теледебатов все поголовно высказывались за то, чтобы упечь бывшего министра здравоохранения Франческо Де Лоренцо в тюрьму, а к концу многие передумали и были согласны отпустить его домой с миром. Вообще-то это нормальное явление: во время дружеского спора ты можешь в начале вечера защищать одно мнение, через два часа склониться к совершенно противоположному, а утром одуматься и вернуться к своей позиции. В девять вечера в среду у нас могут спросить, симпатичен ли нам такой-то политик, которого только что показали в новостях, и мы можем вместе с прочими телезрителями высказаться в его пользу, но это не значит, что, оказавшись перед урной с бюллетенем в руках, мы проголосуем за него. Таким образом, опрос,

выясняющий сиюминутные впечатления опрашиваемых, мало о чем говорит.

Беззастенчиво применяемый направо и налево, опрос превращается в обычный пропагандистский прием, имеющий к науке не большее отношение, нежели уверения в том, что девять звезд из десяти предпочитают данный сорт мыла. И в беззастенчивом использовании этого приема печать не раз обвиняла Берлускони и его соратников. Но недавно мне попал в руки отчет CENSIS^[171] об исследованиях итальянского общественного мнения за 1994 год, и я обнаружил немало удивительного.

Меня нимало не поразило, что за последние два года общее число опрошенных, как по политическим, так и по прочим темам, возросло с 2,54 миллиарда до 5,6. Но я не предполагал, что 73 % этих тестов заказывалось не политическими группировками, а органами печати, и 69,4 % результатов этих опросов попадает на первую полосу, вытесняя последние новости и комментарий к ним. Журналисты, конечно, могли бы ответить, что заказывают свои опросы именно затем, чтобы получить научную альтернативу всяким кустарно проводящимся опросам. Но вот очередной сюрприз. Оказывается, что 84,8 % всех опросов (и среди них огромный процент тех, что заказали газеты) проводятся без какой-либо определенной методики (численность опрашиваемых, техника обработки и т. д.).

Даже непосвященным ясно, что опрос, не раскрывающий своих методологических критериев, ничего не стоит или стоит столько же, сколько выдуманный опрос или рекламное заявление о том, что данный стиральный по-

¹⁷¹ Центр исследований общественного мнения (Centro Studi Investimenti Sociali).

рошок отбеливает лучше. Хотите — верьте на слово, хотите — нет.

Таким образом, с одной стороны, отдается предпочтение методу прямой демократии, то есть плебисциту «в реальном времени», которым склонны заменять более традиционные системы достижения и проверки консенсуса; с другой стороны, эта новая система не гарантирует объективности; напротив, без всякого стеснения обходит молчанием данную проблему. Наконец, как уже было сказано, опросы такого типа отражают преходящие, довольно неустойчивые эмоциональные состояния, в то время как от научного тестирования мы обычно ждем анализа уже устоявшихся мнений. Таких, какие, мы надеемся, гражданин выражает в кабинке избирательного участка, произведя хотя бы суммарный анализ всех чувств, испытанных за время избирательной кампании, взвесив все «за» и «против».

1995

Седалище сенатора

Мне, как и всем гражданам Италии, теперь хорошо известна форма седалища сенатора Казини^[172]. Должен сказать, что это знание ничем не обогатило меня. Сенатор Казини сложен нормально, у него нет никаких внешних дефектов, и можно было представить себе, что и седалище у него обычное. Я задерживаюсь на этой теме не только потому, что она до сих пор муссируется в прессе, но еще и потому, что пару вечеров назад ее затронули в одном телевизионном расследовании, в ходе

¹⁷² *Пьер Фердинандо Казини* (р. 1955) — итальянский политик, председатель Палаты депутатов в 2001–2006 гг.

которого взяли интервью, словно у какого-нибудь героя, у фотографа, коему удалось (слушайте, слушайте!) после долгой, увлекательной охоты заснять профессора Проди^[173], когда он купался. В лохани у себя дома, голым, с пистолетиком на виду? Нет, в море: одна голова виднеется из волн, да угадываются ниже семейные трусы.

Что беспокоит меня в этих историях, включая и пляжную? Сенатор Казини не делал ничего дурного, он переодевался в кабинке, как это делают все на пляже. О Проди и говорить нечего. Может быть, фотограф поступает дурно, подсматривая в замочные скважины? Но войдите в положение бедолаги: его ли вина, что он не Роберт Капа, Картье-Брессон, Аведон, Тоскани^[174], кто там еще? Он убеждается, что, если он нащелкает сисек и задниц там, где они не выставлены напоказ, ему хорошо заплатят, а то и на телевидение пригласят... Жизнь такого охотника тяжела, да и в обществе его не уважают.

Может быть, виноват тот, кто покупает, а значит, поощряет журналы, где появляются не предназначенные для показа сиськи и задницы? Я бы и тут не стал чересчур морализировать. Здесь даже не вуайеризм (это настоящий спорт: после долгих часов, проведенных в засаде, он или она испытывают законную гордость — того, что предстало их взорам, больше не видел никто) и тем более не порнография, которая хороша, когда возбуждает чувства, — и если можно хоть отдаленно предположить, что кто-то впадет в экстаз при виде седалища сенатора Казини, я попросту не вижу, у кого могло бы раз-

¹⁷³ *Романо Проди* (р. 1939) — видный итальянский политик, премьер-министр (1996–1998, 2006–2008), президент Европейской комиссии (1999–2004).

¹⁷⁴ Перечислены имена знаменитых фотографов.

гуляться воображение при виде Проди, погруженного по шею в Средиземное море.

Покупая еженедельники с нескромными фотографиями, мы получаем вполне нормальное удовольствие от развенчания персоны, облеченной властью: кто не ликует, видя, как президент республики (помните Гроски^[175]?) падает с кресла в ложе оперного театра. Все исследования комического твердят об этом: если старушка поскользнется на тротуаре, мы ее пожалеем, но если генерал, поднимаясь к алтарю Родины во время церемонии 2 июня^[176], споткнется и полетит вверх тормашками, даже святой надорвет себе от смеха живот.

Проблема, наверное, в том, что нормальных людей такие вещи развлекают лишь время от времени, когда попадают им на глаза, но человеку, который каждую педелю бросается на поиски выставленных на всеобщее обозрение ягодиц, невредно было бы проконсультироваться у психолога. В «Эспрессо» от 28 июля Карло Рипа ди Меана^[177] (именно по поводу седалища Казини) заявил, что изображать политиков голыми вполне приемлемо, ибо «у лидера есть человеческие черты, о которых должен знать избиратель». Но что это за «человеческие черты»? Если мы обнаружим, что политик совокупляется *more ferino*^[178] с исполнительницей танца живота, тут перед нами и впрямь, как говорится, предстанет во всей на-

¹⁷⁵ *Джованни Гроски* (1887–1978) — четвертый президент Итальянской республики (1955–1962).

¹⁷⁶ Итальянский национальный праздник, День Республики.

¹⁷⁷ *Карло Рипа ди Меана* (р. 1929) — итальянский политик, глава партии Зеленых.

¹⁷⁸ Звериным образом (*лат.*).

годе весьма специфическая человеческая черта. Но если сфотографировать политика в его собственном сортире, пока он отправляет большую нужду, это нам ничего не скажет, кроме того, что мы и так уже знали: что он — политик принадлежит к человеческому роду. Вот если бы он, единственный среди живущих, испражнялся через уши — это был бы фурор. И я настаиваю на своем мнении: человек, который покупает еженедельник, дабы удостовериться, что, к примеру, Рипа ди Меана справляет нужду как все простые смертные, может быть, и не совсем ненормальный, но явно не в ладах с окружающим миром.

Исходя из всего этого, можно сказать, что лиофилизированные^[179] любители подглядывать тоже имеют право на существование, да и еженедельники подобного толка выходят во всех странах. Проблема в другом. Лично я узрел седалище сенатора Казини вовсе не в «Ева Тремила»^[180]: оно мелькало перед моим взором в самых солидных ежедневных и еженедельных итальянских газетах, включая «Эспрессо» от 28 июля. Именно «серьезная» печать распространила седалище сенатора Казини по всем городам и весям, так что оно уже может соперничать с «Вечерним звоном» Милле^[181] (согласно статистике, репродукции этой картины появляются чаще всех прочих, опережая даже Джоконду и Венеру Милосскую).

¹⁷⁹ *Лиофилизация* — усиление взаимодействия поверхности тела с окружающей средой.

¹⁸⁰ «Желтый» журнал, где публикуются подробности частной жизни знаменитостей.

¹⁸¹ *Жан Франсуа Милле* (1814–1875) — французский живописец и график, автор знаменитой картины «Анжелюс (Вечерний звон)», 1859.

Естественно, беря пример с тех моралистов, которые, если застукать их в борделе, будут говорить, что пришли туда, дабы постичь всю скверну мира, серьезная печать «раскрутила» ягодицы Казини с комментарием, что, дескать, нехорошо было их фотографировать. Но в глубине души редакторы радовались: столько драматических новостей отягощают другие страницы, что нужно как-то и развлечь читателя.

1995

Как дать новость о новости, что новости не подлежат вторичной переработке

Я уже говорил в других «картонках» о привычке, широко распространившейся в итальянской периодической печати, публиковать статьи, в которых объявляется, что в такой-то газете опубликована или будет опубликована такая-то статья. Будто нарочно, «Эспрессо» заранее распространил заявление для печати, где излагалось содержание моей следующей «картонки». Заранее публиковать обзор следующего номера или содержание отдельных статей — обычная практика; читателю журнала А может оказаться полезной небольшая колонка, в которой излагается краткое содержание газеты Б. Но вот накануне выхода «Эспрессо» мне позвонили из другой газеты и попросили высказаться по поводу моей статьи (которая должна была появиться), где я как раз сетовал о том, сколь часто одна газета заимствует статьи, опубликованные в других.

Я, естественно, ответил, что поскольку я критиковал именно эту порочную практику, то и не вижу причины ее

поддерживать, а кроме того, довольно-таки странно, что меня просят высказаться по поводу моей же статьи, ибо: (а) глупо повторять по телефону то, что я уже написал (на самом деле позвонивший мне журналист втайне именно на это и надеялся); (б) вряд ли я позволю собеседнику насладиться сенсацией, заявив, будто нагородил в своей статье гору чепухи; (в) было бы вульгарно, если бы я пустился в неумеренные похвалы самому себе. Тогда журналист спросил меня, как это я, сетуя, что газеты заимствуют друг у друга материалы, сам написал статью о газете. Чтобы закончить беседу, я заявил, что человеку свойственно ошибаться. Однако этот эпизод подвигнул меня на то, чтобы разъяснить некоторые вещи, сами по себе элементарные, но не очевидные для всех. Происходит путаница между критикой, неизбежным подхватыванием громких новостей и «заимствованием». Неизбежный подхват происходит, когда специальный корреспондент газеты А сообщает, что найдено золото Донго^[182]; очевидно, что газета Б не станет молчать об этой новости, разве, может быть, попытается наверстать упущенное и пошлет своего корреспондента прояснить некие подробности, о которых не говорится в первом репортаже. А критика — это когда Чернини в газете А нападает на статью Белини в газете Б.

А что понимать под заимствованием? Приведу пример. Знаменитый писатель Чернини публикует в «Мондатори» потрясающий роман («Проклятый замок»), где описывается целый ряд таинственных злодеяний, а в конце обнаруживается, что убийцей был дворецкий. Зна-

¹⁸² Местечко в провинции Комо, где 27 апреля 1945 г. был схвачен Муссолини и его сподвижники; при этом партизаны захватили много ценностей и денег, которые поступили в кассу Коммунистической партии; выражение «золото Донго» — аналог нашему «золоту партии».

менитый писатель Белини может опубликовать в «Риццоли» книгу под названием «Две стороны нарратива Чернини», в которой пересказывается роман Чернини и говорится, что это — шедевр, или, наоборот, осуждается и стиль, и нарративная структура, и идейное содержание. Это называется литературной критикой. Но если Белини опубликует в «Риццоли» другую книгу под названием «Проклятый замок», начав ее словами «как написано в только что вышедшем романе Чернини», засим переписав роман Чернини слово в слово (ну, может быть, немного подсократив), это уже не будет ни литературной критикой, ни самостоятельным повествованием. Не будет это и плагиатом, поскольку источник сразу же обозначен, но это определенно будет заимствованием.

Можно привести вариации на тему: Монтале публикует стихотворение: «Везде — зло жизни, от него нам не уйти,/бурлит ручей, засыпанный камнями/ и т. д.», а другой поэт публикует следующее стихотворение: «Вчера Монтале, вставши на пороге,/прочел при мне простые эти строки...» — и далее по тексту, все стихотворение Монтале. Это не поэзия и не критика поэзии, а способ поживиться за счет чужого труда.

Когда мы можем утверждать, что газета грешит заимствованием? Предположим, в «Герольд Канталупо» поступает опровержение от советника Фантоцци, гласящее: «Ваш корреспондент приписал мне высказывание: «советник Филини — идиот». Заявляю, что в глаза не видел вашего корреспондента и отродясь не произносил ничего подобного». Корреспондент отвечает внизу страницы (да еще и дерзает подписаться!): «Мы принимаем к сведению опровержение советника Фантоцци, но я должен заметить, что позаимствовал из «Курьера Монтегроссо» его

недвусмысленное заявление о том, что в рассуждениях советника Филини мало смысла».

Бог с ним, с интервью в «Курьере Монтегроссо», подлинное оно там или нет; не будем копать в том, насколько изменилось пресловутое высказывание, перетекая из газеты в газету. Дело в другом: мы ждем от журналиста, чтобы он бесстрашно отправился в путь на поиски самой последней и свежей новости (может быть, даже с опасностью для жизни), а он признается, что сидит за столом и прочесывает газеты недельной давности! И вполне может быть, что «Герольд Канталупо» с глянцевым приложением стоит вдвое дороже, чем «Курьер Монтегроссо». Но тогда я и подпишусь на «Курьер Монтегроссо», а тебя больше не стану покупать.

Разница между критикой способа представления новостей в печати и простым передиранием новости, которая подается как полученная из первых рук, уже никем не ощущается. Мне кажется, это болезнь журналистики. Один компетентный человек сказал мне, что газеты, в которых практикуется такой подход, хорошо продаются (и, уж наверное, имеют меньше затрат). Если это — критерий, которого следует придерживаться, я умолкаю.

1995

Мизансцена нерешимости

Мы частенько задаемся вопросом, почему это все политики новой формации кажутся сборищем дилетантов, от которых не ждешь ничего хорошего; которые сегодня отрекаются от того, что говорили вчера, и меняют мнения и союзников от одного выпуска новостей до другого, так что начинаешь по-новому ценить загадочные

улыбки Андреотти^[183], молчание Моро^[184], тайные советы на трансатлантических теплоходах и перифрастические шедевры отцов республики. Среди политиков новой формации многие явились в парламент, не пройдя, как это было при Первой республике, через тяжелую школу партийной работы или мелкую должность в местной администрации, однако же не трудно увидеть, что Новый Стил, на который мы так сетуем, уже пленил и тех, кто прошел через огонь и воду. А раз нельзя приписать новое поветрие личным несовершенствам, значит, дело в среде.

Любой из нас (сантехник, врач, банкир) добивается успеха в своей профессии за счет доверия окружающих, которые должны полагаться на нашу способность иметь ясные суждения и принимать решения с разумной быстротой, хотя и взвешенно. Но вот мы решили купить новую машину — и просматриваем специальные журналы, и бродим по автосалонам, и отмечаем на улицах новые модели, и подолгу торчим возле дома, оглядывая припаркованные автомобили спереди и сзади. В понедельник нам покорит сердце новая «ланча», во вторник мы начнем склоняться к последней «вольво», вечером в среду уже почти решимся на «фиат», а наутро убедимся, что нет ничего лучше «ситроена». За завтраком, увидев из окна «рено», уже начнем с женой обсуждать цены; а за ужи-

¹⁸³ *Джулио Андреотти* (р. 1919) — итальянский политик, писатель и журналист; член итальянского парламента с момента основания Республики (1946); семь раз занимал должность премьер-министра Италии, восемь раз был министром обороны, пять раз — министром иностранных дел.

¹⁸⁴ *Альдо Моро* (1916–1978) — итальянский политик, глава Христианско-демократической партии, пять раз был председателем Совета министров. Похищен и убит террористами из «красных бригад».

ном, наслушавшись восторженных речей приятеля, выскажемся в пользу «сааба».

Несколько дней, а то и недель мы будем вращаться наподобие флюгера, и близкие люди, наблюдающие за нами день за днем, станут нас беззлобно вышучивать. Но в конце концов решение созревает, и мы выбираем что-то одно. И на основании этого выбора судят о нас посторонние — те, кому неведомы душевные муки, приведшие к данному непоколебимому решению.

Если вы не узнаете себя в примере с машиной, представьте, как вы лежите в постели воскресным утром и раздумываете в полудреме, встать ли поскорее и отправиться за город, рискуя, однако, застрять в пробке на обратном пути; или прогуляться в центр и выпить аперитив в баре — но там может встретиться один приятель с недержанием речи; или, наконец, еще немного поспать, потом остаться в пижаме и навести порядок в кладовке с инструментами или на книжных полках. Но в конечном итоге вы встаете и делаете что-то одно, отбрасывая прочие возможности, которые лениво намечали. В жизни, как в науке: каждое серьезное исследование — длинный процесс, состоящий из «проб и ошибок», но в конце концов вы получаете или не получаете Нобелевскую премию в зависимости от значимости вашего открытия.

Но если какая-нибудь телепатическая телекамера будет снимать час за часом, минута за минутой наши колебания, нашу нерешимость, а потом это покажут в теленовостях всем нашим знакомым, нас станут считать законченными невротиками или, по меньшей мере, людьми эмоционально нестабильными, с ослабленной волей, и никто больше не будет нам доверять. Еще, того гляди, скажут, что мы похожи на Вуди Аллена.

Вот это и происходит сегодня в мире политиков, за которым ежеминутно следят средства массовой информации. Прежде у политиков было время, чтобы посоветоваться, договориться, взвесить все «за» и «против», — и по ходу этих тайных заседаний они не раз меняли точку зрения. Но в итоге о них судили по окончательному решению. А сейчас, под давлением средств массовой информации, они вынуждены выставлять на всеобщее обозрение каждую малейшую фазу процесса trial and error^[185]. Если они этого не делают, то не мелькают на телеэкранах и в газетах, уступая пальму первенства тем, кто мелькает. Поэтому они выбирают наименьшее зло (которое их отуманенному рассудку мало-помалу начинает представляться наибольшим благом) и проговаривают, секунда за секундой, все, что приходит им в голову; вполне справедливо, прошу заметить, и оправдано физиологией, что им приходит в голову именно это; патология состоит в том, что они моментально делают каждую свою мысль общественным достоянием.

Беда не в том, что благодаря Новому Стилю политики не внушают доверия; это было бы еще наименьшим злом. Но видя, что наградой за подобную практику является широкое освещение в средствах массовой информации, они привыкают думать, что выставление напоказ собственной нерешимости и есть тот результат, к которому нужно стремиться, забывая притом, что надо было бы все-таки и принять окончательное решение. А его, это решение, можно откладывать до бесконечности, поскольку поощряется именно нерешимость.

1996

¹⁸⁵ Проб и ошибок (*англ.*).

«Опус Деи» опровергает слухи, будто я — Антихрист

Первую неделю февраля я провел в Париже, представляя мультимедийный CD-Rom в Национальной библиотеке, и там на меня обрушился шквал телефонных звонков от итальянских журналистов, которые допытывались, какая связь между гипертекстуальными энциклопедиями и Антихристом. Некоторые желали знать, как связаны Интернет и Апокалипсис, Апокалипсис и гипертекстуальный диск, который я собираюсь представлять, — и, естественно, Антихрист и Парижская Национальная библиотека.

Причиной сего судорожного любопытства была появившаяся в «Католических исследованиях» статья, в которой меня объявили Антихристом.

Мне поведали, что, поскольку этот журнал обычно ассоциируется с «Опус Деи» (прошу не посылать опровержений, я всего лишь передаю чужие слова), статья наделала много шума, попала в основные газеты и агентства новостей, и (как мне сказали) по этому поводу был опрошен ученый и серьезнейший иезуит: он, скорее всего, разбуженный ни свет ни заря звонком этих безумцев, в здравом уме и трезвой памяти заявил, что я никакой не Антихрист, и снова улегся спать.

Меня так и подмывало послать подальше (только не к черту) моих собеседников, ибо я по опыту знаю, что люди, задающие вопросы о Сатане и Антихристе, культурно неполноценны, социально опасны и вполне созрели для визита к психиатру; но ребята сами извинялись за то, что приходится задавать бредовые вопросы — задание редакций, бурлящих в предвкушении сенсации. На

следующий день вышли искуснейшим образом сфабрикованные статьи: хоть в них и отрицалось, что гипертексты могут иметь непосредственную связь с Антихристом, все же оставался некий привкус сомнения.

Я не придавал значения этой новости, поскольку другой сотрудник «Католических исследований», некто Блондет^[186], уже написал пасквиль, в котором доказывал, что издательство «Адельфи» — жидомасонско-сатанинское учреждение, а мое углубленное знакомство с литературой по международным заговорам, от аббата Баррюэля до «Протоколов Сионских мудрецов», убедило меня в том, что литература такого типа процветает в основном потому, что является прибыльной — постольку, поскольку существует широкая публика, состоящая из фанатиков, оккультистов, неонацистов и отдельно взятых параноиков, одержимых навязчивым бредом.

Когда я вернулся в Италию, родные и друзья звонили мне целую неделю, заверяя, что они на моей стороне, что в глубине своей души они совершенно уверены: я — не Антихрист. Это очень утешало меня: может же так случиться, что ты — Антихрист и сам того не ведаешь.

Через несколько дней до меня наконец дошел номер «Католических исследований» вместе с любезной запиской от Рино Камиллери^[187], автора пресловутой статьи, который просил меня — раз уж газеты извратили смысл его невинной забавы — взглянуть хоть одним глазом на его работу. Надо отдать Камиллери должное: его статья — великолепная шутка в фантастико-оккультном духе (я

¹⁸⁶ *Маурицио Блондет* (р. 1944) — итальянский журналист и писатель католической ориентации.

¹⁸⁷ *Рино Камиллери* (р. 1950) — итальянский писатель, журналист, библиофил.

сам сочинил немало таких). Автору можно поставить в упрек лишь то, что он опубликовал ее в журнале, в котором через несколько страниц напечатана статья о «сатанизме» Кардуччи^[188], где вновь вытаскивается на свет Божий принадлежащая XIX веку теория заговора тайных обществ, составленного с целью сокрушить Трон и Алтарь, повинного во всех бедах этого мира, от Французской революции до ЮНЕСКО. Никто не отнимает у журнала право полемизировать со светским антиклерикализмом, иначе какие бы это были католические исследования, но если слишком увлекаться заговорами (не замечая, что все осуждаемые явления происходили, наоборот, при ярком свете дня), в конце концов сам начнешь рассуждать как член тайного «гностико-масонского» общества, того самого, против которого ты ведешь полемику. Поведешься с чертом — у самого вырастут копыта: вот каким образом в подобном контексте даже от невинной шутки вдруг запахло серой.

Однако, если не считать завсегдаев подозрительных лавочек, где продают книги по магии, еврейской каббале, нацистскому антисемитизму и тамплиерскому масонству (вот они, чудеса эзотерического синкретизма), любой мог бы догадаться, что статья Камиллери — чистой воды игра, полная ученого кокетства. Интересно знать, почему печать, называющая себя светской, приняла это за чистую монету?

Поскольку глупость в данной ситуации исключается, остается стремление любой ценой создать сенсацию. Са-

¹⁸⁸ *Джозуэ Кардуччи* (1835–1907) — крупный итальянский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе (1900), автор патриотических од; здесь имеется в виду «Гимн Сатане», где Люцифер отождествляется с научно-техническим прогрессом и олицетворяется в образе паровоза.

мооскопляющее стремление, ибо оно подразумевает вот какую философию: мы не думаем, чтобы читатели это проглотили, но поскольку они все равно не верят тому, о чем читают, можно их немного и поразвлечь.

А вдруг Антихрист (уже пришедший) и воплощен в падкой до скандалов прессе?

1997

XXXXXXXXXXXX

Вы прочли как надо: xxxxxxxxxx

Сегодня срок. «Эспрессо» ждет минервиной «картонки». А мне нечего сказать. Вернее, я не хочу ничего говорить. Поверьте: заполнить страницу, разглагольствуя о том, что я ничего не хочу говорить, куда труднее, чем раскрыть любую тему, взяв ее хоть из выпуска последних известий. Но я должен, как мне кажется, изречь что-то и в пользу афазии.

Вы можете возразить: почему ты тогда не пропустишь эту неделю, не откажешься послать «картонку»? Да потому, что я связан обязательством. Газета живет в своем режиме, в типографии оставили свободную полосу, если я ничего не пошлю, у массы людей, которые работают над выпуском, будут неприятности. Я не могу нарушить обещание.

Почему бы мне не бросить все это раз и навсегда? Потому что, когда тридцать лет пишешь для одной и той же газеты, пишешь из чувства (как бы это сказать?) преданности, осознавая, что установлен некий диалог с читателями, сбежать, покинув их, будет подлым и трусливым поступком. Незаменимых людей нет, но если тебя

поставили часовым на последнюю страницу, ты там должен стоять. Из упрямства, из верности, в силу привычки. А еще потому, что настанет неделя, когда захочешь что-нибудь сказать, а места для тебя, как это ни прискорбно, больше не будет. Чтобы сохранить за собой это место, нужно чем-то его заполнять. В романе Жюль Верна «Мишель Строгофф» один персонаж, чтобы не допустить к телеграфному аппарату конкурентов и первым передать важное сообщение, диктовал телеграфисту отрывки из Библии.

Вообще-то, все журналисты должны были бы честно признаваться: «Сегодня говорить не о чем; все, что мы могли бы сказать, — рутина, мелочевка, пустая болтовня. Все как всегда». И ни к чему притворяться. Но вот проклятие журналистики: выдавать определенное количество страниц каждый Божий день или неделю, даже если вокруг ничего не происходит. Раньше газеты так решали этот вопрос: если наступила пора отпусков и в стране затишье, нужно что-то выдумать. В те времена всегда было наготове Лох-Несское чудовище. Этот монстр, покровитель журналистики, всегда показывался вовремя, чтобы было о чем говорить.

Сегодня на гигантского змея больше полагаться нельзя: другие чудища разевают пасти, сегодня вещают одно, завтра — другое, да, впрочем, слова их и не слышны во всеобщем гаме и забываются еще до наступления вечера.

Можно наболтать что угодно — читатель все равно забудет; но читатель и привык забывать потому, что читает слишком много чепухи. С другой стороны, он, читатель, и сам взвывает, увидев чистую страницу. Чтобы узнать, что сегодня узнавать нечего, и не о чем читать,

он хочет держать в руках газету, до отказа забитую материалами. «Такой-то еще не написал свою следующую книгу». Сказать, что Ничто ничтожествует, — это тоже новость.

С другой стороны, что делать? Журналисты должны содержать канал связи в полной готовности. Как смотрители маяка. В какой-то момент этот канал послужит для передачи сведений, утаить которые будет преступлением.

Вот моя голубая мечта: знаменитая первая страница «Таймс», полностью состоящая из рекламы. Сегодня ничего не произошло, и мы вам об этом сообщаем, помещая на первой странице мелкие объявления; мы исполняем свой долг, оповещая только о важных событиях. Сегодня мы оповещаем вас, что ничего важного не произошло. Но нынче и «Таймс» отказался от этого золотого правила.

Когда-то (читатели, наверное, помнят) я, если не находил важных предметов для разговора, придумывал всяческие забавы: ircoservi^[189], инициалы. Но сейчас не время для забав. И без того слишком многие забавляются, причем играя в русскую рулетку.

Сегодня мне просто не хочется ни о чем говорить. У меня нет никаких свежих идей, все давно уже сказано. Вот новость, которую я обязан до вас донести. Бывают времена, когда молчание — единственная новость. Но если ты молчишь, люди думают, будто ты что-то утаиваешь. Ну, так вот вам сенсация: у меня даже и тайн никаких нет. Может быть, они есть у вас. Попробуйте сами на-

¹⁸⁹ Игра, придуманная самим Эко, состоящая в смешении названий произведений и имен и фамилий авторов (по типу: Лев Михайлович Толстоевский, Анна Карамазова или «Братья Каренины»).

ДЗАНДЗАВЕРАТА ИЗ СВИНЯЧЬИХ НОЖЕК^[190]

Заметки о литературе и искусстве

Почему книги продлевают нам жизнь

Когда мы сегодня читаем статьи, авторов которых беспокоит, что станет с умом человека, если появятся одна за другой новые машины, призванные заменить нашу память, во всем этом нам слышится что-то знакомое. Кто хоть немного разбирается в подобных материях, тот час же узнает отрывок из платоновского «Федра», многократно цитированный, где фараон с беспокойством спрашивает у бога Тота, изобретателя письменности, не получится ли так, что это дьявольское ухищрение отучит человека вспоминать, а значит, мыслить.

Тот же страх, вероятно, вселился и в того, кто впервые увидел колесо. Он наверняка подумал, что люди разучатся ходить. Может быть, воины тех времен были более приспособлены к тому, чтобы бегать на марафонские дистанции в пустынях и степях, но умирали они раньше,

¹⁹⁰ *Дзандзаверата (тосканск.)* — горячее мясное блюдо с имбирем, приготовляемое по принципу «мечи, что есть в печи», в переносном значении — «всякая всячина». «Дзандзаверата из свиных ножек» — начало сонета поэта (и цирюльника) Буркьялло (Доменико ди Джованни, 1404–1449).

чем мы, и сегодня многих из них в любом военном округе признали бы негодными к военной службе. Этим я не хочу сказать, что нам вовсе не о чем беспокоиться и что наша прекрасная и здоровая человеческая порода выдержит завтрак на траве близ Чернобыля: может быть, именно письменность и научила нас понимать, где нужно остановиться, а кто не умеет остановиться вовремя, тот безграмотен, хоть бы он и ездил на четырех колесах.

Недоверие к новым формам закрепления памяти проявлялось во все времена. Глядя на первопечатные книги, на грубую бумагу, которая, казалось, не выдержит больше пяти или шести сотен лет, думая к тому же о том, что эти штуковины пойдут по рукам, станут всеобщим достоянием, вроде Библии Лютера^[191], первые их покупатели платили огромные деньги за расписанные вручную буквицы, чтобы создавалось впечатление, будто они по-прежнему владеют манускриптами на пергаменте. Сегодня эти украшенные миниатюрами инкунабулы стоят целое состояние, но, по правде говоря, в печатных книгах миниатюры уже были не нужны. Что мы на этом выгадали? Что выгадал человек с изобретением письменности, печати, электронной памяти?

Однажды Валентино Бомпиани запустил крылатую фразу: «Человек, который читает, стоит двоих». В устах издателя это может показаться просто удачным слоганом, но, как мне кажется, эта фраза означает, что письменность (язык вообще) продлевает жизнь. С того времени, как род человеческий начал издавать первые осмысленные звуки, у семьи и у племени появилась потребность в стариках. Может быть, до этого они были никому

¹⁹¹ То есть Библии, переведенной на национальный (немецкий) язык.

не нужны, их прогоняли, когда они уже не могли охотиться. Но с появлением языка старики стали памятью рода: они садились в пещере у костра и рассказывали все, что они видели собственными глазами (или слышали от других — вот вам зарождение мифа) в те времена, когда молодые еще не родились. До того, как эту общественную память стали хранить и пестовать, человек рождался, не имея опыта, и умирал, не успев его приобрести. А тут получалось, что двадцатилетний юноша как будто проживал пять тысяч лет. События, случившиеся до него, — то, чему его научили старики, — становились частью его памяти.

Сегодня наши старики — это книги. Никто об этом не задумывается, но мы богаче неграмотного (или грамотного, который не читает) тем, что он живет и проживет только свою жизнь, а мы их проживаем множество. Мы вспоминаем наши детские игры, но также и детские игры Пруста; мы пережили нашу любовь, но также и любовь Пирама и Фисбы; мы усвоили что-то от мудрости Солона; ветреные ночи на острове Святой Елены заставляли дрожать и нас; вместе со сказками, которые нам рассказывала бабушка, мы повторяем и те, которые рассказывала Шахерезада.

У некоторых создается впечатление, будто мы, едва родившись, тут же становимся несносными стариками. Но настоящая старая развалина — именно безграмотный человек (не научившийся грамоте или забывший ее): он страдает атеросклерозом с самого детства и не помнит (потому что не знает), что случилось во время Мартовских Ид. Мы, конечно, можем хранить в памяти и всякие выдумки, но чтение, помимо всего прочего, учит избира-

тельности. Не учась на чужих ошибках, неграмотный ничего не узнает и о своих правах.

Книга страхует нашу жизнь, дарует маленькое бессмертие. Увы, жизнь наша продлевается в прошлое, не в будущее. Но нельзя получить все сразу.

1991

Если не считать Тото, Чаплин лучше

В «Коррьере дела сера» за прошлый понедельник Туллио Кезик^[192] отвечает Ренцо Арборе^[193], который утверждает, будто Тото^[194] выше Чарли Чаплина. Кезик замечает, что Чаплин — настоящий артист, потому что он придумывал и ставил свои фильмы, а не только играл в них роли, в то время как Тото всегда использовали как, если можно так выразиться, комический «материал», и очень часто это зависело от случая. Должен уточнить, что я — фанатичный поклонник Тото и никогда не устаю смотреть его фильмы, которые знаю наизусть, а вот Чаплина просматриваю умеренно, осмелюсь сказать, на почтительном расстоянии. И все же я считаю, что Чаплин — великий артист, как Бальзак или Вивальди, а Тото — непревзойденный феномен стихийного комизма, явление природы, как ураган или закат солнца.

¹⁹² *Туллио Кезик* (р. 1928) — итальянский журналист, главный редактор журнала «Чинема нуово» («Новое кино»); режиссер, драматург, киносценарист и писатель.

¹⁹³ *Ренцо Арборе* (р. 1937) — итальянский певец, режиссер, актер, шоумен.

¹⁹⁴ *Тото* — псевдоним Антонио Де Куртиса (1898–1967), гениального артиста кино и театра.

Можно каждый вечер упиваться закатом солнца, хотя уже знаешь, чем он заканчивается, но нельзя всю жизнь смотреть на Нику Самофракийскую. Если тебе нравится женщина, ты не устаешь искать с ней встреч, смотреть на нее, думать о ней и, если Богу будет угодно, крутить с ней любовь, в то время как Пятую симфонию Бетховена ты слушаешь лишь время от времени и горе тому, кто станет каждое утро будить тебя ею.

Какие механизмы внутри произведения позволяют говорить о великом искусстве в одном случае и о приятности, спонтанном, рассеянном, пронизанном природными токами артистизме — в другом? Вот некоторые наметки (ожидающие дальнейшего развития) для текстуального сравнения фильмов Тото и Чаплина. Прежде всего, возможность вселенского обобщения. Великое искусство, рассказывая какую угодно историю, заставляет адресата увидеть в ней и самого себя, и проблемы всего человечества. Чаплину это удастся: его эмигранты, золотоискатели, отвергнутые влюбленные — не кто иной, как все мы. Поэтому мы и смеемся, и плачем одновременно. А Тото остается неаполитанским маргиналом, над скотскими выходками которого мы смеемся безудержно, поскольку чувствуем, что выше этого.

Второй элемент — связность текста. Вы не можете вырезать сцену, где Чаплин ест свой башмак, и вставить этот гэг в «Новые времена» или включить тот судорожный жест, который Чаплин повторяет снова и снова, не в силах остановиться, после рабочего дня на конвейере, в «Золотую лихорадку». Каждый его гэг есть «плоть от плоти» всего произведения. Зато сцена в спальном вагоне изумительна (как звездное небо над нами), но ее можно вставить в любой фильм Тото, идет ли в нем речь о потерпевшем фиаско музыканте или разорившемся дво-

рянине. Чудесная сцена с инъекцией на лесенке, ведущей к издателю Дзодзонго (или Тискорди) будет прекрасно смотреться и в «Тото Ле Моко», и в «Тото ищет супругу».

Третий — экономия, или способность убирать лишнее. Тото гармонично вписывается в художественное целое только тогда, когда сильный режиссер держит его в руках и «сокращает» (как, например, Пазолини или в хрестоматийной сцене с Фу Чимин из «Знакомых незнакомцев»). В остальном его комизм покоится на сверхзобилии, и нет предела репликам типа «прах раздери, то есть черт побери», которые он произносит. А искусство — плод тонко рассчитанной совместной работы, выверенной и соразмерной. Чаплин «провисает», и это чувствуется, когда повторяет без причины какие-то жесты или смущенные улыбочки; если ему не удастся справиться со своими тиками, дело заканчивается провалом. У Тото, несомненно, тоже есть техника, инстинктивная, мудрая, но он ничего не знает об экономии, он безмерен. Экономия построения позволяет нам не перечитывать или не смотреть без конца великое произведение: мы и без того помним схему, выдающиеся моменты, атмосферу. А естественный, стихийный комизм впитываешь жадно, им не насыщаешься никогда, ибо память не удерживает его в некоем очищенном виде и всякий раз тебя пронимает до самого нутра.

Этот анализ можно было бы продолжить. Речь идет об «анатомии» текстов. Некоторые время от времени заявляют, что, если анализировать тексты с анатомической тщательностью, в конце концов «Микки-Маус журналист» покажется столь же великим произведением, что и «Король Лир». Тот, кто так говорит, — хвостист и лентяй, который никогда не прочел ни страницы из русских фор-

малистов или из Якобсона, Барта, Греймаса, Чезаре Сегре^[195]. Если бы он это сделал, то понял бы, что как раз наоборот: только изучая произведение как продуманную стратегию воздействия, можно объяснить то, что иначе оставалось бы просто ощущением, а именно — почему Корделия значит больше, чем Кларабелла^[196].

1992

Радость! Возжигаюсь бесконечным

Эта история уже всем известна: на школьном конкурсе поэзии стихотворение Унгаретти^[197] «Безмятежность» (цикл «Бродяга» из сборника «Радость»), которое какой-то мальчишка шутки ради послал как плод своего труда, получило лишь второе место. Скандал, позор, гром и молния. Самой разумной мне показалась реакция Роберто Котронео^[198], который в предыдущем номере «Эспрессо» утверждает, что никакой преподаватель не обязан знать это стихотворение, и тот факт, что ему дали вторую премию, уже свидетельствует о поэтическом вкусе конкурсной комиссии. Но, наверное, стоит добавить к этому кое-что еще.

¹⁹⁵ *Чезаре Сегре* (р. 1928) — итальянский филолог и литературный критик.

¹⁹⁶ *Кларабелла* — персонаж комикса «Клад коровы Кларабеллы». Подробнее о ем см. в романе Эко «Таинственная пламя царицы Лоаны».

¹⁹⁷ *Джузеппе Унгаретти* (1888–1970) — крупный итальянский поэт, представитель герметизма.

¹⁹⁸ *Роберто Котронео* (р. 1961) — итальянский журналист, писатель, литературный критик.

Есть одна шуточка, которую однажды сыграли и со мной; состоит она в том, что нужно угадать, какому итальянскому автору XX века принадлежит строка «Препятствуя свободе распродажи». Все отвечают как могут (Унгаретти? Квазимодо^[199]? Нет, Кардарелли^[200] ...) — но вот, наконец, обнаруживается ужасная вещь: речь идет о первой строке одной из статей Кодекса Рокко о препятствиях к аукциону. В атмосфере, все еще пропитанной изысками Д'Аннунцио, даже юрист выражается вычурно, в поэтическом ритме. Если знать, что контекст — юридический, сразу можно добраться до сути. Но если полагать (а заданный вопрос коварно к этому подталкивает), что мы находимся в поэтической стихии, и ритм, и слова обрастают бесчисленными коннотациями. Контекст создает пространство, именно то самое чистое пространство, которое Унгаретти считал таким важным, поскольку усвоил от Малларме, что достаточно сказать «цветок» и от этого слова поднимется нежный аромат всех отсутствующих цветов.

Но чистое пространство — факт не физический, а ментальный; это, как бы мы сказали сегодня, готовность к восприятию текста. Доказательством служит то, что мы, хорошо зная Унгаретти, способны наслаждаться строкой «Возжигаюсь бесконечным», хотя ее и цитируют без конца, не оставляя ни миллиметра чистого пространства. Мы его восстанавливаем сами.

Поэт пишет стихотворение, используя слова, зафиксированные в словаре (если не считать неологизмов). И

¹⁹⁹ *Сальваторе Квазимодо* (1901–1968) — известный итальянский поэт-герметик.

²⁰⁰ *Винченцо Кардарелли* (1887–1959) — итальянский поэт и писатель, последователь Бодлера, Ницше, Леопарди.

эти слова, если мы встречаем их в каком-то списке (или сами вытаскиваем из контекста и располагаем списком), предстают всего лишь словами из словаря и воспринимаются прежде всего в их самом расхожем смысле. Один мой друг впадает в неистовство, когда поздним вечером в кругу близких приятелей читает по-романьольски «Дождь в сосновом лесу». Но он не только читает по-романьольски — он читает как романьолец. Он застревает на первой же строке: «Слушай» — и дальше дело не идет; он бесится, раз за разом повторяет это слово, воспаляясь все больше и больше. Как это — «слушай»? Это он кому? Мне? Да кто ему позволил? Слушал бы сам... И так далее. Чтение Д'Аннунцио оканчивается полным провалом. Почему? Потому, что читатель не готов к восприятию поэтического слова. Борхес уже давно предложил: попробуйте прочесть «Подражание Христу» так, как будто эту книгу написал Селин. Я в одной своей статье возразил, что в конечном итоге номер не пройдет. Но только в конечном итоге. А сразу, в первом приближении, — сработает. Когда мистики-интерпретаторы говорят нам, что читать стихи значит быть готовыми слушать Бытие, они, может быть, преувеличивают, но все-таки сообщают нам, что нужно к чему-то быть готовыми.

Когда стихотворение «Безмятежность» было впервые опубликовано, оно, наверное, прежде всего поразило собратьев-литераторов необычно короткими строками: «Когда ушел — туман — одна — за другою — проснулись — звезды...» Но теперь, когда унгареттизм превратился в первое подспорье плохому поэту, который считает, что фраза «Я весьма доволен» станет поэтической строкой, если ее записать: «Я — весьма — доволен», первая критическая реакция, которая возникает при виде стихотворения, состоящего из слишком коротких строк,

однозначна: речь идет о простом подражании герметической поэзии. Как бы вы отреагировали, обнаружив нечто, напоминающее Унгаретти, в контексте десятков или сотен стихотворений, большей частью наивных и непременно подражательных? Вы бы сочли автора лже-Унгаретти и сказали бы так: «Недурно, автор, по всей видимости, начитан, но подражает». Вы бы вели себя по-другому, если бы вам сказали: «Среди этих стихотворений есть одно, принадлежащее Унгаретти. Найдите его». Большинство ткнуло бы пальцем в «Безмятежность». Вы были бы *готовы* выслушать это стихотворение, а значит, и идентифицировать его.

Все это может также означать, что никакая конкурсная комиссия, оказавшись перед массой разнородных сочинений, ни в коем случае не может быть готова слушать поэзию. Много раз повторялось, что поэзию следует слушать в тишине, отрешившись от всего, чуть ли не совершая некий обряд посвящения. Нельзя читать стихи среди шума. А масса разнородных текстов и представляет собой шум. Серия сообщений, сваленных в одну кучу, набранных в одной системе, одним и тем же шрифтом, как объявления о купле-продаже, мешает нам распознать среди них одно действительно важное. И если среди сообщений попадетса «дождь», нам и в голову не придет, что это — «Дождь в сосновом лесу».

1992

Сходите в Лувр — это предок заппинга и блоба

В середине октября в Лувре открылась экспозиция, посвященная Джованни Паоло Паннини (Пьяченца, 1691 — Рим, 1765). На выставке, поводом к которой послужи-

ло трехсотлетие художника, представлено не более сорока картин и несколько рисунков из обширного собрания Лувра. Я отказываюсь интересоваться чем-либо только из-за юбилея, и мне удастся преодолеть россиниевский год, слушая Беллини, год Колумба — занимаясь Магелланом, если все славят Пьеро делла Франческу — я восхищаюсь Сассетой, в Париже открывается этрусская выставка, а меня нынче интересуют хетты. Почему? Потому что это мое дело; я не позволю никакой конторе учить меня, что и когда мне любить. Но для Паннини я сделал исключение, потому что он мне нравится и его не везде отыщешь.

Я отправился туда, надеясь увидеть множество «галерей», но Лувр предложил мне только две большие работы, один набросок и одно подражание. Зато там было множество живописных руин, и все вместе дало мне возможность пересмотреть свое отношение к этому художнику XVIII века: о нем обычно не говорят на выпускных экзаменах, но он кажется мне небезынтересным для наших современников.

Паннини считается «ведутистом», но это ведутист, который пишет только произведения искусства. Он рисует театр, полный зрителей (много-много, мелких-мелких), с музыкантами на балконе, но то, что его интересует в первую очередь, — это сценография, очевидным образом созданная кем-то еще. Изображает на каждом шагу руины, влюблен в римские пирамиды и помещает их повсюду, рядом с обвалившимися памятниками, которые, если верить Управлению по туризму, должны находиться совсем в других местах. Кроме того, в эти руины он помещает сцены из античности, деяний апостолов, священной истории, и ему на самом деле не важно, что во времена изображаемых событий эти руины еще не были руинами:

ему нравится помещать на картины разрушенные памятники.

А еще — «галереи». Он изображает коллекции картин — залы и необъятные салоны, похожие на альбомы марок, заполненные картинами вплоть до высочайших потолков, покрытых в свою очередь фресками. Изображает коллекционера, сидящего или гордо прохаживающегося среди своих сокровищ, восхищаясь восхищением того, кто собрал столько красот, а на самом деле — представляя нам иллюстрированный каталог, и если изучать его с лупой и фонариком, то можно обнаружить любопытные повторения всей живописи предшествующих веков в миниатюре.

На двух больших картинах, выставленных в Лувре, он поместил скульптуры и виды Древнего Рима и Рима современного. Болаффи^[201] своего времени, на первой картине он умудряется собрать почти все знаменитые античные статуи, а на второй — работы Бернини, Борромини, Сангалло, Виньолы, всего — пятьдесят пять известных шедевров, и еще две статуи, не поддающиеся идентификации. Равнодушный к музейным принципам, он ставит рядом на первой картине «Геркулеса» с виллы Боргезе, «Умиряющего галла», «Лаокоона» и льва с фонтана Аква-Феличе^[202], на второй — «Моисея» Микеланджело, «Давида», «Аполлона и Дафну» Бернини, льва с виллы Медичи. Похоже на картинку с выставки фальшивок, но если так, то в этом случае его картина — фальсификация (или имитация) фальшивок. Я не проверял, помещал ли

²⁰¹ Существующая с 1890 г. туринская компания по торговле коллекционными марками, монетами и т. д.

²⁰² Фонтан в Риме, сооружен в 1587 г.

Паннини когда-нибудь на стены своих «галерей» картины, изображающие помещение с развешанными картинами, но это очень легко себе представить. Его шедевром могла бы стать картина, изображающая собрание его картин.

Мы можем относиться к Паннини как к певцу стяжательства, характерного для коллекционеров Нового времени, эпическому певцу собственничества. Но можем также рассматривать его как первого постмодерниста, если этот термин еще имеет какой-то смысл. Если допустить, что имеет, — то вот перед нами живописец, подавленный живописью, скульптурой, архитектурой прошлого, который не разрушает, чтобы забыть^[203], а цитирует, копирует, воссоздает — и изо всей истории искусств делает объект для своего сохранительного *бриколажа*.

Более того, Паннини может считаться первым художником заппинга, предком *блоба*, предвозвестником современной «галактики информации», парализованной собственным экспонентным расширением. Если пожелаете, глядя на «галерею» Паннини, можно задержаться взглядом и «зуммировать» одну картину из сотни предлагаемых вашему вниманию. Но ненадолго, потому что стоит отодвинуться от изучаемой картины на мгновение, и вы больше ее не найдете: увидите все целиком, потом ваше внимание привлечет другая картина, а потом вы потеряете и ее. «Галереи» Паннини — предвестники телевизионных вечеров и нашей суматошной подвижной мозаики — с большим пальцем, пляшущим на телепульте, послуш-

²⁰³ Намек на итальянских футуристов, набрасывавшихся с молотками на античные статуи и т. п.

ным нашему безумию, которое понуждает нас обладать всем.

1992

Клочковатые книги

В течение последних нескольких недель я слежу за дискуссиями, развернувшимися по такому вопросу: обладает ли Гессе литературными достоинствами, оправдывающими его непрекращающийся триумф? Мне кажется, что эта тема заслуживает внимания не столько из-за самого Гессе, сколько из-за того, что благодаря ему снова поднимается на щит тяжкое недоразумение: будто между художественным уровнем произведения и его успехом не просто отсутствует прямая зависимость, но имеется зависимость строго обратная. Эта точка зрения стала чрезвычайно популярной после распространения массовой культуры (с середины XIX века по наши дни), в которой всякий продукт норовит сделать публике глазки и потрафить ее наименее почтенным мыслям. Но в том, что касается литературы и искусства, необходимо признать: образ великого, но не признанного при жизни и несчастного артиста является не более чем романтическим штампом, раздутым к тому же авангардистами начала XX века. Они последовательно ставили перед собой задачу обесценить современные им вкусы, и неприятие частью публики служило показателем того, что это получилось. Но то, что работало в случае с Пикассо, позволило многим неудачникам возомнить себя анти-Артузи^[204] — только на том основании, что их «лакомства» вызывали тошноту.

²⁰⁴ *Пеллегрини Артузи* (1820–1911) — литературный критик, более известный как автор знаменитой кулинарной книги «Кухонная наука, или Искусство хорошо

Но в прошлом, однако, торжествовала иная модель: художник, обласканный сильными мира сего и обожаемый простым народом. Данте потерпел неудачу в делах политических, но не в литературных. Легенда повествует о ярости, в которую он пришел, услышав, как его стихи уродует кузнец, — из чего следует, что уже при жизни им восхищались даже неграмотные. Величайшие творцы пользовались немедленным и широким успехом: Вергилий, Джотто, Шекспир, Мандзони, Толстой. Другие, не менее великие, были недооценены или любимы только узким кругом избранных (Джойс, Нерваль). И напротив, некоторые произведения с куда более скромными литературными достоинствами были гальванизированы толпами читателей — как романы Эжена Сю или «Унесенные ветром».

Человечество билось веками, стараясь определить критерии художественной ценности, но уделяло очень мало внимания критериям успеха — который тоже никогда не бывает случайным. Наиболее очевидные из них — когда произведение воплощает тем или иным образом чувства и чаяния общества или его части, жаждущей сформулировать их: Корнель, тот же самый Гессе (вот всяком случае, для молодежи), Берше^[205] или Мандзони, «Марсельеза», Микки-Маус американского «Нового курса» и Вергилий «Золотого века». Речь в данном случае идет не об уровне произведений, а о соответствии определенному комплексу ожиданий.

поеть» (1891), выдержавшей много переизданий и считающейся классической.

²⁰⁵ Джованни Берше (1783–1851) — итальянский романтический поэт, автор патриотических од.

Порою успех зависит от своего рода «напевности», и это качество тоже не имеет ничего общего с художественной ценностью (или представляет собой признак элементарного артистизма, который может проявляться и в величайшем произведении, и в ремесленной поделке). Верди — напевен, и то же можно сказать о песенке из мультфильма про Дональда Дака; истории про Ниро Вульфа столь же напевны, как и телесериал про лейтенанта Коломбо. При этом, похоже, самым напевным по-прежнему остается Петрарка. Одно из величайших сокровищ в мировой литературе — «Сильвия» Нерваля — тоже кажется напевной, но в действительности ее гармоническая структура столь сложна, что ее можно только перечитывать, не пытаясь теоретизировать^[206]. Вивальди — напевен, Дебюсси — нет.

Много лет назад, пытаясь объяснить, почему фильм «Касабланка» сделался объектом культа, я выдвинул гипотезу, согласно которой необходимым условием успеха и культовости является «клочковатость» произведения. «Касабланка» соткана из фрагментов, из обрывков, в нее помещены все возможные клише, и «на выходе» получился фильм — справочник киномана. Поэтому он может быть использован, если так можно выразиться, «небольшими кусочками», каждый из которых становится цитатой, архетипом. Но помимо собственно «клочковатости» существует также «потенциальная клочковатость». В своем примечательном эссе Элиот осмеливался предположить — не в этом ли кроется возможная причина успеха «Гамлета», наименее совершенной и выстроенной шекс-

²⁰⁶ Анализируя новеллу Жерара Нерваля, Эко перевел ее на итальянский язык, о чем подробно рассказал в книге «Сказать почти то же самое» (русское издание — «Симпозиум», 2006).

пировской трагедии, в которой оказались не до конца перемешаны различные источники и которая стала прекрасной, потому что она любима, а не любимой, потому что она прекрасна. «Божественная комедия» никоим образом не клочковата, но со временем обрела «потенциальную клочковатость» — до такой степени, что ее поклонники даже стали составлять «дантовские головоломки», используя отдельные перемешанные строки.

Невероятный успех Библии на протяжении тысячелетий обеспечивается ее «потенциальной клочковатостью» — ведь она (да простит меня Всевышний) была написана во множество рук. «Гамлет» все равно остается выдающимся произведением, в то время как, скажем, пародийная кинострашилка «Шоу ужасов Роки Хоррора» остается мерзкой чушью, — хотя оба они являются культовыми. Один — в силу своей потенциальной клочковатости, другая — потому что уже изначально настолько клочковата, что допускает любое игровое использование. И ведь остается еще один загадочный объект культа (правда, не массового): «Поминки по Финнегану» Джойса, который был сознательно задуман так, чтобы растаскиваться на клочки до бесконечности.

1992

О широте и глубине познаний

Дней десять тому назад в «Стампе» возобновилась дискуссия по поводу широкого, но поверхностного обучения, которое, кажется, опять входит в моду. Несомненно, протесты 68-го года, разные реформы и эмпирические преобразования привели к попытке исключить из учебного процесса любые формы зазубривания одних только понятий, а «широта знаний» уже считается чем-то одиоз-

ным, поскольку ведет к поверхностности. Могу себе вообразить, какую бурю вызовет, но крайней мере в школах, эта частная полемика, поэтому хочу сразу провести некоторые различия. Чем бы человек ни занимался, он должен владеть какими-то знаниями, иметь понятия; хорошо, если бы он, читая о высадке войск в Сомали, хотя бы приблизительно догадывался, где расположена эта страна.

Но что должен знать об истории Сомали человек, почитающий себя культурным? Быть культурным не означает держать в голове все понятия; достаточно знать, где их можно найти. Представьте, что вы совсем мало знаете об Иоахиме Мюрате, а вас неожиданно избрали членом городской управы в Пиццо Калабро^[207] и в одиннадцать утра сообщили, что в два состоится совет, где будет обсуждаться вопрос о чествовании этого исторического деятеля; за три часа вы должны найти информацию, которая позволила бы вам достойно участвовать в дискуссии. Если вы культурный человек, то знаете, что, если под рукой нет энциклопедии, сведения о Мюрате следует искать в книге по истории, а не по философии, и в третьем томе, а не в первом.

Именно отсутствие такой цельной картины и отличает самоучку от культурного человека: самоучка может знать все о Занзибаре и ничего о Сомали и даже не догадываться, что обе страны расположены на одном и том же восточном побережье Африки. Культурный человек может знать очень мало как о той, так и о другой стране,

²⁰⁷ Город в Калабрии, где Иоахим Мюрат, неаполитанский король, сподвижник Наполеона, был заточен в крепость, а впоследствии приговорен к смертной казни; там же, в церкви Сан-Джорджо, находится его гробница.

но он представляет себе, что на карте мира их следует искать не слева, а справа.

Поэтому ошибаются те американские реформаторы образования, которые хотели бы, чтобы американские негры изучали в университете только историю древней империи Мали, но не Платона. В культуре западного человека, который ничего не знает об империи Мали, определенно имеется пробел, но и образование афроамериканца будет явно недостаточным, если он не сможет увязать историю Мали с историей Европы.

Понятия обогащают нас, намечая некую полезную систему координат. Думаю, это хорошо, когда у молодого человека имеется какое-то смутное представление о том, где находится Занзибар, даже если ему за всю жизнь вряд ли доведется воспользоваться этим понятием. Такие понятия приобретаются без усилий: немного любознательности, хорошая память, вот и все. А память следует тренировать, хотя бы заучивая каждый день по октаве из Ариосто, так же как, перед тем как идти в душ, даже в преклонные годы нужно сделать короткую зарядку.

Гимнастика ума, связанная с широтой познаний, тоже никому не повредит. Нужно только знать ей истинную цену. Забавно бывает, для меня во всяком случае, встретиться за ужином с друзьями, столь же азартными, и загадать им загадку, ну, хоть о «Трех мушкетерах». На какой улице жил Атос? Арамис? В чем Дюма ошибся, указывая адрес Арамиса?^[208] Попробуйте ответить, только, пожалуйста, не пишите мне: я и так все это знаю. Но будет неплохо, даже если вы станете перечислять друг дру-

²⁰⁸ Ответ на эти вопросы можно найти в книге У. Эко «Шесть прогулок в литературных лесах».

гу защитников вашей любимой футбольной команды на чемпионате такого-то года.

Такая игра в понятия может стать цирковым зрелищем: участник викторины показывает широту своих познаний, как лев — когти. Нет ничего дурного в том, чтобы увлеченно следить за викториной, хотя мы и знаем, что все подстроено. Внимание — я не хочу сказать, что участник викторины получает правильные ответы за несколько часов до ее начала (хотя прогремел же в Америке скандал ван Дорена^[209]); просто ведущий викторины обычно проверяет уровень знаний кандидата, примерно знает их источники и легко может подыграть популярному кандидату и припереть к стене зануду.

Широту знаний нельзя путать с культурой, но культурный человек должен стремиться к широте знаний просто ради доброго здоровья своего ума. И наконец, нужно уметь различать широту и глубину познаний, а это нелегко. Врачу не обязательно помнить, когда Жан-Жак Руссо написал труд о происхождении языка, ему достаточно знать, в какое время жил Руссо и в чем заключается его значение для нас. Но для исследователя философии XVIII века это насущный вопрос, ибо идут споры о том, в какое десятилетие была создана эта книга, и речь уже идет не о широте познаний, а об их сущностной глубине: без точного определения даты трудно понять ход развития руссоистской мысли.

1992

²⁰⁹ *Чарльз Линкольн Ван Дорен* (р. 1926) — американский ученый, писатель, издатель, которого до сих пор помнят как участника викторин с подтасованными результатами, скандал по поводу которых разразился в 1950-е гг. Он сам признался перед Конгрессом США, что устроители популярного шоу «Двадцать один» дали ему перед передачей список вопросов с правильными ответами.

Эклога классикам

Меня уверяют, что в нынешний период книжного кризиса хорошо продаются античные классики. И не только недорогие издания в бумажной обложке, но и роскошные, в футляре. И не только первого ряда, как Платон, но и второго, как Цицерон. А поскольку расходятся и сочинения материалистов, таких как Эпикур, и пантеистов вроде Плотина, это никак нельзя связать ни с ростом влияния правых, ни с оживлением левых. Стало быть, можно сказать, что издатели, улавливающие чаяния публики, сообразили, что в момент крушения и переоценки всех ценностей читателям нужно что-то надежное? Потому что классик — это автор, которого много переписывали (особенно в те времена, когда это приходилось делать от руки), который столетиями побеждал инерцию времени и не поддавался голосам сирен забвения. Среди них попадаются авторы, которые не стоят потраченного на них пергамента, тогда как другие, возможно — величайшие, оказались обречены на вечное небытие; но в целом, статистически, человеческое сообщество действует, сообразуясь со здравым смыслом, и велика вероятность, что автору, которого мы сейчас причисляем к классикам, до сих пор есть что нам сказать.

Вторая причина — в том, что в периоды кризиса нам грозит опасность позабыть, кто мы есть. Сегодня классик не просто говорит нам о том, что думали в отдаленные времена, но позволяет понять, почему мы и сейчас думаем таким же образом. Читать античного автора — все равно что психоанализировать современную культуру: находить в ней следы, воспоминания, схемы, «первичные сцены»... «Ах вот оно что, — восклицаем мы, — теперь понимаю, почему оно так или почему кто-то хочет, чтобы

мы считали так: все началось с той самой страницы, которую я сейчас читаю». И оказывается, что мы все аристотелевцы, или платоники, или августинианцы, — в зависимости от того, каким образом мы организуем свой опыт. Или от того, какие ошибки мы при этом совершаем.

Чтение классиков — это возвращение к корням. Корни часто ищут не из ностальгии по чему-то уже известному, а из смутного чувства нехватки какого-то неизвестного истока. Урожденный американец, который неожиданно испытывает потребность *вернуться* (а на деле — впервые отправиться) в страну своих дедов, предпринимает этот вояж, движимый виртуальной ностальгией. Каждый читатель, принимающийся за классиков, — тот американец, натурализовавшийся много поколений назад, которому вдруг становится необходимо узнать нечто о своих предках, обнаружить их присутствие в своем собственном складе ума, жестах, чертах лица.

Другая приятная неожиданность — зачастую античные авторы оказываются более современными, чем мы сами. Меня всегда приводят в смятение некоторые лишенные культурных корней заокеанские мыслители, которые не приводят в библиографиях книги, если они изданы не в последнее десятилетие, развивают какую-то мысль — и зачастую делают это плохо, потому что не подозревают, что эта же мысль уже была развита лучше тысячу лет назад (или тысячу лет назад была показана ее бесплодность).

Только что у меня в руках оказалась книга святого Августина «Учитель и слово (Августин для друзей)» издательства «Рускони», с параллельным текстом, под редакцией Марии Беттетини. В ней четыре трактата, из которых я рекомендую прочитать „De Magistro“ («Об учите-

ле»). Можно было бы сказать, что он напоминает лучшие страницы Витгенштейна, если бы Витгенштейн не напоминал лучшие страницы Августина. В трактате описывается, как из обыкновенной прогулки с собственным сыном Адеодатом (да-да, прежде чем заделаться святым, он кое-что смастерил) отец-учитель сумел извлечь целую череду блестящих суждений о том, что значит «говорить». Я говорю «из прогулки», а не просто «во время прогулки», потому что сам телесный опыт пешего хода подсказывает Августину, как лучше объяснить назначение слов — посредством жестов, движений, ускорения и замедления шага... Когда классик оказывается так близок к нам, остается только жалеть, что ты не читал его раньше.

Однажды ко мне пришел студент-философ и спросил, что ему следует читать, чтобы научиться хорошо мыслить. Я посоветовал ему «Опыт о человеческом разуме» Локка. На вопрос, почему именно его, я отвечал, что если бы я оказался в другом расположении духа, то с таким же успехом мог посоветовать ему взамен какой-нибудь диалог Платона или «Рассуждение о методе» Декарта. Но поскольку ведь надо откуда-нибудь начинать, в лице Локка мы видим господина, который хорошо мыслил и доброжелательно беседовал с друзьями, не используя сложных слов. Тогда он спросил, пригодится ли это ему для одного конкретного исследования, которым он сейчас занят. На это я ему отвечал, что это ему пригодится, даже если он в дальнейшем будет торговать поддержанными машинами. Он просто познакомится с человеком, с которым *стоит* познакомиться. Вот для чего нужно чтение классиков.

Трактат о зубочистках

Вы и представить себе не можете, какое это удовольствие — чтение букинистических каталогов. И не только для коллекционера, озабоченного красотой или древностью книги, но и просто для любопытного человека, охочего до странностей.

У меня в руках каталог „Cabinet de curiosités II“ парижского книжного магазина „Intersigne“, и, перелистывая список из 535 наименований, я пытаюсь прочесть их все. Оставим в стороне изощренные медицинские публикации эпохи позитивизма, такие как анализ психических отклонений Руссо и Э. Т. А. Гофмана или «Магомет, признанный безумцем» 1842 года; эксперименты по пересадке человеку тестикул обезьяны, а также искусственных серебряных тестикул; знаменитые работы Тиссо о мастурбации (как причине слепоты, глухоты, преждевременной старческой деменции и т. д.); брошюру, в которой описывается опасность сифилиса как возможного возбудителя туберкулеза, и еще одну, 1901 года, о некрофагии. Ограничимся менее учеными работами.

Мне бы хотелось заполучить работу некоего Андрё «О зубочистках и их неудобстве» (1869). Привлекает внимание Экошар, пишущий о разных техниках сажания на кол, не говоря уж о Форнеле с его работой «О значении палочных наказаний» (1858), снабженной целым списком знаменитых писателей и артистов, подвергавшихся колотушкам, от Буало до Вольтера и Моцарта. Некий Берийон (указанный как пример ученого, зараженного национализмом) в самый разгар Первой мировой войны (1915) пишет „La polychésie de la race allemande“^[210], где доказы-

²¹⁰ «О многодерьмовости немецкой нации» (*фр.*). Polychésie — неологизм от нем.

вает, что средний немец производит больше фекальных масс, чем француз, и с более резким запахом.

Г-н Шесньи-Дюшен (1843) разрабатывает сложную систему, позволяющую переложить французский язык клинописью нового типа — что делает его доступным всем народам мира. Некий Шассеньон (впрочем, он у меня уже есть) пишет в 1779 году труд в четырех томах, название которого стоит просмаковать: «Нарывы воображения, разлитие графомании, литературная рвота, энциклопедические геморроиды, парад уродов». Этот господин, которого все библиографы единодушно признают сумасшедшим (впрочем, у кого хватит духу одолеть все 1500 страниц?), играет со всей мировой литературой, от Вергилия до позабытых третьестепенных фигур, вовлекая их в орбиту собственного безумия, приводя цитаты, анекдоты, наблюдения, покрывая целые страницы примечаниями, переходя от критики умеренности к хвалебным эклогам, от пророчеств Иезекииля к лакричному корню.

В каталоге находится также небольшая работа 1626 года, посвященная ордену Новых Рогоносцев — приводится его статут, описывается церемония посвящения и приводится история, возводимая к рогоносцам с Вавилонской башни. А в каталоге Шрайбера снова появилась книга, которая переиздавалась бесчисленное количество раз с 1714 года по начало XIX века, — «Неизвестный шедевр» Сен-Ясена, подписывавшегося Хризостом Матанисием^[211]. У меня она тоже есть, но это не редкая книга.

Scheiße — «дерьмо».

²¹¹ Речь идет о знаменитой в свое время книге-пародии на высокоученые комментарии к античным авторам.

Надо знать, что в иные времена то, что мы называем «паратекстом», то есть тексты, сопровождающие само произведение — рекламные объявления, рецензии, отзывы и т. д., — было частью самой книги. Заголовок обычно занимал целую страницу и служил самой настоящей аннотацией, выражавшей основную мысль произведения и объяснявшей его значимость, а само произведение предварялось целой серией стихотворных посвящений, здравниц и восхвалений, сочиненных друзьями автора.

Матанасий искрометно пародирует этот обычай — и сочиняет книгу, в которой предваряющие материалы, не говоря уж о послесловиях и об ответах на ответы (на разных языках, включая макаронические транслитерации с французского на древнееврейский), занимают едва ли не больше места, чем текст, являя собой настоящий парад эрудиции. Сам же текст — это просто-напросто циклопический комментарий к народной песенке в сорок строк.

Первое издание этой книги было достаточно скромным, но мало-помалу, от одного издания к другому (а при жизни автора их было восемь), она увеличивалась в размере благодаря участию других писателей-шутников, друзей автора. В моем издании, 1716 года, 300 страниц, а в издании 1756 года, описанном в каталоге, их 528.

Здесь я прервусь — и надеюсь, что эта краткая подборка поможет по крайней мере утешиться тем, кто жалуется, будто сейчас издается слишком много ненужных книг.

1993

Какая гадость эта Пятая симфония

«Я, наверное, чего-то недопонимаю, но у меня в голове не укладывается, зачем этому господину нужно на тридцати страницах описывать, как он ворочается в кровати перед сном». По этой самой причине рецензент издателя Оллендорфа отверг «В поисках утраченного времени» Пруста. Такой суровый приговор профессионального читателя не мог не попасть в забавный сборник суждений о литературе и письменных отказов („Rotten Rejections”^[212]), который Андре Бернар составил для «Пашкарт пресс».

В сборнике указываются авторы, названия книг и даты, но не имена издателей, отвергших рукопись. Но в начале книги приводится список издательств и журналов, замешанных в этом деле, и мы видим, что туда попали все, от «Фабер-энд-Фабер» до «Даблдэй», от «Нью-Йоркера» до «Ревю де Пари». В 1851 году по поводу «Моби Дика» в Англии было высказано следующее суждение: «Не думаем, чтобы эта вещь пользовалась спросом на рынке детской литературы. Роман длинный, стиль устаревший, и нам кажется, что книга не заслуживает той репутации, какой, по-видимому, пользуется». В 1856 году «Госпожа Бовари» Флобера была отвергнута со следующим сопроводительным письмом: «Сударь, вы похоронили ваш роман в ворохе деталей, хорошо выписанных, но совершенно излишних». Первая рукопись стихов Эмили Дикинсон была отвергнута в 1862 году со следующей надписью: «Сомневаюсь. Все рифмы неправильные».

²¹² «Обидные отказы» (англ.).

А вот примеры, относящиеся к нашему, XX веку. Коллетт, «Клодин в школе», 1900: «Не удастся продать и десяти экземпляров». Генри Джеймс, «Священный источник»: «Решительно действует на нервы. Совершенно невозможно читать. Напряженность стиля доходит до невероятных пределов. Нет сюжета». Макс Бирбом, «Зюлейка Добсон», 1911: «Не думаю, чтобы это нас заинтересовало. Автор более пользуется уважением у самого себя, чем у окружающих, и не добился заметных успехов в литературной работе». Джеймс Джойс, «Герой Стивен», 1916: «В конце книги все рассыпается на части. И письмо, и идеи разрываются на сырые куски, как ракеты для фейерверка, когда порох совсем промок». Фрэнсис Скотт Фитцджеральд, «По эту сторону Рая», 1920: «Эта история не имеет конца. Ни характер, ни карьера главного героя никак не оправдывают финала. Короче говоря, мне кажется, что сюжет провисает». Фолкнер, «Святилище», 1931: «Боже мой, Боже мой, мы не можем это напечатать. Нас всех посадят в тюрьму».

Джордж Оруэлл, «Скотный двор», 1945: «Истории о животных в США будет невозможно продать». О «Молло-е» Бекетта, 1951: «Бессмысленно даже и думать о публикации: дурной вкус американских читателей не совпадает с дурным вкусом французского авангарда». О «Дневнике» Анны Франк, 1952: «Кажется, эта девушка не видит и не чувствует, как можно поднять эту книгу над уровнем обыкновенного курьеза». Уильям Голдинг, «Повелитель мух», 1954: «Нам кажется, что вам не удалось до конца раскрыть, в общем-то, многообещающую мысль». Набоков, «Лолита», 1955: «Все это следовало рассказать психоаналитику; может, автор так и поступил, а потом облек свою исповедь в роман, где есть прекрасно написанные пассажи; но в целом от такой книги стошнит даже самого

просвещенного фрейдиста... Предлагаю похоронить ее на тысячу лет». Малькольм Лоури, «Под вулканом», 1947: «Отступления, показывающие прошлую жизнь персонажей, а также их мысли, прошлые и будущие, и их чувства, скучны и малоубедительны... Книга слишком длинная и слишком тщательно обработанная для того, что хочет сказать автор». Джозеф Хеллер, «Уловка-22», 1961: «Я просто не могу понять, о чем этот человек хотел написать. Американские солдаты в Италии спят с женами друг друга и с какими-то итальянскими проститутками, причем все это никому не интересно. Автор, наверное, хотел развлечь; может быть, он пишет сатиру, но ни на каком интеллектуальном уровне это не вызовет смеха. Там есть две находки, обе самого дурного вкуса, и автор неустанно к ним возвращается... Бесконечная скука».

Г. Дж. Уэллс, «Машина времени», 1895: «Малоинтересно для обычного читателя и недостаточно глубоко для ученого». А «Война миров» того же автора была отвергнута в 1898 году со следующим вердиктом: «Непрекращающийся кошмар. Это не пойдет. Думаю, вывод должен быть вот каким: пожалуйста, не читайте эту жуткую книгу». «Добрая земля» Пирл Бак, 1931: «К сожалению, американскому читателю совершенно неинтересно что бы то ни было, связанное с Китаем». «Досье „Ипкресс“» Лена Дейтона, 1963: «Он не только увязает на полпути, но и постоянно тратит время на несущественные детали. Кажется, у него нет ни малейшего представления о ритме повествования, он упивается словами, стилистическими изысками, и от этого просто становится дурно». Ле Карре, «Шпион, пришедший с холода», 1963: «Отправим его восвояси с наилучшими пожеланиями. У Ле Карре нет будущего».

Читая эти суждения, я вспомнил книгу «Слово экспертам» Кристофера Серфа и Виктора Наваски, изданную по-итальянски в 1986 году издательством «Фрассинелли». Там были преданы гласности сногшибательные ляпы во всех областях, от науки до политики; был там, разумеется, и раздел, посвященный литературе, изобразительным искусствам, кино и театру, причем указывались источники самых разных суждений, в том числе и издательских. Опускаю внутренние рецензии, опираясь на которые книги были отвергнуты (их тон точно такой же, как и в сборнике Бернарда), и перехожу к рецензиям или критическим обзорам, так или иначе опубликованным.

Оноре де Бальзак: «В его романах ни в чем не виден дар воображения, ни в сюжете, ни в персонажах. Бальзак никогда не займет заметного места во французской литературе» (Эжен Пуату, «Ревю де де монд», 1856). Эмили Бронте: «В „Грозном перевале“ недостатки, которыми грешит „Джен Эйр“ (роман сестры Эмили, Шарлотты), проявлены в тысячу раз сильнее. Единственное, что, по зрелом размышлении, может нас утешить, — это то, что роман никогда не станет популярным» (Джеймс Лоример, «Норт Бритиш ревю», 1849). Эмили Дикинсон: «Бессвязность и отсутствие формы в ее стихах — иначе не могу сказать — просто приводят в ужас» (Томас Бейли Олдрич, «Атлантик мансли», 1882).

Томас Манн: «„Будденброки“ — не что иное, как два толстенных тома, в которых автор рассказывает невыразительные истории о невыразительных людях в невыразительном стиле» (Эдуард Энгель, 1901). Герман Мелвилл: «„Моби Дик“ — жалкая, плачевная, плоская, даже смешная книга... А этот сумасшедший капитан просто до смерти скучен» («Саутерн куотерли ревю», 1851). Уолт

Уитмен: «Уолт Уитмен так же разбирается в искусстве, как свинья в математике» («Лондон критик», 1855).

Перейдем к музыке. Иоганн Адольф Шейбе утверждал относительно Баха в «Дер критише музикус», 1737: «Композиции Иоганна Себастьяна Баха абсолютно лишены красоты, гармонии, а главное — ясности». Луис Спор так определил Пятую симфонию Бетховена в рецензии на первое ее исполнение: «невероятно вульгарная оргия нестройного гвалта». Людвиг Реллштаб («Ирис им гебете дер тонкунст», 1833) писал, что если бы Шопен «представил свои сочинения на суд эксперта, тот бы их порвал... Я бы, во всяком случае, хотел так поступить». «Газет музикаль де Пари», 1853, писала, что «Риголетто» не имеет никакого мелодического плана. «Эта опера ни за что не сможет удержаться в репертуаре». С другой стороны, после «Амадеуса» (и комедии, и фильма) прогремело на весь мир суждение австрийского императора о «Свадьбе Фигаро» Моцарта: «Там слишком много нот».

Что же касается изобразительных искусств, то «Черчмен» от 1886 года пишет, что «Дега — сопливый мальчишка, сующий свой нос за кулисы и в гардеробные балерин, подмечающий в женщинах только самые мерзкие и оскорбительные черты и отображающий их в самом гротескном и извращенном виде». Луи Этьен («Ле жюри э лез экспозан», 1863) говорит о Мане, что «„Завтрак на траве“ — шутка дурного вкуса, непристойная картина, которую не следовало выставлять». Но на два последних суждения наложили печать моральные предрассудки, поэтому экспертов, изрекших такое, еще можно как-то оправдать. Вряд ли это относится к Амбруазу Воллару (торговцу произведениями искусства, который славился

своим чутьем): в 1907 году он отверг «Авиньонских барышень» Пикассо со словами: «Это — работа безумца».

Упомяну мимоходом о некоем Ханте, который в начале XIX века утверждал, будто Рембрандт не идет ни в какое сравнение с Риппинджилом (пусть читатель не комплексует, он не обязан знать, кто это такой)^[213]; но человек, несколько более известный, чем Хант и Риппинджил, уверял, что он «не видит причины упоминать имена Тициана и венецианцев, когда говорят о живописи. Это идиоты, а не художники». Но тут мы уже заходим в область непонимания гениями работ друг друга; достаточно будет нескольких примеров. Эмиль Золя после смерти Бодлера выдал вот какой некролог: «Через сто лет „Цветы зла“ будут помнить не иначе как некий курьез». Мало ему было стереть в порошок Бодлера, так он еще говорит о Сезанне: «У него были все задатки великого художника, но ему не хватило силы воли, чтобы стать таковым». В дневнике Вирджинии Вулф читаем: «Только что закончила „Улисса“ и считаю роман неудачей... Он велеречив и неприятен. Это грубый текст, не только в смысле содержания, но и с литературной точки зрения». Чайковский в своем дневнике пишет о Брамсе: «Я долго изучал музыку этого плута. Низкопробный ублюдок». Дега советовал одному коллекционеру относительно Тулуз-Лотрека: «Покупайте Морена! Лотрек не переживет своего времени!» Мане сказал Моне о Ренуаре: «У парня нет ни проблеска таланта».

²¹³ Я, разумеется, жду в скором времени письма от читателя, изумленного, как это я не знаю Риппинджила, и ссылающегося на какой-нибудь антикварный том, в котором об этом деятеле подробно рассказывается; так что мы наконец узнаем, по какой причине Рембрандт не стоит ломаного гроша (*прим. автора*).

Не будем строго судить о мнениях, продиктованных скорее деловым чутьем, чем эстетическим вкусом; они войдут не в историю искусства, а в историю шоу-бизнеса. Ирвинг Талберг, режиссер «Метро», отговаривал всех и каждого покупать права на «Унесенных ветром», уверяя, что «ни один фильм о гражданской войне никогда не принес ни цента»; а Гэри Купер, отказавшись от роли Рета Батлера, заявил: «„Унесенные ветром“ будут самым сокрушительным провалом в истории Голливуда. Меня радует, что все шишки посыплются на Кларка Гейбла, а не на Гэри Купера». А посмотрев пробу Кларка Гейбла в 1930 году, Джек Уорнед сказал: «И куда мне девать парня с такими ушами?» Снова режиссер «Метро», после пробы Фреда Астера в 1928 году: «Он скверно играет, не умеет петь и к тому же лысый. Может как-то выкарабкаться за счет танца». Тут он, если хорошенько подумать, не совсем ошибся. Но в общем и целом заблуждался.

Для меня также более чем оправданно мнение Сэмюэля Пеписа (из «Дневника», 1662) о «Сне в летнюю ночь»: «Это — самая глупая и смешная пьеса, какую я видел за всю мою жизнь». Пепис неоценим как летописец тогдашних нравов, но его дело — щупать задницы служаночкам, а не разбираться в искусстве. С другой стороны, его глухота напоминает нам, что в некоторые эпохи даже самые великие авторы, уже причисленные к классикам, перестают цениться (например, Данте в XVIII веке).

Больше всего в этих сборниках нас поражают суждения о современниках, вынесенные по горячим следам. Они как будто предупреждают нас о том, что произведениям искусства, как винам, нужно дать отстояться.

1993

Ночь была темной и ветреной. А какого числа?

Мне в руки попала книга, озаглавленная «Игра в рассказанные дни — критическая антология воображаемого времени», автор которой, Тони А. Брици, выступает только как составитель. Хотя для того, чтобы подобрать эти 367 страниц, требуется больше труда, чем если написать их самому: он нашел для каждого дня в году страницу романа, где упоминается именно это число.

Я сказал — 367 страниц (не считая 18 страниц подробнейшей библиографии), — значит, год високосный. Он начинается с Набокова, который объявляет, что Лолите должно было сравняться тринадцать лет 1 января, 29 февраля принадлежит Рексу Стауту («Сознаюсь, что 29 февраля 1967 года я ударил свою свояченицу Изабель Керр пепельницей и убил ее»^[214]), а 31 декабря появляется дважды, первый раз благодаря Жозе Сарاماго, а второй — когда год «кусает себя за хвост» и входит в первое января, потому что в отрывке Марко Лодоли говорится о встрече 2000 года.

Такая подборка не делается за несколько месяцев. И не думаю, что она была задумана специально. Она родилась сама собой, из любви к времени, или, более точно, — к тем временным меткам, которые в теории литературы именуются хрононимами (а если у Оскара Уайль-

²¹⁴ Эко или составитель цитируемой им антологии лукавит. Понятно, что нечетный 1967 год никак не может быть високосным. Точная цитата из книги Рекса Стаута «Смерть содержанки» звучит так: «Сознаюсь, что в субботу, 29 января 1966 года, я ударил пепельницей по голове свою свояченицу, Изабель Керр, и убил ее» (пер А. Санина).

да герой пересекает девятого ноября Гровнер-сквер, — хрононим становится также топонимом.)

Тони Брици должен был начать, уж не знаю как давно, отмечать во время чтения книг все случаи, когда упоминалась та или иная дата. Но могу себе представить, что он чувствовал, когда под конец не мог найти, например, 25 мая. Что прикажете делать? Перерыть всю Библиотеку Вавилона? Уж не знаю, как он поступил, но вот вам, пожалуйста, — Ямайка Кинкейд^[215] рассказывает некоей Люси, что появилась на свет именно в этот день. Ура.

Мало того, когда Брици находит дату, относящуюся к восточным календарям, он переводит ее в современный европейский вид, но сохраняет в первоизданном виде даты, подсчитанные после Рождества Христова, но до грегорианской реформы. Таким образом, Беатриче из Дантовой «Новой жизни» умирает девятого июня, а Изиды, по свидетельству Апулея, занимает пятое марта.

Больше всего в этой изящной и совершенно сумасшедшей затее подкупает ее абсолютная самодостаточность. Действительно, Брици в коротком предисловии не пытается дать какого-то критического обоснования. Просто замечает, что Стендаль, Жюль Верн, Табуки, Буццати или Вирджиния Вулф изобилуют датами, в то время как Кафка, Конард, Джеймс, Павезе и Кундера мало интересуются календарем. Но не переживайте, по крайней мере в «Замке» Кафки упоминается третье июня.

Это все мало говорит о стиле или о поэтике автора. Скорее дает повод задуматься читателю, а еще больше — писателям, которые могут спросить себя, что дает им

²¹⁵ Ямайка Кинкейд (р. 25 мая 1949) — американская романистка родом с Антигуа.

указание даты. Для некоторых из них это элемент техники верификации, придания истории правдоподобности. Он как бы говорит читателю: «Смотри сам, я говорю о вещах, которые происходили в нашем мире». Существуют авторы, которые указывают точную дату описываемых событий по заклинательно-сентиментальным соображениям — это может быть день, когда с ними (а не с персонажами) случилось что-то восхитительное, и иной хроним, сохраненный почти случайно, может сыграть роль нового объяснения в любви.

Порою начальная дата обуславливает дату финальную. Рассказчик может выбрать дату так, чтобы создать себе затруднение. Потом все расчеты должны сойтись, определенные вещи непременно должны произойти если не в определенный день, то хотя бы в определенное время года. Необходимо выбрать себе дату, как музыкант выбирает тональность или поэт раньше выбирал себе опорную рифму. Такое «затруднение» кажется мне очень важным, потому что фантазия может развернуться только среди петель конструкции. И кто знает, сколько авторов этой антологии страдали от дат, которые они сами назначили. Или поменяли в последний момент, чтобы концы сошлись с концами.

Любопытно, что, приводя три великолепные цитаты из Дюма, Брици пренебрегает тем роковым первым понедельником апреля 1625 года, с которого начинаются «Три мушкетера»^[216]. Услужливый электронный календарь подсказывает, что речь идет о седьмом числе (на

²¹⁶ Первая фраза романа гласит: «В первый понедельник апреля 1625 года все население городка Мента, где некогда родился автор „Романа о розе“, казалось взволнованным так, словно гугеноты собирались превратить его во вторую Ла-Рошель».

которое, однако, «выпал» Даррелл). Но разумеется, история д'Артаньяна, начавшись в 1625 году, требует, чтобы Ришелье подписал в 1627 году охранную грамоту Миледи. У Брици это случается 3 декабря, и действительно, об этом говорится в главе 45. Но, увы, в финальной главе, когда д'Артаньян показывает роковую записку кардиналу, на ней стоит дата 5 августа 1628 года. Вот и верь хрононимам. Или Дюма.

1994

Интеллектуал как бутоньерка

Теперь, когда предвыборные партийные списки сформированы, любопытно было бы вернуться к дискуссии о том, следует ли интеллектуалам баллотироваться от различных партий. Прежде всего — кто такие интеллектуалы? Если это те, чья работа — думать, говорить и писать, то в таком случае интеллектуалами являются и министр, и директор банка. Но обычно речь идет о тех, кто по роду деятельности пишет, рисует, играет в пьесах или на музыкальных инструментах, занимается научными исследованиями или преподает. Но если это так, то возникает вопрос — зачем им заниматься политической деятельностью?

Речь не идет о том, должны ли они интересоваться политикой; они делают это, пускай даже непроизвольно, а с другой стороны, должны заниматься ею сознательно и довольно часто, потому что организация исследовательской работы или поддержка европейского кинематографа — это тоже проблемы политические.

Вопрос скорее стоит так: почему интеллектуал должен решиться бросить свое занятие и посвятить себя политике, которая, если относиться к ней серьезно, сама по

себе является работой на полный рабочий день? На уровне отдельной личности понятно, что любой человек, будь то поэт или судья, имеет право сменить профессию. Но речь идет о проблеме в целом. Смотрите: если интеллектуал плохо выполняет свои обязанности интеллектуала, непонятно, зачем он нужен в роли мэра или законодателя, — ведь существует опасность, что там он тоже будет плохо справляться. Если же он выполняет их хорошо, непонятно, зачем обществу лишать его работы в привычной сфере, где он делает что-то полезное, и отправлять заниматься тем, чего он не умеет.

Если у нас есть хороший школьный учитель, хороший арт-критик, хороший ученый, зачем лишать их своих занятий и превращать в пешек? Бенедетто Кроче имел больше влияния на политику, будучи двадцать лет вне политики, чем когда он позволил затащить себя в правительство^[217].

О чем-то подобном очень ясно сказал Ваттимо^[218] в «Стампе» 19 февраля, комментируя интервью Адорнато^[219]. Ваттимо (а не я, поскольку я не читал этого интервью) заключает свой комментарий обвинением в трусости, лени и уклонении от своих обязанностей. Лично я не

²¹⁷ *Бенедетто Кроче* (1866–1952) — критик, историк искусства и философ, активно занимался политической деятельностью всего несколько лет, выступая посредником между политическими силами в период образования Итальянской республики (1943–1946).

²¹⁸ *Джанни Ваттимо* (р. 1936) — итальянский политик и философ левой ориентации, в 2005 г. баллотировался в мэры небольшого городка в своей родной Калабрии, протестуя таким образом, по его собственному заявлению, против «интеллектуальной деградации» властей.

²¹⁹ *Фердинандо Адорнато* (р. 1954) — итальянский политик, один из лидеров правой партии «Форца Италия».

говорю, что надо возвращаться к стенаниям о «предательстве грамотеев» (которые, позволю себе напомнить мнение Жюльена Бенды^[220], совершали его, занимаясь политикой, вместо того чтобы держаться от нее в стороне) или к витториниевским нападкам на «интеллектуалов-почвенников», которые трещотками встречали революцию^[221]. Но если у интеллектуала и есть какая-то задача, то она состоит именно в том, чтобы методично, день за днем заниматься критикой — и прежде всего своих собственных коллег. И если он чувствует себя обязанным воплотить свои идеи на практике, пускай делает как Адорнато. По-моему, он хорошо сделал. Не потому, что он смелее других, а потому, что следует своему призванию.

В «Републике» в воскресенье 20 февраля Себастьяно Вассали^[222] говорил о том, что итальянские интеллектуалы не имеют никакого отношения к проблемам страны. Я с ним не согласен. Каждый на свой лад, Моравиа, Шаша или Пазолини (и даже Кальвино, живя в Париже) делали так, что их мнение по насущным вопросам оказывалось услышанным. Даже этот крайне неудачный лозунг «ни с государством, ни с „красными бригадами“» выражал политическую позицию — ошибочную, на мой взгляд, но выражал. Вассали утверждает, что от политики в стороне держались даже авангардисты из «Группы 63». Я

²²⁰ *Жюльен Бенда* (1867–1956) — французский философ и писатель. Речь идет о его известном в свое время эссе «Предательство клерков» (1927).

²²¹ В 1951 г. писатель Элио Витторини опубликовал в газете «Стампа» статью, в которой темпераментно объяснял причины выхода из итальянской компартии многих писателей и свой собственный.

²²² *Себастьяно Вассали* (р. 1941) — итальянский писатель, в 1970-1980-е годы — рьяный авангардист.

бы так не сказал. Надо помнить не только Сангвинетти (как делает Вассали) или хотя бы Арбазино (который был членом парламента), но также и Балестрини, занимавшегося политикой (даже чересчур), или Порту, который страстно отстаивал свои политические взгляды (не принадлежа формально ни к одной партии) и трактовал политику в самом широком смысле этого слова. Или, по-вашему, Гульельми^[223], расставляя акценты в своих передачах, не приобрел никакого веса в нашей стране? С его пристрастиями можно соглашаться или не соглашаться, но они всегда интересны.

Вопрос, таким образом, сводится к следующему: откуда берется это пренебрежение, с которым интеллектуалы относятся к работе (серьезной и важной) парламентария? Почему с уходом Великих Стариков (вроде того же Кроче) больше нет харизматических персон, более-менее интеллектуальных, готовых представлять публике свои идеи, свои труды и свои лица, отмеченные этой самой харизмой? Если дело в этом, то это проблема, с одной стороны, самого класса политиков, с другой — дурной привычки электората голосовать за лицо, за обещание развлечения, а не за политическую программу или серьезную работу.

Задача интеллектуалов — добиваться создания класса выборных политиков (а то и участвовать в его формировании), а не быть цветочком для бутоньерки, просто чтобы петличка не пустовала.

1994

²²³ Анджело Гульельми (р. 1929) — литературный критик, сооснователь (вместе с Сангвинетти и самим Эко) «Группы 63». С 1984 по 1997 г. возглавлял телеканал RAI 3, сумел существенно поднять его рейтинг, вводя новаторские передачи (в частности — «реалити-шоу»).

Первый долг интеллектуала: молчать, когда от него нет проку

Я прошу прощения за заезженную цитату: «Несчастлива та страна, которой нужны герои»^[224], но герой — это мифологический персонаж, наделяемый сверхъестественными способностями, позволяющими ему вершить то, что не под силу простым смертным. Взывать к нему — значит обнаруживать синдром импотента, верить, что это может быть извинением, когда ничего не делается. Если где-то не функционирует железная дорога, надо не взывать к герою-спасителю, а выяснить, кто виноват — местная администрация, центральное руководство или же кто-то еще. Одна из самых патетичных поз XX века (думаю, что виноват в этом Жюльен Бенда) — жаловаться во время какого-либо социального или политического кризиса на предательство интеллектуалов или же взывать к ним за разрешением всех трудных вопросов. Как-то раз Жак Аттали^[225] созвал в Париже невероятных размеров конгресс, озаглавленный «Интеллектуалы и кризисы нашего века». Мое участие в нем ограничилось несколькими словами: «Поймите, что назначение интеллектуала — создавать кризисы, а не разрешать их». Создавать кризисы — это совсем не так уж плохо. Ученые, философы, писатели творят, чтобы сказать нам: «Вы думаете, что дела обстоят таким-то образом, но вы тешите себя иллюзиями, потому что на самом деле все неизмеримо сложнее». Так делали все интеллектуалы, которых мы проходили в шко-

²²⁴ Афоризм Бертольда Брехта.

²²⁵ Жак Аттали — советник президента Франции в 1981–1991 гг., президент Европейского банка реконструкции и развития в 1991–1993 гг.

ле, их звали Парменид, Эйнштейн, Кант, Дарвин, Макиавелли или Джойс.

Если мы прислушиваемся к тому, что они говорят (когда им это удастся), то интеллектуалы полезны для общества — но только в долгосрочной перспективе. В краткосрочной же перспективе они могут быть только профессионалами слова и научных исследований — руководить учебным заведением, заниматься партийным или корпоративным пиаром, трубить в революционный горн, но не раскрывая при этом своей особой функции. Слова о том, что интеллектуалы работают на долгосрочную перспективу, подразумевают, что они проявляют свою функцию до или после, но никогда не во время событий. Экономист или географ могли предупредить о преобразовании наземного транспорта в момент появления паровой машины, могли проанализировать будущие преимущества и недостатки этого преобразования — или же провести сто лет спустя исследование, чтобы показать, как это изобретение революционизировало нашу жизнь. Но в тот самый момент, когда разорялись дилижансные конторы или первые локомотивы застревали на полпути, им нечего было сказать по этому поводу — во всяком случае, меньше, чем кучеру или машинисту, и требовать от них окрыляющих слов в такой ситуации — все равно что укорять Платона за то, что он не предложил лекарства от гастрита.

Когда горит дом, интеллектуал может только стараться вести себя как нормальный человек, наделенный здравым смыслом, как все; если же он вздумает возложить на себя особую миссию, то сильно ошибется, а тот, кто будет к нему взывать, — просто истеричка, забывшая номер пожарной службы.

Проницательный социолог еще тридцать лет назад мог предсказать, что рост благосостояния, сопровождаемый оттягиванием момента, когда молодые люди приступают к работе, приведет к появлению специфической подростковой преступности (будь то наркотики или швыряние камней на дорогах), и предложить какие-нибудь меры к предотвращению этого явления. Но в тот момент, когда ребята сбрасывают камни с путепровода на проезжающие внизу автомобили, единственное, что можно требовать от интеллектуала, — это чтобы он не следовал их примеру. Если он напечатает гневный протест против камней на дорогах, то поведет себя не как интеллектуал, а просто злоупотребит всеобщим недовольством, чтобы покрасоваться перед публикой — да еще и положить себе в карман гонорар. На этом этапе спасения надо ждать не от интеллектуала, а от полицейских патрулей и судебной системы.

Только в одном случае у интеллектуала есть своя роль прямо во время разворачивающихся событий. Когда происходит что-то ужасное и никто не обращает на это внимания. Лишь тогда протест может послужить предупреждением. Конечно, свое возмущение может с равным успехом выразить кто угодно, хоть сантехник, но публичность фигуры может сделать протест более значимым (вспомним „J'accuse“^[226] Золя). Но подобные акции имеют смысл, только если никто еще не заметил: что-то идет не так. Если же проблема известна всем, интеллектуалу ку-

²²⁶ «Обвиняю» (*фр.*) — ставший нарицательным заголовок открытого письма Эмиля Золя президенту Форю (1898), с которого началась общественная кампания в защиту офицера французского генерального штаба Альфреда Дрейфуса, несправедливо осужденного в 1894 г. на пожизненную каторгу за шпионаж в пользу Германии, причем одним из основных «аргументов» якобы совершенного Дрейфусом предательства стало его еврейское происхождение.

да лучше будет не загромождать попусту (говоря вещи, известные даже его привратнику) страницы газет и журналов: лучше использовать их для более неотложных новостей и дискуссий. Достаточно просто вести себя так, как подобает вести себя любому сознательному гражданину в подобных обстоятельствах.

1997

Сколько книг мы не прочитали?

На Туринском книжном салоне среди различных интеллектуалов был проведен опрос, чтобы выяснить: какие книги они никогда не читали? Как и можно было ожидать, ответы сильно разнились, но, похоже, ложного стыда никто из опрошенных не испытывал. Выяснилось, что одни не читали Пруста, другие — Аристотеля, третьи даже Гюго и Толстого или Вирджинию Вулф, а один почтенный библеист признался, что никогда не читал полностью, от начала до конца, «Сумму теологии» Фомы Аквинского, — что более чем естественно, ведь сочинения такого рода внимательно читают от первой до последней страницы лишь те, кто готовит их научные издания. Некоторые не проявляли сожалений по поводу непрочитанного Джойса, другие заявляли, что никогда не читали Библию (не осознавая, что подобные лакуны их не выделяют, а наоборот, нивелируют). Политический обозреватель Джорджо Бокка утверждал, что бросил после нескольких страниц и мой последний роман^[227], и «Дон Кихота», и я, конечно, чрезмерно польщен таким незаслуженным соседством. С другой стороны, слишком много

²²⁷ «Остров накануне» (1994).

читать, как сам Дон Кихот, приводит к разжижению мозга.

Я думаю, что этот опрос чрезвычайно любопытен для обычных читателей. И в самом деле, ведь они (если говорить о читателях, а не о тех, кто разучился читать) живут с постоянным чувством стыда из-за всех тех недочитанных книг, которые, как уверяет общественное мнение, никак нельзя было пропустить. И когда прославленные ученые мужи признаются в своем глубоком невежестве, это не может не утешить.

Правда, я опасаясь вот чего: что обычные читатели принимают эти заявления за проявления снобизма — то есть что опрошенные на самом-то деле прочитали все эти книги, о которых они говорят, будто не читали. Если это так — такой читатель не просто не преодолел комплекса неполноценности, но и сам возвращает свои комплексы. Ведь тем самым он исключает себя из числа тех избранных, которые могут без смущения признаться в том, что они не читали Д'Аннунцио, не чувствуя себя при этом пещерным человеком.

Так вот, я хочу ободрить нормального читателя: то, что опрошенные не читали эти (и многие другие) книги, — это сущая правда. Могу также добавить, что, если бы мне пришлось отвечать на такой вопрос, я бы сам ужаснулся, перечисляя бессмертные творения, никогда не возбуждившие во мне никакого желания вступить с ними в какие-либо отношения.

Возьмем наиболее полную литературную энциклопедию — «Словарь произведений», выпущенный «Бомпиани». Тома, содержащие разделы «Авторы» и «Персонажи», насчитывают 5450 страниц. Прикинув на глаз три произведения на страницу, получим 16350 произведений.

Представляют ли они все когда-либо написанные книги? Ни в малейшей степени. Достаточно пролистать каталог древних книг или просто картотеку любой крупной библиотеки, чтобы увидеть себя безоружным перед книгами с такими названиями и посвященными таким материям, о которых словарь «Бомпиани» даже не упоминает, — будь в нем хоть пять, хоть пятьдесят тысяч страниц. Это и не удивительно: энциклопедии такого рода фиксируют только произведения, которые образуют Канон — то, что осталось в культурной памяти и считается необходимым для образованного человека. Все остальное оказывается (заслуженно или незаслуженно) заповедным угодем для ученых специалистов, эрудитов и библиофилов.

Сколько времени нужно, чтобы прочитать книгу? По-прежнему смотря на это дело с точки зрения обычного человека, который посвящает чтению несколько часов в день, я бы отвел на том средней толщины по меньшей мере четыре дня. Конечно, есть Пруст или Фома Аквинский, на которых требуются месяцы, но есть и такие шедевры, на которые хватит дня. Так что будем считать в среднем четыре дня. Так вот, четыре дня на каждое из произведений, приведенных в словаре «Бомпиани», дадут в итоге 65400 дней; разделите на 365 и окажется, что это почти 180 лет. Ничего не попишешь: никто не прочел и не в состоянии прочесть все книги, которые того заслуживают.

И бесполезно говорить, что, конечно, приходится выбирать, но уж Сервантеса-то надо прочесть обязательно. Почему, собственно? А если для какого-то читателя гораздо важнее (и насущнее) «Сказки тысячи и одной ночи» (все) или «Калевала»? Не говоря уж о хорошо выдержанных читателях, которые любят по многу раз перечитывать полюбившееся произведение; а ведь те, кто по

четыре раза читал Пруста, потеряли немислимое множество часов, которое они могли бы посвятить другим книгам — видимо, не столь важным для них.

Так что я хочу успокоить читателей. Можно быть образованным и прочитав десять разных книг, и прочитав десять раз одну книгу. Беспокоиться надо только тем, кто вообще книг не читает. Но именно по этой причине они-то как раз — единственные, кто совершенно спокоен.

1997

Этика, эстетика и аэрозоль

Кажется, миланские коммерсанты заявили протест против тех, кто рисует на стенах, и вслед за этим в «Коррьере дела сера» от 26 февраля появилось письмо к мэру, которое подписал Алессандро Алеотти, он же Дж. Экс, «рэпер хип-хоп группы „Статья 31“»^[228]. Экс пишет, что собирается защищать не вандалов, которые карябают непристойные фразы, политические лозунги и всяческую чепуху, но тех, кто предаётся «искусству аэрозоли», настенной живописи будущего; они — «Джотто, Микеланджело и Пикассо наших дней». И он в своем письме просит мэра уважать это искусство, не преследовать его, а поощрять.

За мою жизнь мне довелось видеть и великолепные, и безобразнейшие настенные росписи, как это бывает в любом искусстве, и я готов безоговорочно признать, что художники, перечисленные Эксом, — Джотто и Пикассо наших дней. С другой стороны, возражения эстетическо-

²²⁸ Алессандро Алеотти (Дж. Экс) (р. 1972) — итальянский рэп-, затем рок-музыкант; название его группы намекает на 31-ю статью конституции Ирландии о свободе выражения.

го порядка, какие обычно адресуются авторам граффити, или «райтерам», как они любят себя называть, выглядят довольно хило. Не стоит нападать на «райтеров», заявляя, что их творения повторяют одно другое, их невозможно друг от друга отличить и качество их зависит скорее от орудия, чем от творческих способностей автора. Вам легко могут возразить, что есть культуры, в которых основным является искусство каллиграфии, построенное на повторении и, конечно же, зависящее от качества пера либо кисточки; что традиционалисту все полотна Мондриана кажутся одинаковыми; возможно, он даже не отличит Мондриана от Малевича. И не стоит говорить, что в подобной форме эстетического творчества сам факт оказывается важнее результата, быстрота исполнения ценится больше, чем кропотливая отделка, свершение оказывается важнее художественной формы. Ибо такова во многом природа современного искусства, и непонятно, почему мы должны осуждать «райтера», который под угрозой ареста брызгает краской на стенку вагона, а потом с восторгом встречать артиста, который режет свое тело, протыкает язык или приводит на перформанс собственную бабушку, надев ей на голову пластиковый мешок, — единство образа бабушки, разрушающее постоянство рукотворного в неповторимости события.

Дело в том, что эта проблема имеет не столько эстетический, сколько этический характер. Я уже цитировал в какой-то «картонке» любопытное суждение Канта о том, что музыка — искусство не столь благородное, как живопись, ибо досаждала человеку, который не желает ее слушать, и я всегда приписывал данное мнение тому, что великий философ не имел особой склонности к музыке. Но если отвлечься от эстетических классификаций, то Кант попросту выразил физический закон, касающийся

восприятия: звуковые стимулы действуют сильнее, чем зрительные. В самом деле, если сосед развесит у себя дома картины, оскорбляющие наш эстетический вкус, мы не станем ходить к нему в гости, а если все-таки придется, будем смотреть в пол; но если сосед поставит на полную громкость музыку, которая, может быть, нам тоже нравится, но которую мы в данный момент слушать не хотим (мы спим, или работаем, или у нас болит голова), мы стучим в стену, требуя, чтобы он не навязывал нам свои вкусы.

Вот почему даже Шопен наших дней, живи он в кондоминиуме, не имел бы права играть прелюдию «Капли дождя» в четыре часа утра. Его быстренько выставили бы за дверь: пусть убирается к Жорж Санд.

Что бы произошло, если бы настоящие Джотто и Пикассо стали расписывать по собственной инициативе дворцы Флоренции или Парижа? А произошло бы вот что: те, кто не любит зрительные искусства или предпочитает либо Чимабуэ, либо Альму Тадему, ужасно бы разозлились. Разумеется, мы бы сегодня наслаждались изумительной живописью, забывая о страданиях современников и полагая, что страдания эти мало значат по сравнению с величием искусства. Но то же самое, только в других масштабах, было бы, если бы body-artist принес на олимпийский стадион сотню новорожденных, посадил их на кол, обмазал смолой и поджег. В эстетическом плане зрелище, возможно, было бы неповторимое, но с точки зрения морали никто бы его не допустил, и мы бы сказали, что в некоторых случаях права искусства вступают в противоречие с правами человека.

Мы полагаем, что следует учить наших граждан ценить искусство во всех его формах, но при этом не счита-

ем, будто необходимо хватать каждого десятого, заковычивать его в цепи и запирают на всю ночь в галерее Брера перед «Бракосочетанием Девы Марии». Точно так же не следует навязывать горожанам галерею авангардистской живописи на стене их собственного дома, да и прохожих ни к чему заставлять смотреть на произведения, которые, возможно, им вовсе не по душе.

Если завтра, что вполне вероятно, родится такой вид искусства, как живопись аэрозолем на одежде, согласимся ли мы, чтобы художники, пусть самые прекрасные, брызгали нам краской на спину пиджака или на ширинку? А если прохожий предпочел бы Аннигони^[229]?

Заказы, как от городских властей, так и от частных лиц, всегда служили фильтром, выбирая и место, и художника. Никто не говорит, что произведения искусства всегда заказывались лучшим (в конце концов, никто не может гарантировать, что Джотто не был предпочтен другому художнику, еще более великому, и тот, всеми забытый, умер в нищете), но по крайней мере благодаря такой практике стены Флоренции (или Ассизи, или Падуи) не испещрены попытками самовыражения какого-нибудь мазилки, пусть даже средневекового. Не исключено, что на протяжении веков немало площадей было загублено ужасными скульптурами, но по крайней мере такие преступления совершались не везде, а только в определенных местах.

Наивные читатели подумают: пусть тогда городская администрация выделит определенную площадь и устро-

²²⁹ *Пьетро Аннигони* (1910–1988) — всемирно известный итальянский портретист, писавший в традиционной манере, автор портретов королевы Елизаветы II (который был тиражирован на банкнотах, имевших хождение в британских колониях), папы Иоанна XXIII и других выдающихся деятелей.

ит конкурс, дабы увидеть, кто может украсить стены хорошими фресками, а люди, проходя мимо, будут сами решать, остановиться ли им и посмотреть или припустить со всех ног. Но я все же полагаю, что Дж. Экс отказался бы подчинить «аэрозоль-арт» какой бы то ни было дисциплине и подвергнуть его отбору, ибо в поэтику аэрозоля входит как ее составная часть также и провокация, внезапность нападения, опасность того, что тебя заберет патруль (в самом деле, Экс воспекает «тех ребят, которые рискуют собой»), и свобода самовыражения вне какого бы то ни было контроля со сторон властей.

Со своей эстетически-героической точки зрения Дж. Экс, наверное, нрав. Но тогда зачем добиваться от мэра какого-то поощрения? Революция не делается с соизволения карабинеров.

1997

«Иоанн Креститель»

Искусство того, что называется editing, редактирование (то есть умение смотреть и пересматривать текст на предмет отсутствия — или присутствия в допустимых пределах — ошибок содержания, перевода или набора, которые не заметил сам автор), переживает плохие времена.

Несколько месяцев назад вышел французский перевод одной моей книги по средневековой эстетике, и какой-то дотошный читатель тут же указал мне, что, рассуждая о символике числа 5, я упоминаю о пяти казнях египетских, — в то время как их очевидным образом бы-

ло десять^[230]. Я был поражен, потому что помнил, что цитировал прямо из оригинального текста. Заглянув в итальянский текст собственной книги, я убедился, что речь идет не о казнях египетских, а о ранах Спасителя на кресте, которых действительно пять: руки, ноги и ребра^[231]. Переводчик увидел слово *riaghe* («раны, язвы, бедствия»), которым в итальянской Библии обозначаются и раны, и казни, и машинально добавил «...египетские». Я проверял перевод, но это место упустил. Возможно, я лишь бегло просмотрел фрагмент, устраивавший меня стилистически, а возможно, я что-то исправил строчкой выше, и две последующие строки ускользнули от моего внимания.

Примем как данность: автор, который во время писания или последующего чтения сосредоточен на смысле текста, — это человек, наименее всего годящийся для исправления собственных ошибок. В случае с моим «египетским делом» было по меньшей мере еще двое, кто должен был заподозрить неладное. Во-первых, — корректор (но это не его прямая обязанность), во-вторых, — как раз редактор, который, обнаружив любую отсылку в тексте, цитату, мало-мальски необычное имя, обязан был справиться в энциклопедии. Теоретически хороший редактор должен проверять все; даже если в тексте говорится, что Италия расположена к северу от Туниса, стоит посмотреть в атласе — а справедливо ли это утверждение для юга Сицилии?

Эта профессия переживает плохие времена не только в независимых издательствах. У меня перед глазами

²³⁰ Исх. 6:2–9:35.

²³¹ Ин. 20:20.

две книги, опубликованные двумя большими издательскими концернами. В переведенной с английского научно-популярной книге по истории говорится о том, что в Средние века пользовались огромным авторитетом два арабских философа — Авиценна и Ибн Сина. Шутка в том (и это многим известно), что Авиценна и Ибн Сина — это один и тот же человек (как Кассиус Клей и Мохаммед Али^[232]). Была ли это ошибка автора? Или переводчик перепутал союз *or* с союзом *and*? Произошел сбой в корректуре, из-за которого слетела строчка или скобки? Загадка. Как бы там ни было, редактор, даже если он ничего не знает об Авиценне, должен был проверить в энциклопедии, правильно ли написаны оба имени, и тогда ошибка всплыла бы.

В другой книге, переведенной с немецкого, я прежде всего наткнулся на «Симеона Стилитуса», то есть, очевидно, св. Симеона Столпника, но это еще цветочки. Позже я обнаружил «Иоанна Крестильщика», то есть буквальную кальку с немецкого „Johannes der Täufer“, как немцы называют Иоанна Крестителя. Переводчик, очевидно, знает немецкий, но, видимо, ни разу в жизни не сталкивался не то что с Евангелиями, но даже с календариками и детскими книжками про Иисуса. Мне это кажется поразительным, даже если предположить, что он вырос в буддийской семье. Но здесь, похоже, буддистами были также и корректор (хотя у него должен был зацепиться глаз), и прежде всего редактор. Хотя очевидно, что в данном случае редактора вовсе не было: кто-то ку-

²³² Американский боксер Кассиус Клей принял ислам и новое имя — Мохаммед Али. Ибн Сина и Авиценна — разные варианты транскрипции в европейских языках имени великого персидского философа и целителя (980-1037).

пил права на книгу, отдал ее переводить и прямиком заслал рукопись в печать.

Если вы отправляете рукопись в издательство при каком-нибудь американском университете (так называемые University Press), на издание книги уходит два года. За это время они делают полный *эдитинг*. Какая-нибудь глупость все равно ускользнет, но гораздо меньше, чем у нас. Эти два года работы стоят денег. Если же ваша цель выйти на книжный рынок с самыми свежими книгами или вы не можете себе позволить платить редактору, заслуживающему этого имени, — профессия редактора отмирает.

Поскольку, для того чтобы как следует все проверить, надо прочесть каждую строку, и поскольку автор ошибается чаще других, а редактор может ничего не знать об Авиценне, рукопись и гранки следует вычитывать разным людям, обращающим внимание на разные вещи. Такое еще бывает в издательствах, устроенных по семейному принципу, где текст заинтересованно обсуждается на всех стадиях. Но едва ли возможно в больших фирмах, где книги готовятся как на конвейере. Выход из положения в новых условиях — передавать книги в появляющиеся сейчас специальные студии *эдитинга*, где их любовно проверят слово за словом.

1997

Произведение и поток

Дело не в том, что я не написал на прошлой неделе свою «картонку», а в том, что по разнообразным и сложным причинам не смог ее отослать. Речь в ней шла о совещании, организованном 14 февраля на венецианском Биеннале по поводу слияния и сосуществования в одном

произведении различных видов искусств как о типичной характеристике нашего века. По этому поводу я сказал (и не все со мной согласились), что типичная характеристика современного искусства — вовсе не слияние различных его видов, потому что в этом нет ничего нового, а скорее принципиально новая цель, к которой стремится подобное слияние.

Я приводил примеры, от греческой трагедии (слово, действие, мимика, маски, музыка, архитектура) до барочных празднеств, включая в этот ряд и литургию, прекрасную торжественную мессу, в которой участвуют слово, пение, жесты, облачение; кроме того, прихожане взаимодействуют со священником, чьи слова или жесты побуждают к действию (заставляют подняться со скамьи, преклонить колени, ответить); немалую роль играет и сценография — свет, проникающий сквозь витражи, дрожащее пламя свечей, запах ладана. Этим я не хотел сказать, будто вечер в дискотеке (стробоскопические огни, танец, музыка, слово, движения и запахи тоже) равен церковной литургии, — нет, дискотека имеет больше общего с манифестациями, о которых говорил в Венеции Питер Гринуэй^[233]: с теми, что захватывают весь город, и на каждом углу с помощью бесконечно варьирующихся средств творятся многочисленные, разнообразные действия, потенциально не имеющие конца.

И вот мне показалось, что различие следует проводить между законченными произведениями (будь то опера в вагнеровском стиле или обычный роман, изданный без иллюстраций) и действиями-потоками, не имеющими начала и конца, из-за которых само понятие автора пере-

²³³ Питер Гринуэй (р. 1942) — английский кинорежиссер.

живает кризис. Если угодно, предвестником подобных беспрестанно струящихся действ-потоков можно назвать «Эйнштейна на пляже»^[234] Уилсона и Фосса: этот спектакль шел много часов, публика могла посмотреть кусочек, выйти, потом вернуться; потенциально эта вещь могла длиться до бесконечности, если бы только выдержали актеры. И все же в какой-то момент произведение кончалось, а значит, имитировало, предвещало возможность потока, но не являлось примером такового. Не являлось еще и потому, что в потоке должны участвовать все, уничтожая разницу между автором и потребителем.

Это никак не связано с моим давним концептом «открытого произведения», ибо открытым произведением может быть и сонет, имеющий начало и конец, и книга объемом в пятьсот страниц — важно, чтобы они поддавались различным прочтениям и интерпретациям. Но открытые произведения, о которых я тогда говорил, даже концерты и симфонии, которые в чем-то варьируются от вечера к вечеру по воле исполнителей, имеют пределы: попросту говоря, в какой-то момент они заканчиваются.

Ближе всего к потоку стоит действие, которое разворачивалось в борделях Нового Орлеана и из которого возникла такая разновидность джаза, как «джет-сейшн». На память приходят диски, которые так или иначе передают для нас те давно прошедшие вечера; но надо иметь в виду, что обычно исполнителей специально приглашают на запись, и они в каком-то смысле подводят итог, придают завершенность тому, что первоначально не имело границ, то есть сочиняют музыкальное произведение, которое напоминает «джет-сейшн», но не является тако-

²³⁴ Опера Филипа Гласса, поставленная Робертом Уилсоном, длится без перерыва примерно 5 часов.

вым. «Джем-сейшн» струится потоком потому, что в игру могут вступать все новые и новые музыканты; потому, что музыка связана с тем, что происходит в заведении; она может длиться вечно: люди входят, когда хотят, едят, пьют, выходят покурить, возвращаются, и это тоже является частью игры. Если вы запишете один час такого представления, а потом выпустите диск, получится произведение, а не действие, или завершённый образец действия-потока.

Представления-потоки артистичны, даже весьма креативны, они создают то, что одно время называли «рассеянной эстетикой», живут за счёт коллективных вложений, и трудно установить, кто является их автором или авторами (разве что человек, который придумал идею и запустил цепную реакцию). Но они создаются не для того, чтобы их созерцать и интерпретировать, а для того, чтобы их проживать. Горе тому, кто выйдет из круга, чтобы посмотреть. Они не имеют ничего общего с произведениями другого типа, когда читателя или зрителя подталкивают к диалогу с чем-то уже сделанным, пусть сколь угодно туманно и беспредметно; и все-таки его понуждают к интерпретации, а иногда, как в романах или драмах (лирических или нет), сталкивают его лицом к лицу с образом судьбы, которую наметил для него кто-то другой. Нет никаких причин к тому, чтобы эти два типа художественного опыта не могли сосуществовать.

1998

Так что такое постмодернизм?

Постмодернизм — одно из самых сбивающих с толку слов, какое только можно придумать. Не только потому, что разные авторы вкладывают в него разный смысл, но

и еще и потому, что многие из тех, кого считают постмодернистами, обижаются, когда им это говорят (правда, не все; некоторые радуются). Чтобы объяснить такую реакцию, стоит заметить, что те, кто, рассуждая о постмодерне, открыто отрицает само существование этого феномена, тем самым являют собой удручающий его пример.

Поскольку библиография сочинений о постмодернизме необъятна (больше, правда, в других странах, а не в Италии), тому, кто хочет получить общее представление о предмете, я могу рекомендовать книгу Гаэтано Киурацци «Постмодернизм», только что вышедшую в серии «Современная философия» издательства «Парвия».

Киурацци начинает свое изложение с попытки перечислить те характеристики современности, то есть модернистской эпохи, которые постмодернизм доводит до завершения и отрицает. Современная эпоха, отсчет которой мы договоримся начинать с Возрождения, выработала миф о неизбежном и бесконечном прогрессе, концепцию свободы как последовательного раскрепощения, идеал преобладания естественного начала. Она отдавала предпочтение количественным, экспериментальным методам в науке, старалась обобщать опыт, обращалась к строгим умозаключениям и верила в универсальный разум.

Но все больше и больше мы обнаруживаем себя в постмодернистской ситуации — когда идея прогресса выносится на обсуждение; больше нет доверия философским «большим повествованиям», старающимся однозначно объяснить историческое развитие; отношения между человеком и природой подвергаются пересмотру, как в экологическом движении; ставятся под вопрос

твердая вера в универсальный разум, эффективность строгих и количественных методов и идея раскрепощения как всеобщего равенства (последние мифы в этом ряду — идея американского «плавильного котла» и советского коммунизма). Предпочтение скорее отдается идеям плюрализма, уважения к различиям, фрагментации политических групп, их проницаемости. Причина и следствие всего этого — падение больших идеологий.

На мой взгляд, это вполне добросовестное изложение, — и так же честно приводятся теории противников постмодернизма, таких как Хабермас и Джеймсон. Но все равно во всех этих рассуждениях подспудно подразумевается одно утверждение. А именно: что постмодернизм — это, безусловно, единый феномен, объединяющий философов, архитекторов, романистов, художников, феминисток, гомосексуалистов, телезрителей, интернетчиков, этнические меньшинства и адептов нью-эйджа. Я же уверен, что среди «прав на различие», типичных для постмодернизма, должно также существовать право на существование, как минимум, двух постмодернизмов: одного — изобретенного архитекторами и позднее принятого в литературе, и второго — изобретенного философами. Я согласен с одним из тех, кто ввел это понятие в искусствоведение, — Чарльзом Дженксом, который говорил, что если будет преувеличением сказать, что между двумя видами постмодернизма мало общего, то уж по крайней мере между ними немало различий.

Рассмотрим для примера отношение к прошлому. Для постмодернистских философов, от Лиотара до Дерриды и Ваттимо, нигилистические корни постмодернизма заставляют ставить под вопрос все наследие предшествующей философской мысли. Под него подводятся ревизионистские опровержения, — развенчивающие или прида-

ющие иные смыслы. В литературе же и искусстве, в то время как модернистская эпоха, вплоть до самых крайних проявлений авангарда, стремилась разрушить наследие прошлого, постмодернизм пересматривает его с толком и расстановкой, — с иронией, конечно, но также с удовольствием и с большой теплотой.

То же самое можно сказать в отношении «больших повествований». Современность в литературе и искусстве мало-помалу разъедала классическое представление о всеобъемлющем повествовательном дискурсе — от Сикстинской капеллы, увлекательных романов к экспериментальному не-рассказу, к чистому холсту, к фрагменту; для постмодернизма же типично придание второго дыхания большим эпопеям. Опять же — пусть в ироническом, перекрученном, кривом виде, но это возвращает вкус к широкому и развернутому повествованию, к новым мифологиям.

Это только то, что касается двух аспектов. В объеме одной колонки больше не скажешь. Но это позволяет (в нашу эру подозрения) поставить под сомнение: не являются ли связи философского постмодернизма с художественным по большей части случайными или основанными на двусмысленности. Другими словами, я не могу себе представить Дерриду, который развлекается в Лас-Вегасе под ручку с Вентури^[235].

О том, что два феномена имеют много общего, спорить не приходится; но происходит ли это потому, что они выражают одну и ту же поэтику, или просто потому, что они принадлежат к одному времени? И в таком слу-

²³⁵ Роберто Вентури (р. 1925) — знаменитый практик и теоретик архитектурного модернизма.

чае, может быть, стоит поискать более общую категорию?

1999

ДАЙТЕ МНЕ ПОРЕЗВИТЬСЯ^[236]

Рассказики

Бруно

Я считаю, заявлениям Альберто Сорди о том, как хорошо жилось при фашизме, придали слишком много значения. Думаю, Сорди хотел сказать, что, когда мы стареем, все события нашего детства вспоминаются с нежностью; я и сам испытываю ностальгию, вызывая в памяти ночи, проведенные в бомбоубежище: жуткий холод, хочется спать, рвутся бомбы, а мы, ребяташки, исследуем темные туннели. И субботние утра, когда я заглывал второпях кофе с молоком, потому что мама никак не могла разобраться в сложном обмундировании Сына Волчицы, с металлической буквой М, которая вечно сбивалась на сторону.

Сорди можно упрекнуть единственно в том, что он сказал это с трибуны, а не в ресторане, открывая бутылочку с газированной водой, и такой-то намекнул, что он хочет завоевать симпатии все растущего контингента безответственных. Но неловкое высказывание актера, известного своей непричастностью к политике, не должно рассматриваться как политический казус. Есть, однако же, одна вещь, которую Сорди, наверное, подзабыл, а

²³⁶ Название хрестоматийного стихотворения футуриста Альдо Палаццески (1885–1974).

было бы неплохо рассказать об этом молодежи, очень мало знающей о тех далеких временах. Это неверно, что в фашистских организациях дети рабочих и дети хозяев были во всем равны.

В начальной школе я и один белокурый мальчик были «богатенькие», то есть принадлежали к тому же социальному слою, что и учитель: я — потому, что отец мой был служащим и ходил на работу в галстуке, а мама носила шляпку (то есть была не «женщиной», а «дамой»); блондин — потому, что его отец владел магазином. Все остальные принадлежали к низшему классу, изъяснялись, по примеру своих родителей, на диалекте и, следовательно, допускали ошибки в орфографии и грамматике, а самым бедным из всех был Бруно. Я прекрасно помню его фамилию, ибо в те времена учеников называли только по фамилиям, но знаменательно то, что имя его я помню тоже.

Будучи бедняком, он ходил в черном изодранном халате, белого подворотничка у него вовсе не было, или же он был грязный; что уж тут говорить о синем банте. Бруно брили наголо (в этом только и проявлялось внимание домашних, которые, очевидно, боялись, что заведутся вши); но надо знать, что, когда богатых детей стригли под ноль (летом, чтобы волосы лучше росли), их головы оставались покрыты однородным сереньким пушком, а у бедных детей на коже черепа виднелись беловатые проплешины, следы незалеченных струпьев.

Учитель был в общем человек незлой, но, как бывший боевик, считал нужным воспитывать нас в боевитом мужском духе с применением здоровых затрещин. Разумеется, ни меня, ни блондина он и пальцем не трогал, но Бруно доставалось чаще, чем прочим, особенно за гряз-

ный, засаленный халат. Бруно вечно ставили в угол. Меня — никогда. Правда, один раз кто-то теребил меня с задней парты, и я, помнится, в самый неподходящий момент запустил в него бумажным катышком; учитель рассердился и поставил меня в угол; совершенно убитый таким неслыханным позором, я разревелся, как теля, и через две минуты учитель отправил меня обратно за парту, чуть виновато, в знак утешения потрепав по голове. Классовая солидарность.

Как-то раз Бруно пропустил школу, а потом явился без оправдательного документа; учитель набросился на него, готовый надавать затрещин; Бруно заревел и поведал, что у него умер отец. Учитель расчувствовался и сказал, что мы должны чем-нибудь помочь; на следующий день каждый что-нибудь принес — кто деньги, кто поношенную одежду; Бруно поимел свою порцию солидарности. Возможно, чтобы как-то пережить унижение, он, когда мы все маршировали во дворе, встал на четвереньки, и все подумали, что вот как плохо поступать таким образом, когда у тебя только-только умер папа. Учитель заметил, что он лишен элементарного чувства благодарности. В самом деле, низшая раса. Читатели могут подумать, что я пишу пародию на «Сердце»^[237], но, честное слово, все было так, как я рассказываю, это — подлинные воспоминания о прожитом.

Во время субботнего собрания, когда наступил момент присяги и все должны были крикнуть: «Обещаю!» — Бруно (он стоял рядом, и я все прекрасно слышал) крикнул: «Угощаю!» Это был бунт.

²³⁷ Душещипательная повесть для подростков итальянского писателя Эдмондо Де Амичиса (1846–1908).

Он преподавал мне первый урок антифашизма.

Спасибо, Бруно.

1991

История Мишки Анджело

На прошлой неделе мне позвонила одна журналистка, которая делала репортаж о детских игрушках, и попросила что-нибудь вспомнить. Я тут же вспомнил Мишку Анджело. На вопрос, куда девалась эта игрушка, я ответил, что не помню, и на самом деле в тот момент еще не воссоздал в памяти всю историю. Когда репортаж был опубликован, позвонила моя сестра и с возмущением спросила, не потерял ли я с годами последнюю память. Как я мог забыть о погребении Мишки Анджело? Да, я должен был помнить. И мало-помалу вся картина восстанавливалась.

Мишка Анджело, классический плюшевый медведь желтоватого цвета, был чуть ли не первой подаренной нам игрушкой. Но пока мы были совсем малышами, а мишка — новеньким с иголки, он нас интересовал лишь постольку поскольку. Но, старея, Мишка Анджело приобретал некую потертую мудрость, некую прихрамывающую авторитетность, и это становилось все заметнее по мере того, как он, подобно ветерану многочисленных битв, терял то глаз, то руку (поскольку он либо стоял, либо сидел, и никто бы не осмелился поставить его на четвереньки, у Мишки Анджело, антропоморфного по природе, а не метафорически, были руки и ноги).

Постепенно он стал королем всех наших игрушек. Даже когда я переворачивал табуретку, которая служила четырехугольным крейсером прямо из книжек Жюль Вер-

на, и мои солдатики поднимались на борт, чтобы бороздить Океан Коридора и Море Кухни, Мишка Анджело, бросая вызов пропорциям, тоже восседал на борту, Гулливер, которого почтительно слушались его лилипуты, еще более увечные: у кого не хватало головы, у кого — ноги; из хрупкой, ломкой, выцветшей массы то там, то здесь выпирали каркасные проволочки.

Мишка Анджело (унисекс) был, естественно, и повелителем кукол; в общем, он властвовал над всеми игрушками в нашем доме, включая вагончики поездов и плашки конструктора. Со временем — которое принесло ему множество невзгод — Мишка Анджело лишился последнего глаза, затем — последней руки, затем — обеих ног. Это случилось еще и потому, что один свирепый кузен вовлек его в стычки между ковбоями и индейцами, часто привязывал к спинке кровати и подвергал ужасающим бичеваниям, которые мы (и он, Анджело) вовсе не считали оскорблением королевского достоинства, ибо игрушка, пусть и единоподдержавная, должна уметь выполнять разные и непростые обязанности.

Шли годы, и из обрубка Мишкиного тела вылезали бесчисленные клочья соломы. Родители твердили не уставая, что в этом увечном теле вот-вот заведутся насекомые, а может быть, там уже бродят целые толпы бактерий, и ненавязчиво подталкивали нас к тому, чтобы достойно похоронить эти останки. И впрямь, было больно видеть Мишку Анджело немощным, неспособным ни стоять, ни сидеть, подверженным медленному выпадению кишок, недостойному истечению внутренних органов, что никак не сочеталось с его былым величием.

Итак, одним ранним утром, когда папа на кухне зажигал термосифон, от которого питались теплом все ба-

тарей в нашем доме, началось медленное, торжественное шествие. У котла были выстроены все оставшиеся в живых игрушки, я стоял впереди, держа подушку, на которой лежало безжизненное тело, а за мной, насколько помнится, — все члены семьи, охваченные глубокой почтительной скорбью.

Мишка Анджело был ввергнут в пылающий зев Ваала, и Дорогой Усопший полыхнул ярким пламенем и пропал. И вместе с ним, конечно же, закончилась целая эпоха. Все это точно случилось до того, как первые вражеские самолеты начали сбрасывать бомбы на город, ибо к тому времени потух и термосифон, съедавший, увы, слишком много угля; его сменила дровяная печь, от которой нагревалась только кухня.

Почему я вспоминаю о Мишке Анджело? Потому, что ушли в прошлое и те времена, когда ребенок мог играть одной игрушкой почти десять лет — столько продлилась счастливая жизнь Анджело. Сегодня игрушки стоят дешево и быстро ломаются, как и радиоприемники, которые меняются чуть ли не каждый год и не переживают распада семей, как прежние «Телефункены» или «Марелли». Думаю, это тяжело для ребенка, когда он больше не может посвятить почти всю жизнь одному волшебному предмету, на который наслаиваются воспоминания и чувства. Это как не вести записи в дневнике или жить на земле, где нет ни одного памятника.

1992

Первая ночь моей жизни

Перед праздниками я был в Галисии, совершал, как мои средневековые предки, паломничество, хотя и светское, в Сантьяго-де-Компостела. Рядом с Сантьяго распо-

ложен город Ла-Корунья, а в Ла-Корунье имеется не так давно открытый музей науки и техники. Меня уже давно туда приглашали: у них, видите ли, есть маятник Фуко, прибор, которому я посвятил одно мое сочинение. Этот повод не убедил меня, ибо маятники Фуко обладают одним любопытным свойством: они есть во всех музеях мира, но каждый музей считает себя единственным обладателем этого раритета.

Позже я все-таки поехал туда, на конгресс испанской ассоциации по семиотике, осмотрел маятник, в самом деле более внушительный и впечатляющий, чем все прочие, и подсоединенный к умному обучающему устройству. Весь музей оказался пронизан умнейшими устройствами такого типа, к тому же созданными на основе самых передовых технологий, что превращает его в площадку увлекательнейших игр даже и — особенно — для детей. Я позабавился с диорамами и самодвижущимися механизмами, изобретенными или сконструированными гениальным директором музея Мончо Нуньесом, а после меня пригласили в планетарий.

Планетарии всегда впечатляют: когда гаснет свет, тебе действительно кажется, будто ты сидишь в пустыне под звездным небом, но в этот вечер для меня приготовили нечто большее. Прежде всего позвольте напомнить вам, что астрономия — очень точная наука, и можно узнать, каким было небо, под которым размышлял Наполеон в свою последнюю ночь на острове Святой Елены, и какие светила будут сиять над головами правнуков наших правнуков в такой-то вечер третьего тысячелетия (по крайней мере, астрономия это знает; если же мы пустим Землю в расход и никаких праправнуков не будет, астрономия тут ни при чем). Есть даже такие диски, которые вы можете вставить в компьютер и попросить про-

грамму показать вам небо в любую ночь по вашему выбору, на меридиане и параллели, какие вам нравятся. Но, конечно же, на экране компьютера вы увидите крохотные точки; планетарий — другое дело.

И вот в какой-то момент комната внезапно погрузилась во тьму, и я услышал дивную колыбельную Де Фальби, и медленно (хотя и несколько быстрее, чем в реальности, потому что все действие длилось всего пятнадцать минут) над моей головой стало вращаться небо, такое, каким оно было в ночь с 5 на 6 января 1932 года над городом Александрия. Я увидел с какой-то гиперреалистической отчетливостью первую ночь своей жизни.

Я ее пережил впервые, ибо той, первой ночи я не видел, мне было не до того. Может быть, ее не видела и моя мать, измученная родами, но, возможно, ее видел мой отец: сам не свой от волнения, он не мог уснуть после того чуда (по крайней мере, для него это было чудом), при котором он присутствовал и к которому сам был причастен, и поэтому тихонько пробрался на террасу.

Я рассказываю о механическом устройстве, которое при желании можно установить где угодно, затратив совсем немного труда, и наверняка найдутся люди, которые испытали то же, что и я; но вы, надеюсь, не станете корить меня за то, что в течение тех пятнадцати минут я чувствовал себя единственным с начала времен человеком, получившим особое право воссоединиться с собственным началом. Трудно описать подобное ощущение: испытываешь граничащее с вожделением чувство, будто можно было бы, даже должно умереть в эту минуту — в любом случае все другие минуты будут проходными и скучными.

Это как возвращение в лоно, великое лоно небес. Это — чувство признательности (может быть, двенадцати знакам Зодиака) не за то, что я родился и жил, ведь бывало всякое, но за то, что много лет назад состоялась премьера этого космического спектакля. Это — удивление перед тем, что ты можешь пережить его снова, в самом деле единственный из смертных; пусть такое может произойти с другими, пусть в один прекрасный день такое испытают все, но этот свод и эти звезды, расположенные именно так, возвратившиеся в эту минуту, вновь дарованные мне, принадлежат мне, только мне, и никому другому.

Ладно, спустимся с небес на землю. Все это было делом техники, хоть ее питала и поддерживала фантазия. Но не всем дано найти Алеф, споткнувшись на лестнице^[238], или в нужный момент устремить взгляд на тот самый оловянный кувшин, в котором отражался тот самый солнечный луч, перевернувший всю жизнь Якоба Бёме^[239]. Ты берешь то, что находишь или что тебе дарят.

Говорят, когда в нашем распоряжении окажется виртуальная реальность, все мы сможем переживать невыразимые ощущения. Но, как видите, нет нужды дожидаться, пока ее пустят в продажу, есть даже люди, которые довольствуются тем, что находят ее, живя в мире, пропущенном через экран телевизора. Я наслаждался фаустовской мечтой; я, как и все, верил, что утратил свое мгновение навсегда, ведь нельзя сказать, под угрозой

²³⁸ Имеется в виду рассказ Х. Л. Борхеса «Алеф».

²³⁹ *Якоб Бёме* (1575–1624) — немецкий философ-пантеист и мистик. Эко описывает его первое мистическое озарение.

вечного проклятия: «Остановись, ты прекрасно». И вот мне его возвратили, пусть хотя бы на пятнадцать минут.

1993

Баклан с Шетландских островов

В ВИП-зале аэропорта я встретил баклана. Вежливая девушка настойчиво просила его не пачкать элегантные кресла, и я предложил накинуть на одно из них мой непромокаемый плащ. Я понимал, что он весь пропитается нефтью и морской водой, так что потом его останется только выбросить, но понадеялся, что «Эспрессо» компенсирует мне расходы. С таким-то эксклюзивным материалом... Пернатое поблагодарило меня — лед был сломан. И получилось такое вот интервью.

Я: Добрый день, синьор Баклан. Какими судьбами в наших краях? Я думал, вы еще на Шетландах.

Баклан: Возвращаюсь туда только завтра, к сожалению. Представляете, мне оплатили первый класс, чтобы я быстро съездил на съемку в какое-то место, о котором я раньше никогда даже не слышал. Кажется, там танкер терпит бедствие, нефть может вылиться в море. Телевизионщики хотят быть во всеоружии, и это оговорено в контракте... та еще работенка, уверяю вас.

Я: Никогда в отпуске не бываете?

Баклан: Чего вы хотите, вы же тоже газеты читаете. Война там, буря здесь, моря стали нефтяными месторождениями, и вот — синьор Баклан, войдите в кадр, пожалуйста, не смотрите в камеру, чистите перья клювом, сделайте грустные глаза...

Я: Но неужели нет других бакланов на рынке труда?

Баклан: Все не так просто. Мои родичи поплатились шкурой. Те, кто уцелел, стали лесными птицами, в буквальном смысле. Они пытаются приспособиться к иной жизни — в холмах, в горах. Но там плоховато с рыбой, разве что форель иногда подвернется. Я уже весь измучился, посмотрите, во что превратился. Так дальше не пойдет, с этими жидкостями, которые разъедают глаза. Но я вожусь с этой гадостью, чтобы заработать себе на пропитание. Мне хорошо платят, только надо быть всегда готовым — месяц назад я был в Галисии (вы еще об этом прочитаете большой репортаж), потом на Шетландах, послезавтра еще неизвестно где. И это началось еще до войны в Заливе.

Я: Но именно картинки с этой войны принесли вам успех, славу...

Баклан: Да, тогда на меня обратили внимание. Я попал в хронику и с того момента больше не уходил в тень. Но это так утомительно — сниматься каждый день и всякий раз заново мазаться нефтью. Организм на нее реагирует — достаточно несколько раз по чуть-чуть, и у тебя уже букет разных хронических болячек. Надеюсь, я смогу найти какой-нибудь островок, где нет рекламы, и отдохнуть немного от съемок.

Я: Но почему нельзя использовать чайку, тюленя, пингвина? Можно ведь загримировать их грязью — знаете, из горячих источников?

Баклан: Э, нет, это вопрос профессионализма. Говорят, что с гримом животное теряет непосредственность. Это как в фильме Висконти: если актеру по сюжету надо говорить о шкатулке с драгоценностями, она должна быть полна драгоценностей, и непременно от «Булгари», даже если шкатулку не будут открывать. А кроме того,

мы, бакланы, идеально подходим для телеэкрана. Меня можно снимать крупным планом и показать целиком. Ну представьте, если бы пришлось снимать слона, понадобился бы общий план...

Я: А что, если нанять человека? Скажем, ребенка — ну, знаете, из тех, кого выставляют на продажу?

Баклан: Я вас умоляю... человеческие существа никак не годятся. Представляете — я получил предложение даже от ЮНИСЕФ. Они попытались было показать голодающих африканских детишек, с мухами на лице и со вздутыми животами, но у людей они вызывают отвращение и желание переключить канал. А вот зверушка вызывает сострадание.

Я: Так что вы не помышляете покинуть нефтяную промышленность?

Баклан: Нет, нефтяная промышленность того стоит. Людям нужна энергия, моря, к счастью, будут загрязняться все больше, так что я прекрасно могу прожить одними только танкерами и бомбардировками скважин. Вы же понимаете, достаточно только попасть на телевидение, и тебя начинают звать повсюду — для рекламы «Американ Экспресс», «Бенеттона», в предвыборных кампаниях... засасывает, как в воронку. В будущем году меня собираются использовать, чтобы уговаривать людей не пользоваться автострадами во время летних отпусков.

Я: Разве не достаточно просто картинки смятого в лепешку автомобиля и обуглившихся трупов?

Баклан: Я же вам говорю, обуглившаяся семья плохо продается. Но вот если эта семья столкнется с автоцистерной, разольются нефтепродукты, появится баклан и весь перемажется, люди на это хорошо отреагируют. Что

вы хотите — конечно, мне платят, но я чувствую также свою гражданскую ответственность, миссию.

Девушка вернулась, чтобы предложить ему виски, но баклан отказался: «Не то чтобы я к нему не привык, — сказал он, — но для меня оно пахнет нефтью». Объявили его рейс. Он удалился, нахохлившись, рискуя поскользнуться на натертом до блеска полу, на котором он оставлял масляные следы. Напоследок он оглянулся. «Спасибо, — сказал я ему, — спасибо от лица всех детей мира».

1993

Хуан Феликс Санчес

В окрашенном бараке, куда мы зашли выпить кофе, кипят в котле черные бобы, и я спрашиваю себя, в каком из фильмов Серджо Леоне^[240] я очутился. Мы поднимаемся в Парамо, область в Андах, что высится над венесуэльским штатом Мерида. Сперва — густая растительность, частью альпийская, частью тропическая; выше — большие озера среди осыпей и поросли мягкой, мясистой травы, по форме и на ощупь напоминающей кроличьи уши. Чуть-чуть посвежело: мы всего-то на высоте Монблана...

Спускаемся к высоте в три тысячи метров, в зеленую-зеленую долину, где стоит каменная церквушка. На первый взгляд она мне напоминает приходские церкви в романском стиле, каких много между Перпиньяном и каталонской границей, но силуэт более прихотлив, а при ближайшем рассмотрении некоторые причуды в отделке

²⁴⁰ *Серджо Леоне* (1929–1989) — итальянский кинорежиссер, создатель итальянского варианта вестерна, известного под названием «спагетти-вестерн».

заставляют вспомнить Гауди. Церковь скошенная, извилистых очертаний, в небольшом нефе красуется зооморфная мебель, сделанная из больших и малых стволов, которым природа уже придала ту или иную форму. Алтарь, похоже, сотворен в стиле, который весьма условно называется art naïf, но даже если автор его и примитивист, технические решения весьма изысканны.

Хуан Феликс Санчес родился среди крестьян одной из этих андских деревушек в 1900 году. Начальная школа, потом работа в поле. Еще мальчишкой он изобретает для односельчан водяную мельницу; у него нет никаких технических познаний, он никогда не видел чертежей ренессансных инженеров, он просто использует то, что находится под рукой. С другой стороны, он точно так же не имеет ни малейшего понятия о романском или палеоготическом искусстве. В молодости он съездил в Маракаибо и Каракас, и все. Как человека умного, его избирают в органы местного управления; в Сан-Рафаэле он изобретает турбину для маленькой гидроэлектростанции. Берет в жены Эпифанию Хиль. Потом, ближе к сорока годам, охваченный мистическим порывом, бросает все и уходит в горы, где живет малым, где начинает придумывать ткани и статуи, строить церкви, целую Голгофу деревянных скульптур, взбирающихся по откосам, Распятие, Гроб Господень. В церкви Тисуре — алтарь с раскрашенным рождественским вертепом, ниша, где стоит деревянный образ местного святого (в котелке и синем костюме), а наверху — внушающее трепет Всевидящее Око, в которое вставлена автомобильная фара. Но Хуан Феликс Санчес — не ремесленник, не художник и не bricoleur^[241], который по воскресным дням занимается разными поделками:

²⁴¹ Человек, берущийся за любую работу (фр.).

он горный отшельник, визионер. Свои самые значительные произведения он начинает в шестьдесят лет, Гроб Господень — в восемьдесят.

В какой-то момент городские критики, фольклористы, философы открывают его. Его произведения выставляют в музеях, хотя прекрасно знают, что, извлекая эти работы из их среды, их низводят до уровня тотемов, любопытных образцов первобытной культуры. Им не удается найти определение этому природному гению, они отдают себе отчет в том, что эта духовность выходит за рамки эстетических и этнологических категорий. Посетители ему портят жизнь. Хуан Феликс Санчес становится целью разных ученых паломничеств, социологи осаждают его и наносят грязи в его бедный дом. На его глазах рядом с местом, где он обитает, возводится музей его имени и имени его жены, а при музее библиотека (прекрасная, современная, с компьютерами) для детей. Но он забрался в самую глушь, преследуя мечту, и не желает превращаться в одно из своих творений.

Теперь ему девяносто четыре года. Меня и мою коллегу из университета Мерида проводят в простую, полутемную кухню Эпифании Хиль, которая тоже превратилась уже в монумент: лицо сморщенное, словно у мумии, и поросшее волосами; лохмотья из «Трехгрошовой оперы». Во внутреннем дворике, под охраной сонного пса, Хуан Феликс Санчес дремлет на стуле, прикрыв лицо шляпой; он уже не встает из-за слабости в ногах. Он просыпается; я вижу перед собой индейца с висячими усами, вышедшего опять-таки из фильма Леоне. Он плохо слышит, сначала не узнает гостью, но мало-помалу приходит в чувство. Соглашается показать нам свои тетради, потрепанные, замусоленные, куда он всю жизнь записывал свои мысли и старинные народные поговорки типа «даре-

ному коню в зубы не смотрят»; правда, многие такие ре-
чения придумал он сам. Он просит, чтобы и я записал
что-нибудь, и я тонко подмечаю, что поспешишь — лю-
дей насмешишь и, сколько веревочке ни виться, все рав-
но конец придет. Выслушав перевод, он одобрительно
кивает. Потом с участием спрашивает, как Папа, правда
ли, что он упал и повредил ногу, и может ли он снова хо-
дить. Я хочу ответить «да», но Эпифания останавливает
меня и говорит, что Папа все еще ходит с трудом. «Пря-
мо как я», — улыбается он, утешенный. Эпифания сооб-
щает, что теперь ему лучше поспать. Но, перед тем как
распрощаться, он спрашивает, где тетради. Забирает их,
прижимает к груди, исподтишка пересчитывает.

Мы снова садимся в машину и возвращаемся к вар-
варству.

1994

Дочки мадамы Доре (постмодернистский и гипертекстуальный рассказ)

Посол давно уже хотел почтить своим визитом само-
го выдающегося иллюстратора своего времени Гюстава
Доре. Можно предположить, что посол представлял ка-
кую-то восточную страну, поскольку подъехал к жилищу
художника верхом на верблюде; тюрбана, насколько из-
вестно, он не носил, но это, должно быть, являлось
уступкой европейской цивилизации: на его шляпе красо-
валось перо.

Когда посол вошел в дом художника, тот представил
ему супругу и дочерей. «Ах, какие у вас красивые дочери,
мама Доре, — сказал посол, — ах, какие красивые доч-

ки!» И добавил, что хотел бы найти им мужа, — тем самым мы укрепляемся в мысли, что он приехал из далекой восточной страны, поскольку найти им всем мужа означает взять их замуж за себя или выдать за какого-то своего друга, а это заставляет думать, что он думал о полигамном брачном контракте, отдающем всех девиц сразу одному и тому же супругу.

Мы не знаем, как отреагировала жена художника. Но мы знаем, что дочери, а их было, по всей видимости, три, были ужасные кокетки. Ладно бы еще кокетки, но, наверное, нимфоманки, а лесбиянки определенно — в наши дни до этого никому нету дела, но в те времена (я имею в виду, когда Доре иллюстрировал «Божественную комедию») за это попадали в какой-то из кругов Ада.

Так или иначе, факт тот, что в самый разгар приема трех дочек (кокеток) обнаружили на комодке, где они занимались любовью с дочкой доктора^[242]. Об этом докторе мы знаем очень мало, зато известно точно, что инцидент заставил госпожу Доре устыдиться до такой степени, что она хотела отправить дочек восвояси. На что те — и это было всеми замечено — презрительно пожали плечами и, поднимая на смех кроткую мамашу, выкрикнули оскорбительное «амбараба чиччи кокко».

Тут выдвигается гипотеза, что эта госпожа не была француженкой, а происходила из лангобардов, поскольку, как явствует из свидетельств, выбрала дочек такими словами: «О-ля-ля, вот развлече-, бедня- девчо- для обольще-» (что можно перевести как «Гляди-ка: ты думаешь, будто развлекаешься, а на самом деле используешь

²⁴² Здесь и далее обыгрывается детская считалочка: «Амбараба-чиччи-коко,/Три совы на комодке/Занимались любовью/С дочкой доктора,/Доктору стало дурно,/Амбараба-чиччи-коко».

докторскую дочку, обольстив ее»). Дочки, кокетничая еще пуще, отрезали, чтобы покончить раз и навсегда с этим вопросом: «Тулилем блем блю, тулилем, блем блю!» Нельзя говорить такие слова матери, особенно если она тебе делает замечание за то, что ты затеваешь игру, мягко говоря, мало приемлемую, с дочерью семейного доктора, — а возраст ее, заметьте, не отмечен преданием, и она легко могла быть несовершеннолетней: можно быть настолько политкорректным, чтобы не осуждать сексуальные наклонности дочек супруги знаменитого художника, но ничем нельзя оправдать совращение малолетних.

В самом деле, напрашивается предположение, что дочка доктора принадлежала к добровольному обществу помощи неимущим, поскольку ее называли прекрасной прачечкой, которая стирает платочки для городских бедняжечек. Вдруг оторвать юную девушку от ее благородного труда (она возрождала к тому же старинную традицию веселых прачек, полощущих белье в окрестных каналах) и вовлечь ее в эротические игры на комод — поступок, который вряд ли могли бы одобрить даже самые либеральные и открытые новым веяниям умы.

А вот что ответила на это несчастная девчушка: стала прыгать. Раз прыжок, два прыжок — но от радости она скачет или содрогается от ужаса?

Оставляю свое мнение при себе. Но дурной пример оказался заразителен. Буратино еле-еле в школу брел с большим портфелем, он уроков не учил, единицу получил. Госпожа Доре, желая отвлечь гостей, предлагает поиграть, показывает туфлю (чью?) и спрашивает: «Динь-динь-динь, красная туфелька, динь-динь-динь, какого цвета она?» Ответ очевиден (философ сказал бы, что речь идет об аналитическом высказывании), но дочери

госпожи Доре (ах, маленькие чертовки) пытаются запутать гостей. «Цвета фиги, цвета граната...» И ждем мы кого?

Гарибальдийского солдата. Откуда он явится? Из «Леопарда»^[243], не иначе. Что станет делать? Тайна, покрытая мраком. Изнасилует дочку доктора? Одну из дочек мадамы Доре? Нужно отыскать виноватого. Раз, два, три, четыре, пять... скажите, что пора кончать.

1995

Размышления о путешествии во времени

На прошлой неделе многие прочли потрясающую новость: ученые объявили, что путешествия во времени возможны. Во всяком случае, теоретически, хотя имеются технические трудности, возможно непреодолимые.

Не владея соответствующими познаниями, я об этих прогнозах судить не могу. С другой стороны, они меня, профана, не слишком ошеломили, поскольку я вспомнил, что, например, Ханс Рейшенбах еще в 1956 году в изумительной книжке «Направление времени» приводил результаты многочисленных исследований, которые доказывали, что на субатомном уровне вектор времени может менять направление. Разумеется, тот факт, что некие частицы могут путешествовать в прошлое или в будущее, не означает, что и у нас это получится, но, в общем, тут открываются какие-то горизонты.

²⁴³ Имеется в виду роман «Леопард» итальянского писателя Джузеппе Томази ди Лампедузы (1896–1957).

Ставки в этой игре очевидны: нас не столько интересует путешествие в будущее, в какой-нибудь трехтысячный год (а вдруг Земля окажется в плачевном состоянии, вспомните Уэллса), сколько путешествия в прошлое, и тут не только очарование старины: отправляясь вспять по времени, мы надеемся задержать свою смерть. Но на самом деле есть две возможности. Или, путешествуя во времени вспять, я всегда таков, каким отправился, и возраст мой не меняется, и тогда даже в прошлом я стремлюсь вперед, к моему собственному физическому одряхлению, да к тому же рискую встретить самого себя на несколько лет моложе, что может создать весьма неловкую ситуацию. Или же, по мере того как я углубляюсь в прошлое, ко мне возвращаются мои молодые годы, и тогда нельзя забираться слишком далеко, туда, где ты всего лишь генетический код ДНК твоего прадеда; но если бы я вернулся, скажем, в 1940 год, я бы снова стал ребенком, но и мое сознание, вероятно, тоже стало бы детским, и я не смог бы по-взрослому пережить прошлое; не говоря уже о том, что в ту эпоху путешествия во времени еще не практиковались и я не смог бы вернуться в свое будущее (да и, неразумное дитя, не мог бы желать вернуться во время, о котором забыл). Одним словом, как бы ни обстояло дело, путешествия во времени создают многочисленные трудности.

Уже не помню, где мне встретился аргумент, подводящий черту под дискуссией: мы не только сами не умеем путешествовать в прошлое, но и совершенно уверены в том, что даже в отдаленнейшем будущем люди не овладеют этой способностью. В самом деле, если бы в будущем кто-то смог путешествовать в прошлое, мы бы об этом узнали, ибо он явился бы к нам. А мы с вами не видели никаких путешественников во времени.

Разумеется, на этот довод тоже найдутся возражения: предположим, к примеру, что в двадцатитысячном году люди научатся путешествовать в прошлое, но только на тысячу лет, так что об этом узнают только живущие в девятнадцатитысячном году, но не мы. Есть, наконец, и такая гипотеза: люди будущего давно умеют (сумеют) путешествовать в прошлое и находятся среди нас со времен неандертальцев, но, выполняя распоряжение властей будущего, они не могут открыться. Они живут среди нас, а мы об этом и не догадываемся.

Всем ясно, как такая гипотеза может придать задора политикам и журналистам, которые всюду ищут заговоры и скрытые смыслы: все наши беды происходят от этих не раскрывающих своего лица пришельцев. А вдруг Андреотти^[244] и Кракси тоже из них? Но возможно ли, чтобы они совершили то, что они совершили (если они это совершили), у себя в будущем прочитав в старых газетах, что за это их будут судить? А если они прибыли из прошлого? И как можно считать гостями из будущего тех, кто составляет политические прогнозы, — ведь они всегда попадают пальцем в небо?

С другой стороны, эти гости из будущего должны все время содействовать исключительно развитию человечества: в самом деле, если произойдут какие-то серьезные беспорядки, это подготовит чрезвычайно неприятное (для них, не для нас) будущее (для них настоящее). И вот самая смелая гипотеза: они всегда жили среди нас, выделяясь своими знаниями: тот, кто нашел в горле миндалину; Сократ, Коперник, Пастер, Эйнштейн и так далее. Вот почему они умнее нас: то, что земля вертится,

²⁴⁴ Андреотти судили за связь с мафией.

а эм равно цэ в квадрате, они еще в детстве учили в школе. Черт побери! Такое соображение могло бы утихомирить распри в академической среде.

Но если все гении явились из будущего, как у них получилось (получится) стать такими гениальными, если в прошлом были одни никчемные людишки, не передавшие векам ничего интересного?

1995

Красная Шапочка, USA 1997

Известно, что по мере распространения требований политкорректности даже народные сказки переписывают таким образом, чтобы они не содержали намеков на любое неравенство и не ущемляли прав никакого меньшинства, включая семерых гномов, которых надлежит отныне называть «людьми нестандартного роста». В свете этих требований я решил переписать сказку о Красной Шапочке — с полным уважением к любым возможным политическим, религиозным или сексуальным предпочтениям. Чтобы позволить истории развиваться в политически корректном климате, я перенес действие в США, богатые, помимо всего прочего, лесами, населенными дикими животными.

Итак: Красная Шапочка, человеческое существо, не достигшее еще возраста зрелости, в одно прекрасное утро зашла в лес, где не собирала ни грибов, ни ягод, потому что была членом АСОС, Ассоциации Сохранения Окружающей Среды. Ее только волновала возможная встреча с волками. Правда, она была членом АПИРВСЖМ, Ассоциации Полного И Равноправного Взаимодействия С Животным Миром, которая приветствовала в том числе и то, что некогда в репрессивном языке именовалось «жи-

вотным совокуплением». По счастью, ей повстречался волк, состоящий в ААЖ, Ассоциации Антропофильных Животных, поощряющей свободные сексуальные контакты между животными и представителями человеческого рода.

Они договорились о свидании в близлежащем мотеле. Волк отправился туда ожидать ее, переодевшись в предвкушении предстоящего коитуса в роскошное домашнее одеяние. Но в тени притаилась Бабушка Красной Шапочки. Мы не скажем, в какие ассоциации она входила, упомянем лишь вкратце, что она была поборником педофилии, инцеста и каннибализма (помимо нон-вегетарианства). Жажда соединиться со своей юной внучкой, Бабушка проникла в мотель, проглотила волка и обрядилась в его одеяния — потому, в частности, что она принадлежала к закрытому обществу КИЖ, Клуб Имперсонаторов Животных.

Красная Шапочка, трепеща, приблизилась к ложу любви, где, как она думала, ее ждал Волк, но оказалась перед Бабушкой, которая немедленно подвергла ее насилью, то есть съела. При этом она не жевала, потому что, забыл я упомянуть, принадлежала также к некоему обществу, религиозному, физкультурному и диетологическому одновременно, члены которого считают греховным и некошерным пережевывать животную пищу и обязуются глотать ее целиком, — каковое обязательство представляется мне не более невероятным, чем женское обрезание или запрет на переливание крови.

Пока Красная Шапочка пребывала в Бабушкиных глубинах, появился Неохотник. В действительности он был членом радикальной экологической организации, обязавшейся убивать людей, поедающих мясо животных.

Кроме того, он был аффилирован (как велела его гуманистическая сущность) в НСА, Национальную Стрелковую Ассоциацию^[245], чья деятельность зиждилась на той поправке к Конституции, которая (будучи умело истолкованной) позволяет каждому гражданину владеть оружием^[246]. Идентифицировав Бабушку как истребительницу волков и тем самым — персону, неуважительно относящуюся к животной жизни, Неохотник выстрелил, убил ее, расчленил (поскольку принадлежал к ассоциации поощрения донорства органов), и вот Красная Шапочка выскочила живой и невредимой из прародительской утробы. Волк, надо полагать, тоже, но он в моей истории сходит со сцены.

Мать радостно обняла свою дочурку и подумала, что теперь они должны перевернуть эту мрачную страницу в их жизни и строить светлое будущее. Да, я забыл сказать, что Неохотник вел также одну популярную натуралистскую телепередачу, ратующую за запрещение охоты, а ведь известно, что матери охотно передают своих предпубертатных дочерей в руки телеведущих, в надежде, что те заведут с ними нежную дружбу, способную обернуться огромными контрактами.

Но Неохотник, чьи несокрушимые моральные принципы мы уже подчеркивали, отказался войти в нежные отношения с Красной Шапочкой — в частности, потому, что на самом деле это была лесбиянка, практиковав-

²⁴⁵ Реально существующая National Rifle Association.

²⁴⁶ II Поправка к Конституции США, принятая в 1791 г., гласит: «Поскольку надлежащим образом организованная милиция необходима для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно ограничиваться».

шая трансвестизм и принадлежавшая к ФОПГС, Феминистскому Обществу Против Гетеросексуальных Союзов.

Взбешенные, девочка и ее мать вспомнили, что, убивая Бабушку, Неохотник курил свою трубку. Они немедленно заявили об этом властям, обвиняя его в пропаганде вредной привычки, загрязнении окружающей среды, распространении канцерогенов, — то есть в попытке учинить массовое убийство.

Поскольку в стране, где разворачивается эта история, наличествует смертная казнь, Неохотник был приговорен к электрическому стулу. Папа Римский направил трогательное прошение о помиловании, но, следуя итальянской почтой, оно опоздало на месяц. А поскольку электрические разряды не наносят ущерба окружающей среде, никто больше и не протестовал. Неохотник умер, и все (остальные) жили долго и счастливо.

1996

Как тайное стало явным

На прошлой неделе мой телефон поставили на прослушку. И записали один из моих разговоров, который в расшифровке выглядел следующим образом:

Я: «Не разбудил?» ОН: «Нет, но боюсь спросить, зачем ты звонишь...» Я: «Слушай, так как там насчет этой манды, которую ты нашел?» ОН: «Ох... моя помощница ее вчера уже пристроила...» Я: «Как так — пристроила? А ты куда смотрел? Я же на нее давно глаз положил!» ОН: «Ну, видишь ли... я был в Палермо, ну... по делам ложи... понимаешь?» Я: «А, ну да... и что?» ОН: «Я тебя уверяю, это было не бог весть что. Она казалась свеженькой, просто потому что ее отдраили как следует. Ты лучшего

достоин». Я: «Свинья ты после этого». ОН: «Понимаешь, предложили кучу денег... прямо по телефону...» Я: «Ладно, с мандою все понятно. Проехали. Все с тобой ясно». ОН: «Ну хорошо, хорошо, я виноват. Мне нужны были деньги, и я сам велел побыстрее спроваживать все, что движется. Но ты меня сейчас простишь. Я тебе просто имя скажу. Джелли! Раз уж на то пошло, сдам тебе аж все тридцать. И Флоренция — твоя». Я: «Спасибо большое, можешь не утруждаться. Теперь это и в сети есть». ОН: «В какой? В нашей или в этой, американской?» Я: «Нет-нет, в гробу я видал этих американцев... с ними так трудно иметь дело. Ну, понимаешь, только ночью... Нет, это наши ребята». ОН: «Но с сетью невозможно потолковать. А вот со мной... Слушай, я ведь знаю, что у тебя есть порошок, я видел картонку». Я: «Так, теперь до порошка дело дошло... эх-хе-хе...» ОН: «А ты как думал? Слушай, скинь порошок мне, и я выдам тебе Джелли на блюдечке с голубой каемочкой. И еще. Об этом пока никто не знает... Короче, всплыло тут одно расследование...» Я: «Знаю, знаю. Но ведь такие вопросы решаются при помощи молотка, нет?» ОН: «Еще не хватало. Попал я как-то с этими ребятами, которые молотками стучат, на баблос. Теперь держусь от них подальше». Я: «Живьем готовы голову откусить, верно?» ОН: «И не говори! Но вернемся к расследованию. Это не первое, но на сей раз ты первый в списке. Короче, если скинешь мне порошок, насчет расследования можешь быть спокоен». Я: «Ну ладно, так и быть. Договорились».

Немедленно после этого меня вызвали куда следует. Я принялся объяснять, что разговор наш был самый невинный, просто он велся в отрывочной и эллиптической манере, — что естественно, когда предмет хорошо знаком обоим участникам диалога. Я звонил букинисту, ко-

тому было известно, что я много лет ищу первое издание труда Джона Ди «Иероглифическая монада». Именно эту книгу я обнаружил в его новом каталоге. Но, к своему огорчению, узнал, что его секретарша уже продала ее, пока он сам ездил в Палермо встречаться с известным коллекционером профессором Лоджей. Букинист был очень смущен и принялся мне объяснять, что, в сущности, речь шла о восстановленном экземпляре (на жаргоне антикваров он называется «отдраенным») и что вообще-то он сам велел своей помощнице распродавать побыстрее всё, что вызывает интерес у покупателей, потому что ему нужны были деньги.

Однако он хотел утешить меня тем, что у него на руках есть «О происхождении Флоренции» Джамбаттисты Джелли (что же поделать, если этот гуманист шестнадцатого века оказался однофамильцем одиозного основателя тайной масонской ложи, жившего в веке двадцатом!) и он готов мне его уступить со скидкой в тридцать тысяч лир от каталожной цены. Но это было слабое утешение. Особенно потому, что я уже видел эту позицию в онлайн-каталогах, да не у американских букинистов, до которых всегда сложно дозвониться из-за перегруженных линий и разницы во времени, а у болонской фирмы, и за приемлемую цену. Но мой собеседник вычитал в одной из моих «Картонок», что у меня есть первое издание «Симпатического порошка» Дигби, которое как раз сейчас ищет за любые деньги один его клиент. И предложил мне поменять его на Джелли. А чтобы загладить свою оплошность, уведомил также, что к нему попал экземпляр книги «Изящное введение в практическую хиромантию, физиогномику, естественную астрологию, человеческую конституцию, природы планет», хотя и не первого издания 1522 года. Автор этого знаменитого трактата —

Иоганн из Гагена. По латыни этот немецкий город назывался Indago, а в косвенном падеже, которого требует предлог «из» — Indagine. И лишь по чистой случайности эта латинская словоформа совпала с современным итальянским словом l'indagine, «расследование». Мой собеседник уверил, что отложил его для меня, даже не выставляя на ближайший книжный аукцион — он не доверяет аукционам с того времени, как ему как-то пришлось сильно переплатить за «Тетрабиблос» Птолемея. Шутя, мы сетовали на ужасную алчность «ребят с молотками», то есть аукционистов. А под конец я согласился обменять Джелли на «Порошок».

Как можно убедиться, совершенно нормальный разговор, если слушать или читать его в правильном контексте. Но увы — мы оба оказались под следствием. Нас подозревают в таких тяжких грехах, как сутенерство, принадлежность к тайным обществам, контакты с итальянскими и зарубежными преступными сообществами, распространение наркотиков и пособничество коррупции^[247].

1996

Как научиться хорошо писать

В Интернете я нашел целый набор инструкций, как научиться хорошо писать. И сделал свои, несколько отличающиеся. Думаю, они окажутся полезными многим, — особенно тем, кто посещает писательские курсы.

²⁴⁷ Переводчик выражает признательность И. И. Маханькову за помощь, оказанную при работе над этой колонкой.

— Избегай аллитераций, даже если они соблазняют близоруких болванов.

— Нельзя сказать, чтобы сослагательное наклонение было бы совсем запрещено: наоборот, его представляется необходимым использовать, когда следует.

— Избегай устойчивых выражений: это осетрина второй свежести.

— Не пиши во время еды.

— Не употребляй коммерческие сокращения & аббревиатуры и проч.

— Запомни (хорошенько), что скобки (даже если они кажутся необходимыми) прерывают нить повествования.

— Постарайся не заработать несварения... от злоупотребления многоточиями.

— Как можно реже пользуйся кавычками: не пиши «конец».

— Никогда не обобщай.

— Иностранные слова — это на самом деле моветон.

— Будь скуп на цитаты. Недаром же Эмерсон говорил: «Ненавижу цитаты. Говори лишь то, что сам знаешь».

— Сравнения — те же общие фразы.

— Не будь избыточен; не повторяй дважды одно и то же; повторять — это расточительство (под избыточностью понимаются бесполезные объяснения того, что читатель уже и так понял).

— Вульгарные слова используют одни говнюки.

— Всегда будь более-менее определен.

— Литота^[248] — самое выдающееся из выразительных средств.

— Не пиши фраз, состоящих из одного слова. Нехорошо.

— Следи, чтобы метафоры не оказались слишком рискованными: они как пух на змеиных чешуйках.

— Расставляй, запятые, где следует.

— Различай функции точки с запятой и двоеточия: порой это не просто.

— Если не можешь подобрать нужного выражения на литературном языке — это еще не повод прибегать к просторечью: хрен редьки не слаще.

— Не пользуйся непродуманными метафорами, даже если они кажутся тебе сильными: они подобны лебедю, сошедшему с рельсов.

— Так ли нужны риторические вопросы?

— Будь лаконичен, старайся уместить свои мысли в как можно меньшем количестве слов, избегая при этом длинных фраз — или членения их на обособленные обороты, которые неизбежно отвлекут невнимательного читателя, — чтобы твой рассказ не участвовал в том умножении информационного шума, который, безусловно (в частности, когда он набит бесполезными или, во всяком случае, необязательными уточнениями), представляет собой одну из трагедий нашего времени, находящегося под властью массмедиа.

— Не злоупотребляй ударениями, читатель сам поймет, что ты хочешь сказать.

²⁴⁸ Прием, обратный гиперболе, преуменьшение («мужичок-с-ноготок»).

— Прежде чем написать или вычеркнуть «это», убедись, что это не создает двусмысленности.

— Не будь напыщенным! Экономь восклицательные знаки!

— Не пытайся отъюзать иноязычные слова по правилам своего языка.

— Пиши правильно иностранные имена, такие как Дюшамп, Джорджио Армани и тому подобные.

— Прямо, без парафраз, указывай авторов и персонажей, о которых говоришь. Именно так поступал великий тосканский поэт XIV века, создатель «Божественной комедии».

— В начале произведения поставь *capitatio benevolentiae*, благодарственный колофон (вы вообще врубаетесь, о чем я?).

— Тщательно следи за грамматикой.

— Бессмысленно напоминать, как утомительны умолчания.

— Не начинай слишком часто с красной строки.

По крайней мере когда это не нужно.

— Не пиши «мы», когда говоришь от своего лица. По нашему мнению, эта ужимка просто нелепа.

— Не смешивай причину со следствием: это неправильно и ты таким образом ошибешься.

— Не строй фразы, в которых вывод логически не вытекает из предпосылок: если бы все так поступали, предпосылки следовали бы выводам.

— Не давай спуску архаизмам, классицистической элоквенции и прочим малоупотребительным лексемам,

равно как и ризоматическим deep structures, которые симультантно демонстрируют грамматологическую вычурность и провоцируют деконструктивистское размывание высказывания, а кроме того, что еще хуже, подобный дискурс может не пройти верификации у лица, осуществляющего эдиционную практику, так как превосходит когнитивные возможности его рецепции.

— Не нужно быть многословным, но не нужно также говорить меньше того, что.

— Законченная фраза — это

1997

Почему?

Почему бананы растут на деревьях? Потому что, если бы они росли прямо на земле, их бы сжирали крокодилы. Почему ртуть зовется ртутью, а не ураном? Потому что иначе уран звался бы Амордидио Брамбилла и над ним бы все смеялись. Почему лыжи скользят по снегу? Потому что, если бы они скользили по черной икре, зимние виды спорта стоили бы слишком дорого.

Почему Цезарь перед смертью успел сказать: «И ты, Брут»? Потому, что роковой удар кинжалом ему нанес не Марселино Менендес-и-Пелайо^[249]. Почему мы пишем слева направо? Потому, что иначе предложения начинались бы с точки. Почему параллельные прямые никогда не пересекаются? Потому, что иначе гимнаст на брусках переломал бы себе ноги.

²⁴⁹ *Марселино Менендес-и-Пелайо* (1856–1912) — испанский литературовед, представитель культурно-исторической школы в литературоведении.

Почему апостол Павел не был женат? Потому что, если бы во время своих странствий он писал бы послания еще и жене, Новый Завет разбух бы до непозволительных размеров. Почему лампочки зажигаются, но не перегорают сразу, несмотря на сильный накал вольфрамовой проволоки? Потому что, если бы они перегорали сразу, как только зажигались, не было бы никакого резона их изобретать.

Почему у нас пять пальцев? Потому что, если бы их было шесть, мы имели бы двенадцать заповедей. Почему Бог — самое совершенное существо? Потому что, если бы он был самым несовершенным существом, он был бы не Бог, а мой кузен Густаво. Почему виски придумали в Шотландии? Потому что, если бы его придумали в Японии, это был бы не виски, а сакэ и его бы не пили с содовой. Почему море такое огромное? Потому что там очень много рыб и было бы неразумно тащить их всех на Монблан. Почему «раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять»? Потому что, если бы он выходил на счет тридцать три, это был бы Великий Магистр масонов.

Почему бокалы расширяются кверху и сужаются книзу? Потому что иначе все бары бы обанкротились. Почему мама — это всегда мама? Потому что, если бы она иногда бывала и папой, гинекологи не знали бы, куда деваться. Почему Аллах — это Аллах, а Магомет — пророк его? Потому что после дела Рушди в такие дела лучше не совать носа. Почему ногти растут, а зубы — нет? Потому что иначе невротики пооткусывали бы себе зубы. Почему задница внизу, а голова — сверху? Потому что в противном случае было бы очень трудно спроектировать нужник. Почему Наполеон родился на Корсике? Потому что.

Почему ноги сгибаются в коленях только в одну сторону? Потому что, если бы они сгибались в обе, это было бы очень опасно в случае вынужденной посадки самолета. Почему Христофор Колумб поплыл на запад? Потому что, если бы он поплыл на восток, он открыл бы Мессину. Почему у нас на пальцах ногти? Потому что, если бы там были зрачки, это были бы глаза. Почему огонь горячий? Потому что, если бы он был мокрый, это была бы вода. Почему у собак есть хвост? Потому что иначе им пришлось бы от радости вилять членом.

Почему высокое противоположно низкому? Потому что, если бы оно было противоположно Трапезунду, мы бы потеряли последний. Почему, когда темно, нет света? Потому что темно. Почему таблетки аспирина не похожи на игуану? Попробуйте вообразить себе, что произошло бы, будь это так. Почему пес умирает на могиле хозяина? Потому что на кладбище нет деревьев, на которые можно пописать, и через три дня у него лопается мочевого пузыря.

Почему как аукнется, так и откликнется? Вопрос плохо поставлен: он в самом себе заключает ответ. Почему лучшие подушки — перьевые? Потому что иначе лучшие птицы были бы шерстяные. Почему Север сверху, а Юг — снизу? Потому что иначе Восток был бы слева.

Почему у русалок рыбий хвост? Потому что, будь у них ноги, это были бы кумушки из Вогеры. Почему прямой угол составляет девяносто градусов? Плохо поставленный вопрос: он ничего не составляет сам по себе, без нашего участия.

ВЕЛИКОЛЕПНЫЕ СУДЬБЫ ПРОГРЕССА^[250]

Прогнозы на третье тысячелетие

О, как молодость прекрасна!^[251]

Согласно Книге Бытия (1:32), Адам жил 930 лет, а Ной только 500 (но он пил). Кроме этих недостаточно надежных сведений, на нас повлиял еще и образ Солона, который дожил до 80 лет, поэтому нами и владеет убеждение, что в древних обществах имела место геронтократия. Были, конечно, в истории человечества великие старики (Катон Цензор, Софокл, Тициан, Кант, Верди, Шеллинг или Моне), но им повезло. Платон умер в 80 лет, а вот Аристотель — в 62.

Оставим в стороне тех, кто умер насильственной смертью, как Катон Утический, Цезарь, Цицерон, Сенека, Иисус, апостолы Петр и Павел, Джордано Бруно или Робеспьер, ибо не можем же мы ввести в статистические данные продолжительности жизни младенцев, избиение которых устроил Ирод. Когда нужно припомнить людей, проживших короткую, но яркую жизнь, на память обычно приходят Александр Македонский (33), Моцарт (35), свя-

²⁵⁰ Строка из программного стихотворения Леопарди «Дрок».

²⁵¹ Первая строка канцоны Лоренцо Медичи Великолепного (1449–1492) «Триумф Вакха и Венеры».

той Луиджи Гонзага (23). Добавив Рембо и Леопарди, мы, возможно, совершим ошибку, ибо первый дотянул до 37 лет, а второй аж до 39, а это, как мы увидим, для тех времен было немало. Но если мы возьмем других деятелей, которые создали великие творения и тем самым превзошли свой век, а значит, в наших глазах должны бы представляться долгожителями, то результаты окажутся впечатляющими.

Возьмем ряд имен чуть ли не наугад: Байрон (36), Беллини (34), Шарлотта Бронте (39), Эмили Бронте (30), Энн Бронте (29), Ван Эйк (46), Вермеер (43), Гоголь (43), Годзано (33), Гольбейн (46), Т. Э. Гоффман (46), Гуго Сен-Викторский (45), Екатерина Сиенская (33), Караваджо (39), Катулл (33), Китс (26), Клейст (34), Корреджо (45), Кретьен де Труа (48), Лермонтов (27), Лоренцо Великолепный (43), Луини (47), Людовик XIII (42), Мазаччо (27), Мопассан (43), де Мюссе (47), Новалис (29), Парацельс (48), Паскаль (39), Рафаэль (37), Ричард Львиное Сердце (42), Дунс Скотт (43), Спиноза (45), Гаспара Stampa (31), Стивенсон (44), Иджино Уго Таркетти (30), Феодора (48), Филдинг (47), Филипп Красивый (46), святой Фома (49), Фосколо (49), святой Франциск Ассизский (44), святой Франциск Ксаверий (46), Шелли (30), Шопен (39).

В возрасте от 50 до 53 лет Менандр завершает свою комедию, Ришар Сен-Викторский — „Preparatio animi ad contemplationem”^[252], Наполеон — свое заточение, и вместе с ними уходят со сцены Сципион Африканский, Август, Вергилий, Валла, Изабелла Католическая, Верроккьо, Мольер, Шекспир, Везалий, Тассо, Лессинг, Жозефи-

²⁵² «Приготовление души к размышлениям» (лат.).

на Богарнэ, Доре, Фихте, Доницетти, Бальзак, Кавур, Рикардо, Гофмансталь, Верлен.

Иван Грозный и Ленин перестают грозить миру в 54 года; тогда же Декарт перестает сомневаться, а Альфиери — желать. Саладин, Кальвин, Колумб, Васко да Гама, святой Франциск Сальский и Стерн с Элизабет Баррет Браунинг дотягивают до 55 лет.

Данте, Фридрих II, Людовик IX Святой, Мондино ди Лиуцци, Генрих VIII, Тасман, кавалер Марино и Малларме живут до 56 лет. Гораций, Авиценна, святой Бонавентура, Дюрер, Виттория Колонна, Тарталья, Ришелье, Бетховен и Пасколи достигают 57-ми. 58-летний рубеж преодолевают Тит Ливий, святой Амвросий, Филипп Август, Макиавелли, Карл V, Маттео Риччи, Виктор-Эммануил II. В 59 лет колокол звонит не только по Джону Донну, но и по Гвиттоне д'Ареццо, Оккаму, Ариосто, Кеплеру, Монтеню, Рабле, Жоржу де ла Туру, Мазарини, Кромвелю, мадам де Лафайет, Гейне, Стендалю и Флоберу.

Почтенными старцами в возрасте от 60 до 65 лет, месяцем больше, месяцем меньше, сходят в могилу Демосфен, Перикл, Аристофан, Магомет, Боккаччо, Фичино, Лютер, Расин, Рубенс, Рембрандт, Мильтон, Руссо, Гегель.

Все мы пребываем в убеждении, будто в первой половине нашего, XX века средняя продолжительность жизни немного увеличилась, но вот вам Радиге (20), Модильяни (36), Кафка (41), Пруст (51), Джойс (59).

Итак, до недавнего времени люди умирали очень рано и достигали славы в молодые годы. Не старики, а скорее молодые обладали властью. А в наше время у власти стоят люди в возрасте от 70 до 90 лет. Наши мо-

лодые, если им повезет, придут к власти в такие лета, когда императоры, мыслители, художники и святые прошлых веков были уже мертвы. Война никогда не поддерживала равновесия, ибо, как правило, в боях погибает больше молодежи, чем стариков; и на бомбардировки уже положиться нельзя — кажется, будто бомбы поумнели и больше никого не убивают; с другой стороны, девяностолетние старцы, пребывающие у власти, отсиживаются в таких местах, куда бомбы, умные ли, дуры, не падают.

Mundus senescit^[253], говорили древние — и умирали в 40 лет. Сегодня средства массовой информации напоминают всем, в том числе и дряхлым старцам, о том, как молодость прекрасна, и молодежь начинает ценить это долгое ожидание. Juventus senescit^[254].

1991

Кто был сначала — человек или курица?

В позапрошлом номере «Эспрессо» читатель Франко Тасси высказывает свое мнение по поводу двух последних «картонок», которые я посвятил охране окружающей среды, вступив в полемику с утверждениями радикалов от экологии: ради того, дескать, чтобы спасти планету, не жалко и уничтожить человеческий род. Я говорил о разумной экологической доктрине, согласно которой Ното Faber (создание, по самой природе своей преобразующее Природу) по меньшей мере такое же детище Вели-

²⁵³ Мир стареет (лат.).

²⁵⁴ Молодость стареет (лат.).

кой Матери-Земли, как и морская корова. И теперь Франко Тасси задается вопросом, на самом ли деле желала Мать-Земля появления Homo Faber.

Первая гипотеза состоит в том, что Земля — всего-навсего саморегулирующаяся система, не имеющая воли, не знающая намерений и целей. Тогда все происходит по той же схеме, по какой образуются кристаллы снега, или, благодаря лавинам, моренам и оползням, формируются горные хребты. В таком случае все, что происходит на Земле, — это факты, сами по себе не хорошие и не плохие, истребляет ли Земля динозавров или порождает Homo Faber (он-то после и выработает оценочные суждения). Но тогда, если Homo Faber будет по-прежнему производить углекислый газ и уничтожит вместе с окружающей средой свой собственный вид, это тоже будет всего лишь фактом, как и то, что за какие-то несколько тысячелетий деревья вырастут вновь и Земля опять обретет равновесие — только без нас. Не о чем беспокоиться, давайте загрязнять и дальше, Земля как-нибудь выпутается.

Можно также считать, что Земля — некое божество, имеющее собственные цели. И тогда, если Homo Faber появился на свет, значит, она этого хотела, а раз так, то должна добиться равновесия, сотрудничая с ним. Правда, можно также полагать (и многие религии это исповедуют), что речь идет о божестве, которое все еще должно считаться с присутствием Зла. Но Зло (в нашем случае Человек) или допускается Богом, чтобы подвергнуть испытанию им сотворенный мир, или было создано неким Антибожеством (дьяволом или гадким Демиургом — но вновь возникает ужасный вопрос: как божество позволило такому свершиться), или само божество, подточенное внутренней диалектикой, породило как Добро, так и Зло.

Во всех этих случаях Великая Мать-Земля (как и божество других религий) несет ответственность за метафизическую каверзу, которая ее подтачивает. Земля должна считаться с человеком потому, что или сама пожелала этого, или это допустила, или же человек, нарушая мировую гармонию, является ее частью.

Но если Человек воплощает в себе Мировое Зло, любопытно, что проект искупления (и ясного, блистательного знания о том, как спасти Землю) нам преподносят радикалы от экологии, которые — тоже люди, а значит, представители Зла. Почему мы должны им доверять?

В действительности забота об окружающей среде — типичный плод человеческой деятельности. Именно чувствительность (и угрызения совести) Homo Faber порождают идею почтения к планете. Животные ничего не почитают. Пока на острове водятся кролики, лисы их едят, не заботясь о том, что, когда кролики будут истреблены, все они погибнут от голода; а когда почти все лисы вымрут, немногие выжившие кролики в полном благополучии снова начнут блаженно плодиться и размножаться, зная не зная о том, что тем самым они готовят обильную пищу для оставшихся лис, которые дадут начало новому циклу.

Но экология и не общечеловеческий идеал, а скорее христианский: язычников он мало заботил. Первобытные племена не заботятся об экологии, они разоряют природу. Уважение к другим видам — христианское, францисканское чувство. Его разделяют и те, кто францисканцами не является, когда к нему прибавляется порожденная здоровым эгоизмом забота о сохранении вида.

Но и сознательная забота о сохранении вида — плод человеческой деятельности.

Экология — не более чем способ, с помощью которого человеческий род пытается увязать права окружающей среды со свойственной человеку предрасположенностью эту среду изменять, и цель ее — добиться разумного равновесия. Когда Франко Тасси приводит как пример ложной филантропии отказ заняться лесами, поскольку сначала нужно подумать о рабочих, я с ним согласен: такое поведение неразумно. Однако неразумным было бы и прекратить исследования, направленные на борьбу с раком или СПИДом, потому, что спасение китов — более неотложная задача.

1992

Говорите мне «ты», мне всего пятьдесят!

Как-то раз я представил другу-профессору сына еще одного моего приятеля. У них завязалась беседа, и в какой-то момент пожилой ученый сказал молодому человеку: «Извини, что я непроизвольно стал говорить тебе „ты“». «Да что вы, — отвечал тот, — мне только двадцать пять!» Этот эпизод меня поразил. Если бы в мои двадцать пять какой-нибудь незнакомец вздумал, не будучи при этом духовным лицом, обращаться ко мне на «ты», я бы посмотрел на него очень косо. И не только в двадцать пять лет, но и, допустим, в восемнадцать. Переходя от детских штанишек к мужским брюкам, мы уже получали право обращения на «Вы». Что уж говорить о двадцати двух годах — времени окончания университета. Даже старый друг семьи говорил: «Теперь мне надо называть вас Доктором...». И мы, гордясь своей зрелостью, отвечали с напускной скромностью: «Ну что вы, зовите меня как прежде...»

В другой раз, в Бостоне, я участвовал в диспуте с Марвином Мински^[255]. Нас попросили поговорить о XXI веке, и мы развлекались, выдвигая различные гипотезы. Мински заметил, что одной из наиболее характерных примет следующего тысячелетия станет рост продолжительности жизни. Можно предположить, что постепенно она сместится к двумстам годам. Это создаст множество проблем: ведь в возрасте между 80 и 200 годами мы, возможно, окажемся подвержены каким-то новым, еще неизвестным болезням, с которыми придется мало-помалу учиться бороться. Задача нелегкая, несколько миллиардов падут жертвами, но в конце концов наши правнуки добьются успеха.

Я в свою очередь заметил, что человеческое существо ста пятидесяти лет от роду, если оно сохранит свой интеллектуальный запас, будет обладать опытом, несоизмеримо большим по сравнению с нынешним, и на фоне наших правнуков Солон, этот вошедший в поговорку мудрец, покажется неопытным юнцом. Значительно дольше станет период отрочества, которое у всех живых существ длится от младенчества до освобождения из-под родительской опеки. У котенка он занимает несколько месяцев, у других животных — еще меньше. Отрочество человека длилось всегда заметно дольше, но — в зависимости от типа цивилизации — можно говорить о возрастном промежутке от двенадцати до шестнадцати лет. Потом обряд инициации, и ты взрослый.

За две тысячи лет, отделяющие времена Древнего Рима от моего поколения, постепенно произошло одно изменение — более заметное для правящих классов, чем

²⁵⁵ *Марвин Мински* (р. 1927) — основатель лаборатории искусственного интеллекта в Массачусетском технологическом институте.

для бесправных. Учитывая время, проведенное «на стоянке» в университете, можно сказать, что финишная ленточка перехода во взрослое состояние сместилась от четырнадцати к двадцати пяти годам. Соответствующим образом сместился и момент наступления детородного возраста, то есть супружества и ответственного заведения детей. А все потому, что удлиняется средняя продолжительность жизни родителей. Если в 50 лет человек считается стариком, то в 14 лет он считается взрослым: его жизненный опыт к этому времени уже вполне достаточен. Ясно, что в обществе, где никому не в диковинку родители, доживающие до восьмидесяти и даже девяноста лет, молодому человеку, чтобы набраться необходимого опыта, нужно дать время по крайней мере до тридцати. Вот почему, как только начиная со второй половины XX века резко, на десятилетие, увеличилась продолжительность жизни, университеты оказались полны тридцатилетних «ребят», которые еще не помышляют о потомстве.

Вообразим теперь себе человечество со средней продолжительностью жизни в 150 лет. Обряд инициации в этом случае сместится к пятидесяти годам. «Извини, что обращаюсь на „ты“». — «Ну что вы, мне всего пятьдесят...» Но ведь хорошее питание (которое позволяет нынешнему подростку быть выше и крепче своих сверстников столетней давности) ничуть не затруднит и не замедлит полового созревания: люди будут и дальше начинать свою сексуальную жизнь подростками, и попробуй уговори их не заводить детей до пятидесяти. Таким образом, мы столкнемся с феноменом безответственного отцовства и материнства — точно так же, как сегодня множество тринадцатилетних девчушек заводят детей, и обществу, разумеется, придется заботиться о воспита-

нии этих детей, о которых матери (и отцы) не могут позаботиться как следует, потому что они сами еще дети. В обществе, в котором несовершеннолетние тридцати и сорока лет будут заводить детей, государству придется вмешиваться, забирая потомство под свой контроль и помещая в детские учреждения. Хорошенькая перспектива: увеличение продолжительности жизни может привести к диктаторскому контролю и воспитанию на манер спартанского.

1993

Мамочка, что такое «брат»?

В рубрике неожиданной статистики в «Сетте» (приложении к «Коррьере дела сера») за 25 мая Джорджо делл'Арте^[256] привел некоторые данные.

Итак, из-за постоянного падения рождаемости к 2030 году число итальянцев сократится с 18 до 11 миллионов, и, чтобы компенсировать сокращение численности населения, потребуется по меньшей мере 300 000 иммигрантов в год. Адресую эти данные партиям, озабоченным чистотой нашей расы. Будем, однако, надеяться, что их приверженцы не начнут, дабы уменьшить зло, размножаться с невиданной скоростью, ибо не знаю, нужна ли нам такая чистота.

Но даже с учетом притока иммигрантов, если годовой прирост в 2150–2200 человек останется прежним, итальянцы исчезнут с лица земли. Их заменят люди всяких цветов кожи; мы окажемся более-менее в той же ситуации, что и Римская империя перед ее крахом; возмож-

²⁵⁶ Джорджо делл'Арте (р. 1945) — известный итальянский журналист.

но, какая-нибудь волна сарматов или ряд поощрительных мер для привлечения гренландцев приведут к тому, что появится новое население, стоящее в очередях и платящее налоги. Вероятнее всего, полуостров станет перевалочным пунктом, через который будут постоянно проходить, нигде не задерживаясь, человеческие толпы.

Но вернемся к статистике: поскольку на других континентах ритм рождаемости удерживается на постоянной отметке, в 2025 году в мире будет насчитываться два миллиарда сорок два миллиона человек в возрасте от двенадцати до двадцати четырех лет. В большинстве своем это будут *meninhos da rua* — уличные мальчишки, обитатели бидонвилей. В следующем веке 80 % городского населения Африки будет состоять из молодежи; в азиатском мегаполисе молодых будет 23 %, а в южноамериканском — 21 %. Думаю, в каждом из этих мегаполисов будет никак не меньше шестидесяти миллионов жителей: из-за загрязнения окружающей среды наконец-то сократится число стариков.

Не следует рвать на себе волосы: как исчезли этруски, так исчезнут и итальянцы. Уже давно говорят, что нужно быть готовыми к цветной Европе; подлинная проблема состоит в том, пойдут ли эти неевропейцы учиться в Сорбонну и Оксфорд (не станем забывать, что святой Августин тоже был африканцем); если же, скажем, Сиена превратится в большую деревню, где китайские подростки станут палить почем зря в конголезских подростков, это будет очень плачевно (для Сиены, для китайцев и для конголезцев).

Я отношусь к тем, кто считает, что сдержать взрыв рождаемости можно только с помощью мудрой воспитательной политики. Вера многих в божественное провиде-

ние не утешает меня. И поскольку прелесть этой планеты состоит также в культурных и этнических различиях, контроль над рождаемостью должен пониматься и в позитивном смысле; я хочу сказать — между мыслью о том, что итальянцы должны распространиться по всему миру и завоевать его, и убеждением в том, что не случится ничего страшного, если они исчезнут, должна быть какая-то середина: может быть, стоило бы сохранить некоторые особи (пусть должным образом смешанные с пришельцами). Именно поэтому и следует воспитывать разумный, ответственный подход к продолжению рода.

Но и эти решения могут привести к любопытным, если не сказать драматическим, последствиям. На прошлой неделе один мой друг рассуждал о том, что могло бы произойти (вернее, несомненно произойдет), если бы весь мир присоединился к чрезвычайной мере, принятой китайцами: каждая пара может иметь только одного ребенка. На первый взгляд это кажется разумным: один новый итальянец, один новый конголезец, один новый индиец и так далее. Тогда более или менее сохранились бы современные пропорции (албанцев так и осталось бы меньше, чем японцев), и, возможно, пространства и еды хватило бы на всех. Но — внимание! Через два-три поколения утратили бы всякий смысл такие слова, как *брат, сестра, дядя, тетя, кузен, кузина*. Бог с ними, с кузенами, обойдемся и без дяди с тетей, но отдаем ли мы себе отчет в том, что для мальчика середины следующего тысячелетия потеряет значение такое понятие, как *братство*? Его, конечно, заменят каким-нибудь другим (может быть, объясняя Евангелие, учитель будет говорить, что мы должны любить друг друга, как соседи по дому, или товарищи по школе, или пассажиры одного и того же мега-автобуса), но будет ли эта замена полноценной?

С другой стороны, какой смысл будет иметь слово *братство* для того, кто дерется за кусок хлеба с пятнадцатью братьями, может быть даже не узнавая их, брошенных родителями на произвол судьбы в городе, где ресурсов хватает на десятую часть населения? В обоих случаях, иметь ли в виду недостаток или излишек, в перенаселенном мире потеряют всякое значение понятия «племя», «группа», «семья».

Если только провидение, или природа, не вмешается, чтобы восстановить равновесие, наслав заразу сильнее или затяжную войну с обилием человеческих жертв. Это, во всяком случае сейчас, кажется вероятнейшей и ближайшей перспективой.

1995

Сумасшедший ученый решил меня клонировать

Вот уж больше недели, как Долли^[257] побивает Валерию Марини^[258]. Но ведь и событие это (во всяком случае, в его символическом смысле) означает коренной перелом в развитии человеческого рода, но меньшей мере такой же, как появление первых кремневых орудий, и возможности, которые оно открывает, затрагивают не только верующих, но и всех, кто задается вопросами, что такое жизнь и человек и есть ли пределы научного познания. Мне и в голову не приходит поднимать столь колоссальные проблемы в моей «картонке». Но меня пора-

²⁵⁷ Овца *Долли*, родившаяся 5 июля 1996 г. в Великобритании, — первое клонированное млекопитающее.

²⁵⁸ *Валерия Марини* (р. 1967) — итальянская актриса, стилистка, топ-модель.

жает научно-фантастический уклон, какой принимает дискуссия. Кажется, будто клонирование воспринимается как воссоздание абсолютного двойника того или иного индивидуума, в том смысле, что, если бы клонировали Берлускони, перед нами встала бы двойная проблема несоответствия занимаемой должности; а если бы клонировали Проди, мы имели бы двух председателей совета, рвущихся в Европу и создающих двойную проблему Бундесбанку.

Хотя сама техника и новая, но вообще-то клонирование человека — не более чем очередная попытка осуществить задуманное нацистами, а именно производить путем продуманного скрещивания только высокие, белокурые, здоровые и крепкие особи, чтобы создать из них армию сверхчеловеков. С одним изъяном, который уже обнаружили ученые: общество сверхчеловеков с одним и тем же генофондом может легко погибнуть от одного-единственного вируса. Лучше старая система, которую давно используют в самых разных организациях: берешь людей с различным генофондом, железной рукой воспитываешь их, промываешь им мозги — и вот они все на одно лицо.

Чего можно добиться, клонируя какую-то особь? Вообразим, что какой-нибудь Доктор Псих признает меня лучшим образцом человеческой породы (не забывают: он хоть и доктор, но псих) и решит клонировать. Он берет у меня соматическую клетку, делает все, что нужно, и через девять месяцев рождается существо с моим набором генетических характеристик. Предположим, у него будут глаза и волосы такого же цвета, как и у меня; моя склонность к полноте, моя предрасположенность к определенным болезням, мои способности к гуманитарным наукам и так далее. Возможно, фотография шестимесяч-

ного Умберто Второго, лежащего на леопардовой шкуре, будет очень похожа на мою, сделанную в 1932 году.

Но потом начнутся изменения. Меня вырастили и воспитали два совершенно конкретных человека, которые принадлежали к мелкой буржуазии; я рос в провинциальном итальянском городке в тридцатые и сороковые годы; слушал, что говорят родные, друзья, знакомые; ел то, что можно было найти в военное время; дышал воздухом не таким загрязненным, как сейчас, — но в детстве пережил бомбежки, воспитывался в католической вере в фашистской Италии; впервые увидел телевизор, когда мне было уже больше двадцати лет, и так далее, и тому подобное. Умберто Второго может воспитать семья фермеров Среднего Запада или семья евреев-ортодоксов в Иерусалиме, он будет есть другую пищу, читать другие книги, слушать другую музыку, смотреть или не смотреть телевизор; если он заболит, его будут лечить другими химическими веществами, не теми, какие давали мне при кори и свинке.

Кем станет он, достигнув моих лет? Этого никто не может сказать, но, уж наверное, не тем, кем стал я: может быть, он будет кардиналом; может быть, не будет математиком, а скорее адвокатом, или наркоманом, или содержателем кабака в Сингапуре, или наследником Раути^[259], или лучшим в мире экспертом по филателии.

С другой стороны, если бы в годовалом Гитлере тибетские монахи распознали новое воплощение Будды и воспитали бы его в Лхасе, стал бы он Гитлером? В основе всех научно-фантастических рассуждений о клонирова-

²⁵⁹ *Пино Раути* (Джузеппе Умберто, р. 1926) — итальянский политик и журналист крайне правых убеждений, создатель неофашистской партии, подозревается в пособничестве террористам.

нии лежит наивный материалистический детерминизм, согласно которому судьба человека определяется единственно его генетическими характеристиками. Как будто бы ничего не значат воспитание, среда, несбывшиеся возможности, питание, тип физической активности; ласки или оплеухи, полученные от родителей; умерли ли эти самые родители молодыми или старыми; были они алкоголиками или абстинентами; жили в разводе или преданно любили друг друга.

Клонирование людей — не самая лучшая инвестиция. Какой великий человек захочет быть увековеченным в карикатуре? В общем, все-таки более разумно производить детей по старой системе.

И потом, если верно, что в одной клетке заключена вся наша судьба, то стоит ли жить?

1997

Евгеника — не точная наука

Через несколько месяцев после того, как распространилась новость о клонировании коровы, человечество (или по крайней мере та его часть, что выражает себя через средства массовой информации) забило тревогу, требуя более строгого контроля над наукой, пророчествуя о вселенной, состоящей из двойников.

Но никто, мне кажется, не вздохнул с облегчением (забывая недавние страхи), узнав пару недель тому назад другую новость, а именно: что многие десятилетия и вплоть до совсем недавнего времени в Швеции практиковали строгую селекцию, пытаясь сделать неспособными к деторождению всех человеческих особей, обладавших каким-либо дефектом (между прочим, я только что про-

чел, что подобная полемика разгорается также и во Франции, то есть следует предположить, что селекция наилучших через контроль над несоответствующими осуществляется чаще, чем мы думаем).

Эту практическую евгенику всячески клеймили и клеймят (к чему, несомненно, обязывают и здравый смысл, и доброе сердце), но никто никогда не пробовал сделать из происходящего какие-либо оптимистические выводы.

По общему мнению, самый вопиющий вариант евгеники был предложен фашизмом: прежде всего, он основывался на тщательно разработанной теории превосходства германской расы, а значит, ее и навязывал в качестве абсолютной модели как в теоретическом, так и в практическом плане.

Теперь поглядим, что получилось у бедного Гитлера, которому можно только посочувствовать. Можно с уверенностью сказать, что если самые расхожие, всеми узнаваемые типажи немецких граждан — это инспектор Деррик, его тупой помощник и те недоделки-сифилитики, которых оным стражам порядка удастся арестовать лишь благодаря их плоской энцефалограмме, значит, евгенический проект нацистов провалился. Но давайте прикинем: много ли времени было у Гитлера, чтобы осуществить его?

Он встал во главе государства в 1934 году и, не считая последних месяцев в бункере, уже к концу 1944 года практически вышел из игры. То есть в его распоряжении было каких-то десять лет, в течение которых он был должен в следующем порядке: (1) создать армию и новую индустриальную мощь; (2) уничтожить, кроме политических противников, миллионы представителей низших рас

(да еще с каким организационным и техническим размахом); (3) вести самую непростую войну в истории человечества, сражаясь не только с противником, но также и не в последнюю очередь с собственными союзниками. Сколько времени оставалось ему для того, чтобы посвятить себя селекции избранной расы? Даже если бы он работал сверхурочно, ничего бы не получилось.

А у шведов в распоряжении было несколько десятилетий. Я вовсе не хочу обижать шведов, среди которых у меня множество друзей, но и сейчас (как всегда и везде в этом мире) есть шведы красивые и умные, а есть страшненькие и не отличающиеся сообразительностью; есть ученые и писатели с именем, а есть скромные, незаметные люди; некоторые радуются жизни, а другие имеют склонность к алкоголизму и суициду; полагаю, есть и такие, что похожи на инспектора Деррика и его коллег.

Одним словом, нельзя сказать, что шведы хуже других, но нельзя также и утверждать, будто они представляют собой избранную расу, выведенную путем опытной селекции. Если они высокие, белокурые, красивые, то это потому, что такими были их предки викинги; потому, что они живут в бодрящем климате, много занимаются спортом, едят прекрасную лососину; а еще потому, что, по моему мнению, водка «Абсолют» куда лучше русской. Но они были бы такими и в том случае, если бы иные из их врачей и не стерилизовали (допустим) субъектов, у которых одна нога короче другой.

Заметьте заодно, что те же самые шведы ежегодно отрекаются от безумия своих ученых и от каких бы то ни было арийских мифов, поскольку присуждают Нобелевские премии людям черненьким, лысеньким, рахитикам, заикам, дистрофикам, косоглазым, усыпанным перхотью,

с жирной кожей, в очках со стеклами толщиной в три пальца, калекам на костылях, диабетикам, обладателям зубных протезов, насквозь прокуренных черным табаком легких и бронхов, пенисов с горизонтальной эрекцией.

Таким образом, этот эпизод показывает, что евгеника — это не наука и что выводить совершенную расу — напрасный труд.

А теперь, после всех парадоксов, позвольте мне сказать следующее: я нахожу, что инспектор Деррик — более человечный персонаж, чем Гиммлер, а его коллеги более приемлемы, чем те долихоцефалы замедленного развития, которых Лени Рифеншталь^[260] откопала в спецшколах.

1997

Древние хроники 2090 года

— Посмотри в Интернете, что там на улице? — спросила мама у маленького Мухаммеда Ибн Эспозито.

Крошке мешал респиратор, но он вскарабкался на высокую табуретку и заглянул в кухонный компьютер.

— Первое брюмера 90 года после Рождества Христова, мама, — начал он с гордостью трехлетнего ребенка, уже отучившегося два первых года на курсах телематики.

— Аллах помилуй, — запричитала мама, — этот компьютер за девяносто лет еще не разобрался с дурацкой проблемой двух нулей? Сейчас 2090 год, золотце, будто ты сам не знаешь!

²⁶⁰ *Берта Елена Амалия Рифеншталь* (1902–2003) — немецкая актриса и режиссер, создательница пропагандистских фильмов, восхваляющих идеологию нацизма.

Уязвленный малыш отвечал, что трудно ожидать другого, если родители из экономии все еще покупают мексиканские компьютеры, содранные с «Пекина-2».

— Ну да, — сказала мама, — болгарский компьютер, которых у нас в Партенопейской республике^[261] больше всего, обойдется вдвое дороже. А мы люди бедные, ты ведь знаешь. Тех двухсот миллиардов в неделю, что я получаю на службе, едва-едва хватает, чтобы сводить концы с концами. Сам видишь, с этой инфляцией до того дело дошло, что появились монетки в миллион — Падую обогнала Словению! А еще надо аэромобиль поменять, придется отправиться за «хондой» в Паданию. Да еще и платить дань по пути в Папской области... Знаешь ведь, с тех пор, как в Ватикане Скандерберг I и все эти кардиналы-албанцы^[262] ... не говоря уж о таможнях Пармского княжества.

— А почему «хонды» дешевые только в Падании? — спросил Мухаммед.

— Сыночек, вас два года учат виртуальному исчислению, а истории совсем не учат. Я тебе тысячу раз рассказывала: став восемьдесят лет назад независимой, Падания поначалу пыталась продавать «фиаты» шведам, рис — китайцам и вино «Барбера» — бургундцам, но была отрезана от южного рынка (за исключением импорта «беретт» на Сицилию) и подпала в зависимость кантона

²⁶¹ *Партенопейская республика* — так (по древнему названию Неаполя — Партенопея) назвалась республика, провозглашенная после свержения испанских Бурбонов в королевстве обеих Сицилий войсками французской Директории в 1799 г. и просуществовавшая меньше полугода.

²⁶² Имя «Скандерберг» отсылает к Георгию Кастриоте, албанскому христианину, который в XV в. служил у турок под именем Искандер-Бея (Скандерберга). Позже он вновь перешел в христианство и возглавил борьбу албанцев против турок.

Тичино. Ты ведь помнишь о том самом Бернаскони, что скупил весь Милан? Потом была революция, Босси^[263] упекли в барокамеру, Паданией овладели японцы, которые начали производить здесь товары для восьмого мира, используя низкооплачиваемый ручной труд: ломбардцев — в подземельях, на переработке радиоактивных отходов в синтетическую еду, а сенегальцев — на конвейерах. Но ведь им, бедным северянам, тоже надо как-то жить, с их-то ужасными налогами. И не забывай никогда: не существует неполноценных рас. Даже жители Брешии, хоть кожа у них и не такого цвета, как у нашего президента Альбумасара^[264]. Как говорят до сих пор в резервациях Вальтеллины^[265], «белое — это красиво».

— Мам, — неожиданно сказал Мухаммед, — а ты не купишь мне братика?

— Что? — в ужасе воскликнула мама. — Кто это тебе рассказал о таких вещах? Ты видел когда-нибудь, чтобы у ребенка был братик?

— Я это в сказке прочитал, — спокойно ответил маленький Ибн Эспозито. — Там говорилось о каком-то Мальчике-с-пальчик, у него были сестры и братья, и он раскидывал по лесу чечевицу...

Смущенная мама попыталась сменить тему:

²⁶³ *Умберто Босси* (р. 1941) — эксцентричный ультраправый политик, лидер сепаратистской «Северной лиги», ратующей за отделение «передового» севера Италии (к северу от реки По) от «отсталого» юга и образование независимого государства, для которого они уже подобрали название — Республика Падания.

²⁶⁴ Использовано имя персидского астронома и математика IX века.

²⁶⁵ Горная область на северо-востоке Италии, граничащая со Швейцарией.

— Вот-вот, такое только в сказках бывает: братья, чечевица, хлеб, фрукты... Все это давно ушло. Возблагодари Аллаха, что твой отец, который работал с продовольствием и оставался бесплодным двенадцать лет, прямо перед смертью еще успел получить разрешение обзавестись ребенком!

Мама не стала рассказывать, как она волновалась по поводу своих поздних родов и поэтому с первых месяцев отправила ребенка наблюдаться в ливийскую клинику на Лампедузе.

Но Мухаммед настаивал:

— Мама, а что такое братик?

— Хорошему мальчику незачем даже знать такие вещи, — отрезала мама. — И вообще уже поздно, тебе пора на встречу гей-скаутов.

Сын начал ныть, что ему неохота, и матери пришлось пригрозить, что она отдаст его на съедение Матери Терезе Калькуттской: этой колдовской фигурой, чье происхождение терялось во мраке лет, всё еще пугали малышню. Ребенок ушел с ворчанием, и мама задумчиво пробормотала: «Мало мне огорчений в жизни, так еще и сын ненормальный».

У входной двери позвонили, и на пороге показался блондин.

— Добрый день, герр Телль, вот наш взнос.

Платить ежемесячную мзду за воздух для респираторов было невыносимо, но со швейцарской мафией не поспоришь. Жизнь — нелегкая штука, думала мама, протирая радиоактивные отходы, предназначенные для новой системы освещения, введенной евроазиатским дого-

вором по Чернобылю. Она чувствовала себя уставшей и к своим одиннадцати уже увяла, как в четырнадцать. «Какие уж тут братики», — сказала она себе.

Чтобы развеяться, она надела шлем гипновидения и включила последние известия. Диктор говорил, что скоро, несомненно, удастся найти ответственных за резню в Устике. «Есть еще справедливость в этом мире», — пробормотала она.

1997

Как подготовиться к безмятежной кончине

Не думаю, что выскажу нечто оригинальное, но одна из самых серьезных для человека проблем — как вести себя перед лицом смерти. На первый взгляд может показаться, будто эта задача труднее для неверующих (как примириться с Небытием, ожидающим нас?), но статистика показывает, что и людей, приверженных религии, смущает этот вопрос: они твердо веруют в жизнь после смерти, но все-таки перед смертью находят жизнь настолько приятной, что никак не хотят покидать ее; они жаждут, да, слиться с хором ангелов, но как можно позднее.

В принципе, я хочу разъяснить, что такое бытие-для-смерти, или попросту признать, что все люди смертны. Вроде бы это легко, когда речь идет о Сократе, но становится невероятно трудным, когда дело касается нас самих. Самый трудный момент — это когда мы понимаем, что в этот миг мы еще здесь, а в следующий нас уже здесь не будет.

Недавно один думающий ученик (некто Критон) спросил у меня: «Учитель, как можно хорошо подготовиться к смерти?» Я ответил, что единственный способ подготовиться к смерти — это убедить себя, что все остальные мудаки.

Видя изумление Критона, я начал разъяснять. Вот погляди, сказал я: как можно примириться со смертью, даже если ты веруешь в вечную жизнь, если думать, что, пока ты умираешь, прекраснейшие юноши и девушки танцуют на дискотеках, радуясь и веселясь; ученые мужи постигают последние тайны космоса; неподкупные политики создают лучшее общество; газеты и телевидение стараются сообщать исключительно важные и интересные новости; ответственные предприниматели заботятся об окружающей среде и ломают голову над тем, как бы восстановить природу, где журчат ручьи, воду из которых можно пить, лес зеленеет на горных склонах, ясное синее небо защищено благодатным озоном, а из нежных тучек вновь накрапывает свежайший, сладчайший дождик? Одна мысль о том, что в мире творятся такие чудесные вещи, а ты при этом уходишь, была бы нестерпима.

Наоборот: в момент, когда ты покидаешь эту юдоль слез, попробуй обрести неколебимую уверенность в том, что весь мир (насчитывающий пять миллиардов человеческих особей) состоит из одних мудаков: мудаки пляшут на дискотеках; мудаки думают, будто постигли какие-то тайны космоса; мудаки предлагают панацею от всех наших бед; мудаки заполняют страницу за страницей пресными провинциальными сплетнями; мудаки — производители-самоубийцы, разрушающие планету. Разве не будешь ты счастлив, рад, доволен, что покидаешь эту юдоль мудаков?

Тогда Критон спросил меня: «Учитель, а когда нужно начинать думать так?» Я ответил, что не сразу, ибо кто в двадцать или даже в тридцать лет думает, что все вокруг мудаки, тот сам мудак и никогда не достигнет мудрости. Сперва нужно думать, что все прочие лучше нас, потом потихоньку развиваться; к сорока годам обрести некоторые сомнения; между пятьюдесятью и шестьюдесятью начать пересмотр своих мнений, а ближе к ста достичь уверенности, но суметь быстро подбить итоги, как только прозвенит первый звонок.

Убедить себя в том, что все окружающие (пять миллиардов) — мудаки, вовсе не легко, это — тонкое искусство, вдохновенный труд, недоступный первому встречному Кебету^[266] с колечком в ухе (или в носу). Этому нужно старательно учиться. Спешить не следует. Приходить к этому нужно постепенно, так рассчитав время, чтобы безмятежно встретить кончину. Но за день до смерти нужно думать, что кто-нибудь, тот, кого мы любим, кем восхищаемся, все-таки не мудак. Мудрость состоит в том, чтобы только в нужный момент (не раньше) признать, что он тоже мудак^[267]. После этого можно и умереть.

Итак, великое искусство состоит в том, чтобы понемногу проникать в мировую мысль, наблюдать за сменой обычаев, день за днем следить за средствами массовой информации, слушать заявления артистов, уверенных в себе; апофтегмы политиков, закусивших удила; философы апокалиптических критиков; афоризмы харизмати-

²⁶⁶ Кебет — оппонент Сократа в диалоге Платона «Федон».

²⁶⁷ Для политкорректности можно добавить, что этот последний мудак может быть и женского пола (*прим. автора*).

ческих героев, изучая теории, предположения, воззвания, образы, видения. Только в таком случае в самом конце на тебя снизойдет откровение, что все мудаки. И тогда ты будешь готов лицом к лицу встретить смерть.

До самого конца ты должен бороться с этим непосильным откровением, упорно ждать, что кто-нибудь да скажет что-то умное; что эта книга окажется лучше прочих; что этот вождь народа действительно желает общего блага. Естественно, по-человечески понятно, свойственно нашей природе отметить убеждение, будто все прочие, все без разбора — мудаки; в этом случае стоило ли жить? Но когда в конце ты постигнешь эту истину, то поймешь, что стоит умереть, что смерть — это даже восхитительно.

Тогда Критон сказал мне: «Учитель, я не хотел бы делать поспешные выводы, но подозреваю, что вы — мудаки».

«Вот видишь, — сказал я, — ты на правильном пути».

1997

Примечания

1

«Внесоюзные лица» — не принадлежащие к странам Европейского Союза — так в Италии называют иммигрантов. (*Здесь и далее, кроме особо отмеченных случаев, примечания переводчиков.*)

2

Переселение (*араб.*) — бегство Мухаммеда и его приверженцев из Мекки в Ясриб (Медину), произошедшее, согласно мусульманской традиции, в сентябре 622 года и положившее начало активной проповеди мусульманства с последующим объединением вокруг Мухаммеда многочисленных разрозненных племен. При халифе Омаре I (правил в 634–644) «год Хиджры» стал отправной точкой мусульманского летосчисления.

3

Гибралтар.

4

Т.е. с начала «Войны в заливе» — 17 января 1991 г.

5

Три войны (264–146 до н. э.) между Римом и Карфагеном.

6

Итало Мереу (р. 1921) — современный итальянский философ, автор книги «История нетерпимости в Европе» ("Storia dell'intolleranza in Europa", 1979).

7

Данте Алигьери, «Божественная комедия», «Рай», XVII, 58–59, перевод М. Лозинского.

8

Джузеппе Мадзини (1805–1872) — политик, революционер, один из вдохновителей объединения Италии. Провел в эмиграции во Франции и в Великобритании свыше 20 лет.

9

Имеется в виду Боснийская война 1992–1995 гг., острый межэтнический конфликт между вооруженными формированиями сербов и мусульмано-хорватской федерации, разгоревшийся на территории Республики Босния и Герцеговина сразу после ее отделения от Югославии и сопровождавшийся массовыми жестокостями в отношении мирного населения с обеих сторон. Общее число убитых составило 200 000 человек.

10

Жак Ле Гофф (р. 1924) — выдающийся французский историк, принадлежащий к «Школе анналов», автор многочисленных трудов по истории средневековой Европы.

11

9 ноября 1989 г.

12

Имеется в виду серия «Становление Европы», которая продолжает издаваться и поныне и для которой сам Эко написал книгу «Поиски совершенного языка в европейской культуре». По-русски серия выходит в издательстве «Александрия».

13

Какания — ироническое название Австро-Венгрии, от официальной австрийской аббревиатуры „К. и К.“, (kaiserlich und königlich — «кайзеровский и королевский»). Получила известность благодаря роману Роберта Музиля «Человек без свойств», в котором фигурирует как обобщенный образ второразрядной, забюрократизированной державы.

14

Речь идет о многолетней помощнице Джорджа Буша-старшего, дипломате Дженнифер Фитцджеральд (р. 1932). Их любовная связь тянулась якобы с середины 70-х гг. (и сам Буш, и Фитцджеральд это категорически отрицали), вызывая как неурядицы в семье Буша, так и резкие возражения его сотрудников, недовольных возросшим влиянием рядовой сотрудницы. Впервые об этой связи было упомянуто в 1992 г. в журнале "Spy".

15

17 февраля 1992 г. арестом президента уважаемой благотворительной организации было положено начало широкомасштабной кампании по искоренению коррупции и мафиозных связей в высших эшелонах власти под названием «Чистые руки» (Le mani pulite).

16

Единодушно избранный президентом Чехословакии решением Федеральной ассамблеи в декабре 1989 г., 2 июля 1992 г. Вацлав Гавел не смог получить вотум доверия в парламенте (против него проголосовали словацкие депутаты) и 20 июля того же года был вынужден подать в отставку после того, как Словакия объявила о своей независимости.

17

«Северная лига» (Lega Nord) — сепаратистское движение в Италии, ратующее за отделение «индустриально развитого» Севера от «отсталого» Юга и создание «Республики Падании» со столицей в Милане (см. колонку «Хроники 2090 года»). Создана «Северная лига» в 1991 г., уже в 1992 г. прошла в парламент.

18

Учительницей жизни (*лат.*).

19

«Нью-Йорк, Нью-Йорк, какой прекрасный город... с одного конца Бронкс, а с другого — Бэттери» (*англ.*). — Песня из мюзикла "Op The Town («Увольнение на берег»), музыка Леонарда Бернстайна, слова Бетти Комден и Адольфа Грина; впервые поставлен на Бродвее в 1944 г., экранизирован в 1949 г.

20

Недорогая закусовая. Первые забегаловки такого типа открыли евреи-эмигранты в начале XX в., откуда и

взялось их немецко-идишское название (которое сейчас обычно сокращают просто до Deli).

21

Смертная казнь в США была отменена в 1976 г. и восстановлена в штате Нью-Йорк 1 сентября 1995 г. 24 апреля 2004 г. Апелляционный суд штата признал ее неконституционной и приостановил ее. С того времени вокруг возможности применения смертной казни (формально не отмененной) идет ожесточенная юридическая борьба. Впрочем, с момента ее формального восстановления реально смертная казнь в штате ни разу применена не была.

22

«Нью-Йорк, Нью-Йорк, что за жуткий город: Бронкс, Центральный парк и Бэттери погибли» *(англ.)*.

23

Кардинал Сальваторе Паппалардо (1918–2007) — архиепископ Палермо, выступавший против мафии.

24

Горный Старец — глава раннесредневековой мусульманской секты хашишинов (асассинов), часто называемых террористами Средневековья.

25

Рожэ Гугено де Муссо (1805–1876) — французский журналист и писатель.

26

Норман Кон (1915–2007) — английский историк и писатель.

27

Антонио Брешиани (1798–1862) — итальянский литератор, иезуит. Его стиль считается образцом церковной риторики того времени.

28

Чекко д'Асколи, он же Франческо Стабили (1269–1327), — современник и друг Данте, автор поэмы «Горечь жизни», в которой он полемизировал с концепцией «Божественной комедии»; за свою поэму был сожжен на костре.

29

Жан-Этьен-Доменик Эскироль (1772–1840) — французский психиатр.

30

Чезаре Каваллери (р. 1936) — главный редактор (с 1965 г. по сей день) ежемесячного журнала «Католическая учеба» („Studi Cattolici“), тесно сотрудничающий с организацией „Opus Dei“.

31

«Бергамское эхо» (*ит.*) — бергамская газета; никакой связи с фамилией Эко здесь нет.

32

Имеется в виду Фома Аквинский.

33

Нам неизвестные (лат.).

34

В словах и делах (лат.).

35

«Сияние истины» (лат.) — энциклика Иоанна Павла II от 6 августа 1993 г., посвященная нравственным проблемам современного мира и роли в нем Католической церкви.

36

Равные условия (лат.).

37

Рональд Дворкин (р. 1931) — американский философ, специалист в области философии права.

38

Догоны — народность в Республике Мали. Тщательно разработанная космогоническая мифология догонов оказалась в XX в. предметом пристального интереса этнографов, а также уфологов и сторонников теории палеоконтактов с внеземными цивилизациями.

39

Сейчас издана отдельной книгой: *Valentina Pissanty. L'irritante questione delle camere a gas* («Раздражающий вопрос о газовых камерах»), Milano: Bompiani, 1998. (Прим. автора.)

40

Carlo Ginzburg. Il giudice e lo storico. Considerazioni in margine al processo Sotri («Судья и историк. Размышления на полях процесса Софри»). Torino: Einaudi, 1991. (Прим. автора.)

41

Адриано Софри (р. 1942) — в 1960-1970-е гг. лидер левацкой группировки «Борьба продолжается» („Lotta Continua“). В 1980-х гг. оставил политику и начал активно выступать в печати как публицист, писатель и историк. В январе 1997 г. после длительного многоступенчатого разбирательства был приговорен к 22 годам тюремного заключения как заказчик убийства комиссара полиции по фамилии Калабреззи, совершенного в мае 1972 г. Вместе с ним были осуждены Джорджо Пьетростефани (также как заказчик) и Овидио Бомпрессе (как непосредственный исполнитель). Процесс над Софри вызвал широчайший общественный резонанс. Многие видные политики и деятели культуры (также в молодости бывшие левыми) призывали помиловать его вне зависимости от юридической стороны дела. В июне 2005 г. тюремный режим Софри был значительно смягчен (он стал ходить в университет Пизы помогать разбирать архивы), а в январе 2006 г., в связи с ухудшением состояния здоровья, он был помилован.

42

Альдо Брайбанти (р. 1922) — поэт, переводчик (в частности, дневников Колумба), художник, музыкант, преподаватель по профессии, участник Сопротивления. Лето 1960 г. провел на озере Комо с 19-летним электри-

ком Пьеркарло Тоскани, два года спустя в Риме начал жить вместе с 18-летним Джованни Санфрателло, с которым познакомился за четыре года до этого. Санфрателло порвал со своей семьей (очень консервативной), и его отец в 1964 г. подал в суд на Брайбанти, уверяя, что его сын и второй юноша попали в «ментальное рабство» к изощренному интеллектуалу. В 1968 г. Брайбанти был осужден на 9 лет, которые потом были сокращены до шести и потом — до четырех. В 2005 г. Брайбанти была назначена пенсия от Евросоюза.

43

Sotto il nome di plagio («Под именем принуждения»). Milano: Bompiani, 1969. Книга (вышедшая вслед за серией статей, моих и чужих, появившихся в ходе процесса) содержала тексты Альберто Моравиа, Адольфо Гатти, Марио Гоццано, Чезаре Музатти, Джиневры Бомпиани. Если этой книги уже нет в продаже, мой текст (занимающий семь десятков страниц) можно найти в: *Il costume di casa* («Домашние обычаи»). Milano: Bompiani, 1973. (Прим. автора.)

44

Леонарда Чанчулли (1893–1949) — «Мыловарница из Корреджо», убившая в 1939–1940 гг. трех немолодых подруг, надеясь таким образом (с помощью человеческих жертв) спасти от гибели на войне своего сына.

45

Имеется в виду серийный убийца, орудовавший на виа Салария в Риме, где обычно собираются проститутки.

46

Ср.: *Patrizia Violi. I giornali dell'estrema sinistra («Левые газеты»)*. Milano: Garzanti, 1977. (Прим. автора.)

47

Читательской аудитории (англ.).

48

Джузеппе Пинелли (1928–1969) — железнодорожный рабочий, анархист. Вместе с другими анархистами был арестован 12 декабря 1969 г. после взрыва бомбы на площади Милана, унесшей жизни 16 человек. 15 декабря разбился насмерть, выпав из окна четвертого полицейского управления во время допроса. Официально это было признано самоубийством, но Луиджи Калабрези, один из допрашивавших, в 1971 г. находился под следствием — и был оправдан за недостатком улик.

49

Кому это выгодно? (лат.).

50

Учреждена в Париже Эли Визелем в 1992 г., находится под патронажем президента Франции, объединяет ряд нобелевских лауреатов в разных областях.

51

В 219 г. до н. э. Ганнибал, искавший повод для войны с Римом, занял после семимесячной осады союзный римлянам город-государство Сагунт (в нынешней Валенсии). Римляне, отвлеченные подавлением галльских мятежей, так и не решились прийти на помощь, однако на-

правили в Карфаген посольство, объявившее о начале войны, известной нам сейчас как Вторая Пуническая.

52

Джон Амери (1912–1945) — антикоммунист, сын министра британского Кабинета, уехавший в 1936 г. в Испанию к Франко, вел нацистскую радиопропаганду на Британию и предложил Гитлеру сформировать в Париже добровольческие части из пленных британцев.

53

Карл фон Клаузевиц (1780–1831) — знаменитый прусский генерал и теоретик военного дела, автор фундаментального труда «О войне».

54

Фурио Коломбо (р. 1931) — корреспондент «Республики» и «Стампы» в США, потом — президент FIAT USA, в 2001–2004 гг. — главный редактор газеты «Унита» в США. Сейчас — сенатор.

55

Гад Лернер (р. 1954) — итальянский журналист ливанско-еврейского происхождения, начинал карьеру в левацкой газете «Борьба продолжается» (см. колонку «Об одном процессе»), в течение непродолжительного времени — директор новостной службы телеканалов TG1 и Rai Uno.

56

Строка из канцоны Ф. Петрарки «Италия»

57

Из-за сильнейшего влияния Католической церкви развод в Италии юридически стал возможен только в 1970 г. В 1974 г. противники разводов добились проведения референдума за его отмену, но потерпели поражение — против отмены закона высказались 59 %. Аборты были разрешены в 1978 г.

58

23-24 октября 1917 г. итальянские войска потерпели сокрушительное поражение в сражении с немецкими и австро-венгерскими войсками под словенским городом Капоретто. Это название стало в итальянском языке нарицательным обозначением разгрома.

59

Социальная республика Италия, более известная как «Республика Салó (сентябрь 1943 — апрель 1945), — марionеточное государство, созданное Муссолини на севере Италии после того, как Рим был занят союзными войсками.

60

Джорджо Бокка (р. 1920) — виднейший итальянский журналист, автор нескольких книг по истории Италии времен фашизма и партизанского движения, «коллега» Эко по авторским колонкам в «Эспрессо».

61

Умберто Эко родился 5 января 1932 г.

62

Поход на Рим — марш 25 000 чернорубашечников из Неаполя в столицу Италии. Дойдя до Рима, они продефилировали перед королевским дворцом. «Поход на Рим» 28 октября 1922 г. был событием, символически утвердившим приход к власти Национальной фашистской партии. Уже 4 ноября того же года король Италии Виктор-Эммануил III назначил Бенито Муссолини главой правительства.

63

Балиллы — военизированная организация в фашистской Италии, объединявшая мальчиков от 8 до 14 лет, по сути и структуре очень близкая советской пионерской организации.

64

Сочинение дано в переводе Е. Костюкович. Эко включил его полный вариант в роман «Таинственное пламя царицы Лоаны».

65

Черный рыцарь (Il Cavaliere Nero) — прозвище Берлускони; *Красный инженер* (L'ingegnere Rosso) — прозвище известного своими левоцентристскими взглядами Карло Де Бенедетти, владельца концерна «Оливетти» и издательства «Мондадори», делового конкурента Берлускони.

66

Джанфранко Фини (р. 1952) — итальянский политик-неофашист.

67

Намек на завоевание муссолиниевской Италией Эфиопии (1936).

68

Франческо Рутелли — левоцентрист, многолетний политический соперник Берлускони. В декабре 1993 г. стал мэром Рима, победив на выборах Джанфранко Фини, верного соратника Берлускони.

69

В 1992 г., закончив артистическую карьеру (которой она была обязана в основном своей тетке Софи Лорен) и прежде чем начать политическую, Алессандра Муссолини (р. 1962) получила диплом хирурга.

70

В галерее Уффици 27 мая 1993 г. Четверо погибших. Считается, что это дело рук мафии.

71

Перед зданием сельскохозяйственного банка на пьядца Фонтана в центре Милана 12 декабря 1969 г. погибли 16 человек и были ранены 88.

72

Франческо Коссига (р. 1928) — премьер-министр Италии в 1979–1980 гг., президент Республики в 1985–1992 гг.

73

Лампедуза — итальянский курортный островок, лежащий посередине между Сицилией и Ливией; Бергамо расположен на севере страны, в предгорьях Альп.

74

Имеется в виду националистическая организация, выступающая против иммиграции из Африки и арабских стран.

75

Телешоу, в которых непрофессиональные артисты соревнуются друг с другом на глазах у публики, — причем у каждого из них две минуты, чтобы завоевать симпатии зрителей. Придумано популярнейшим телеведущим Коррадо Мантони (1924–1999), известным в Италии просто как Коррадо, в 1986 г. и с тех пор не сходит с телеэкранов.

76

Анаколуфа — стилистическая фигура, состоящая в неправильном грамматическом согласовании слов в предложении.

77

Витторио Каприоли (1921–1989) — телеактер и сценарист.

78

Альфредо Ариас (р. 1944) — французский драматург и режиссер аргентинского происхождения.

79

Гоффредо Мамели (1827–1849) — автор текста национального гимна Италии, принятого в 1946 г.

80

Эмилио Сальгари (1862–1911) — итальянский писатель XIX в., автор 1 приключенческих романов для подростков.

81

Витторио Де Сика (1901–1974) — известный итальянский актер и кинорежиссер.

82

Первая строка сонета Витторио Альфьери «К себе самому» (1794).

83

Ошарашенный, смятенный, несусветный, подвергать риску (*англ.*).

84

Уютный (*нем.*).

85

Разъяснять (*исп.*).

86

А именно (*фр.*).

87

Чужезыкогого (*греч.*).

88

Речь идет о последней строке хрестоматийного стихотворения Джакомо Леопарди «Бесконечность»: «И сладостно тонуть мне в этом море», пер. Анны Ахматовой.

89

Роберто Лонги (1890–1970) — критик, писавший о художнике Пьеро делла Франческа (1415/1420-1492).

90

Х. Л. Борхес. «Искусство оскорбления», пер. П. Скобцева.

91

Определение из «Малой медицинской энциклопедии».

92

Определение из «Словаря Брокгауза и Эфрона».

93

Лоуренс Петер (1919–1990) — канадско-американский психолог, методист. Сформулированный им в 1969 г. принцип гласит: «В любой иерархической структуре каждый работник рано или поздно занимает должность, соответствующую уровню его некомпетентности».

94

17 февраля 1992 г. в Милане был арестован президент фонда дома престарелых «Пио Альберго Тривульцио» Марио Кьеза; этот громкий скандал положил начало кампании по борьбе со сложившейся в Италии разветв-

ленной системой коррупции и «откатов», получившей название Tangentopoli, то есть «Взятополь».

95

RAI — крупнейшая итальянская телевизионная компания.

96

Бытие 2: 15–19.

97

Бытие в дословном значении (лат.).

98

«О народном красноречии», 1, IV, пер. А. Ф. Петровского.

99

Они (*англ.*).

100

Один, этот, тот самый (*англ.*).

101

Чемпионат мира 1994 г. проходил в США; указанный матч группы Е состоялся 23 июня и закончился победой итальянцев со счетом 1:0.

102

Глиняная флейта-свистулька. Сам Эко виртуозно играет на флейте.

103

Джорджо Айядзони (1947–1986) — итальянский «мебельный король», погибший в авиакатастрофе.

104

Бернардо Беллотто (1720–1780) — итальянский живописец, мастер «ведуты» — документально точного архитектурного пейзажа.

105

Джованни Антонио Каналетто (1697–1768) — итальянский пейзажист.

106

«Париж, город света», «Как ты прекрасен, Рим», «Нью-Йорк» (*фр., ит., англ.*).

107

«Буэнос-Айрес любимый» (*исп.*) — строка из знаменитого танго.

108

Речь идет о патриархе итальянской экономики банкире Энрико Куччье (1907–2000).

109

Новый век (*англ.*) — социальное и культурное движение конца XX в., предполагающее создание глобального мировоззрения, эклектически соединяющего науку, религию, разные оккультные течения и индивидуальный личностный опыт.

110

Умывание короля (*франц.*). Имеется в виду Людовик XIV.

111

Законы о существенном смягчении наказания для обвиняемых, сотрудничающих со следствием, были приняты в Италии в 1992 г. в рамках ужесточения борьбы с мафией (*прим. автора.*).

112

Публично (*лат.*).

113

Знаменитое кабаре в Париже.

114

Даниэль Желен (1921–2002) — французский актер и сценарист.

115

Амбра Анджолини (р. 1977) — итальянская «дива»: актриса, певица, ведущая радио- и телепередач.

116

Франтоккье — городок в области Лацио, где расположена школа Компартии Италии.

117

Франческа Бертини (Елена Сарачени Вителло, 1892–1985) — итальянская актриса немого кино.

118

Клодетт Кольбер (1903–1996) — звезда Голливуда 1930-1940-х гг.

119

Эмилио Гионе (1872–1930) — итальянский актер и режиссер немого кино.

120

Строка из «Божественной комедии» Данте Алигьери («Рай», песнь 33), пер. М. Лозинского.

121

Туллио де Мауро (р. 1932) — известный итальянский лингвист, преподаватель различных университетов.

122

Торквато Аччетто (1590/1598-1640) — итальянский философ и писатель, автор трактата «О честном при творстве».

123

Джанфранко Контини (1912–1990) — итальянский филолог, литературный критик, историк литературы, один из ведущих представителей так называемой «стилистической критики», или «критики вариантов», основанной на скрупулезном изучении рукописей и различных изданий произведения.

124

Эудженио Монтале (1896–1981) — известный итальянский поэт, представитель герметизма.

125

«Всеобщая гармония» (*фр.*) — труд французского математика и философа Марена Мерсенна (1588–1648).

126

«Антропоглоттония, или Происхождение человеческого языка» (*лат.*).

127

«О тенях идей» (*лат.*) — книга Джордано Бруно (1548–1600).

128

CICAP (Comitato Italiano per il Controllo delle Affermazioni sul Paranormale) — «Итальянский комитет по контролю за паранормальными явлениями», создан в 1989 г. Входит в европейский «Совет скептических организаций» (European Council of Sceptical Organizations). Российское отделение этого Совета носит название «Здравый смысл».

129

Хорошо продававшиеся (*англ.*).

130

„I reali di Francia“ — роман-хроника, написанная и скомпилированная Андреа ди Барберино (ок. 1370 — ок. 1431).

131

Хорошо продающиеся (*англ.*).

132

Хорошо продаваемые (*англ.*).

133

Желающие могут убедиться в этом на странице <http://web.micronet.it/italian/mariobiondi/motori/divina.html>, где реализован полнотекстовый поиск по всему тексту «Комедии». В русском переводе М. Лозинского на слово «ответ» в разных падежных формах оканчиваются 32 строки, не считая форм глагола «ответить» (подсчет осуществлен на сайте lib.ru с помощью полнотекстового поиска браузера Mozilla Firefox).

134

Книга была опубликована в московском издательстве «Гнозис» в предыдущем, 1992 г. и действительно оказалась последней прижизненной книгой Ю. М. Лотмана.

135

Эта апология была вдохновлена беседой с другом, который на самом деле пишет прекрасные романы. Но мне понадобился мальчик для битья, чтобы закончить эту «картонку» (*прим. автора*).

136

Фернандо Ботеро (р. 1932) — колумбийский художник и скульптор, изображающий человеческие фигуры гротескно толстыми и заплывшими жиром.

137

Казнь каждого десятого (*историч.*).

138

«Макинтош» против DOS (*спец. англ.*).

139

План обучения (*лат.*).

140

Франко Фортини (1917–1994) — итальянский поэт, критик, эссеист.

141

Во внутреннем человеке (*лат.*). Имеется виду изречение св. Августина: «Не стремись наружу; правда обретается во внутреннем человеке».

142

Картинка — письменность мирян (*лат.*).

143

Жан-Франсуа Шампольон (1790–1832) — французский лингвист, первым расшифровавший египетские иероглифы.

144

Что видишь, то твое (*англ.*).

145

Дерьмо вошло, дерьмо и вышло (*англ.*).

146

Гормон, регулирующий циклы сна и бодрствования. Применяется, чтобы сгладить эффект перелета через много временных поясов (jet-lag).

147

Встроенное упорядоченное знание (*англ.*).

148

Пролистать, перейти (*англ.*).

149

Портативное приспособление для кратких секретных записей с возможностью их стирания (*англ.*).

150

Немецкие железные дороги.

151

Маленький городок недалеко от Салерно.

152

Город в Тоскане, т. е. гораздо ближе к Лондону, чем Неаполь.

153

Центральный вокзал Рима и, соответственно, Италии.

154

Французский городок Лизье получил известность как родина святой монахини Терезы (1873–1897).

155

Отсылка к роману Мориса Декобра (1885–1973) «Мадонна спальных вагонов».

156

В «Пармской обители».

157

Начало знаменитой патриотической канцоны СХХVIII Ф. Петрарки, пер. Е. Солоновича.

158

Вальтер Арманини — советник Миланской городской управы, первый итальянский политик, осужденный в ходе скандала, известного под названием «Взяткополь»; за крупную взятку, полученную за предоставление строительного подряда, был присужден к 5 годам и 7 месяцам тюремного заключения; после приговора бежал из Италии.

159

Луиджи Манкони (р. 1948) — итальянский социолог, журналист, политический деятель.

160

Антонио ди Пьетро (р. 1950) — миланский судья, ключевая фигура процессов по «Взяткополю».

161

Сальваторе Риина (*Тото*, р. 1930) — один из видных членов сицилийской мафии, на счету у которого множество убийств.

162

Рина (Катарина) Форт (1915–1988) в 1944 г. убила жену и троих детей своего любовника, была осуждена на смертную казнь, но помилована.

163

Крошечный городок в Пьемонте с населением в 130 человек.

164

Нанни Балестрини (р. 1935) — итальянский писатель и поэт, друг Умберто Эко.

165

«Увидев *то*, Иисус вознегодовал и сказал им: пустите детей приходить ко Мне и не препятствуйте им, ибо таковых есть Царствие Божие» (Мк, 10:14).

166

О. Дж. Симпсон — звезда американского футбола, потом актер. В 1994 г. были убиты ножом его бывшая жена и ее друг; Симпсон был обвинен в этом убийстве, но оправдан после длительного судебного разбирательства, в ходе которого полицейских и свидетелей пытались уличить в расистских предрассудках, предвзятом отношении, фальсификации улик и т. п. Процесс Симпсона тоже транслировали по телевидению.

167

«Режь, режь, режь, снова режь, спасайся» (*англ.*).

168

Бенедетто (Беттино) Кракси (1934–2000) — видный итальянский политик, председатель Совета министров с 1983 по 1987 г., тоже обвиненный в коррупции и потерявший доверие избирателей (когда в 1993 г. он в очередной раз выставил свою кандидатуру в парламент, толпа демонстрантов подстерегла его у дверей отеля в Риме и забросала мелкими монетками).

169

Серджо Кузани (р. 1949) — итальянский промышленник, обвиненный в даче особо крупной взятки в процессе продажи предприятия, был осужден на 5 лет и 6 месяцев, отсидел 4 года.

170

Вариации И. С. Баха для клавесина, опубликованные в 1741 г., названы в честь Иоганна Готлиба Гольдберга, их первого исполнителя.

171

Центр исследований общественного мнения (Centro Studi Investimenti Sociali).

172

Пьер Фердинандо Казини (р. 1955) — итальянский политик, председатель Палаты депутатов в 2001–2006 гг.

173

Романо Проди (р. 1939) — видный итальянский политик, премьер-министр (1996–1998, 2006–2008), президент Европейской комиссии (1999–2004).

174

Перечислены имена знаменитых фотографов.

175

Джованни Гроски (1887–1978) — четвертый президент Итальянской республики (1955–1962).

176

Итальянский национальный праздник, День Республики.

177

Карло Рипа ди Меана (р. 1929) — итальянский политик, глава партии Зеленых.

178

Звериным образом (*лат.*).

179

Лиофилизация — усиление взаимодействия поверхности тела с окружающей средой.

180

«Желтый» журнал, где публикуются подробности частной жизни знаменитостей.

181

Жан Франсуа Милле (1814–1875) — французский живописец и график, автор знаменитой картины «Анжелюс (Вечерний звон)», 1859.

182

Местечко в провинции Комо, где 27 апреля 1945 г. был схвачен Муссолини и его сподвижники; при этом партизаны захватили много ценностей и денег, которые поступили в кассу Коммунистической партии; выражение «золото Донго» — аналог нашему «золоту партии».

183

Джулио Андреотти (р. 1919) — итальянский политик, писатель и журналист; член итальянского парламента с момента основания Республики (1946); семь раз занимал должность премьер-министра Италии, восемь раз был министром обороны, пять раз — министром иностранных дел.

184

Альдо Моро (1916–1978) — итальянский политик, глава Христианско-демократической партии, пять раз был председателем Совета министров. Похищен и убит террористами из «красных бригад».

185

Проб и ошибок (*англ.*).

186

Маурицио Блондет (р. 1944) — итальянский журналист и писатель католической ориентации.

187

Рино Камиллери (р. 1950) — итальянский писатель, журналист, библиофил.

188

Джозуэ Кардуччи (1835–1907) — крупный итальянский поэт, лауреат Нобелевской премии по литературе (1900), автор патриотических од; здесь имеется в виду «Гимн Сатане», где Люцифер отождествляется с научно-техническим прогрессом и олицетворяется в образе паровоза.

189

Игра, придуманная самим Эко, состоящая в смешении названий произведений и имен и фамилий авторов (по типу: Лев Михайлович Толстоевский, Анна Карамазова или «Братья Каренины»).

190

Дзандзаверата (тосканск.) — горячее мясное блюдо с имбирем, приготовляемое по принципу «мечи, что есть в печи», в переносном значении — «всякая всячина». «Дзандзаверата из свиных ножек» — начало сонета поэта (и цирюльника) Буркьяелло (Доменико ди Джованни, 1404–1449).

191

То есть Библии, переведенной на национальный (немецкий) язык.

192

Туллио Кезик (р. 1928) — итальянский журналист, главный редактор журнала «Чинема нуово» («Новое кино»); режиссер, драматург, киносценарист и писатель.

193

Ренцо Арборе (р. 1937) — итальянский певец, режиссер, актер, шоумен.

194

Тото — псевдоним Антонио Де Куртиса (1898–1967), гениального артиста кино и театра.

195

Чезаре Сегре (р. 1928) — итальянский филолог и литературный критик.

196

Кларабелла — персонаж комикса «Клад коровы Кларабеллы». Подробне о ем см. в романе Эко «Таинственное пламя царицы Лоаны».

197

Джузеппе Унгаретти (1888–1970) — крупный итальянский поэт, представитель герметизма.

198

Роберто Котронео (р. 1961) — итальянский журналист, писатель, литературный критик.

199

Сальваторе Квазимодо (1901–1968) — известный итальянский поэт-герметик.

200

Винченцо Кардарелли (1887–1959) — итальянский поэт и писатель, последователь Бодлера, Ницше, Леопарди.

201

Существующая с 1890 г. туринская компания по торговле коллекционными марками, монетами и т. д.

202

Фонтан в Риме, сооружен в 1587 г.

203

Намек на итальянских футуристов, набрасывавшихся с молотками на античные статуи и т. п.

204

Пеллегрини Артузи (1820–1911) — литературный критик, более известный как автор знаменитой кулинарной книги «Кухонная наука, или Искусство хорошо поесть» (1891), выдержавшей много переизданий и считающейся классической.

205

Джованни Берше (1783–1851) — итальянский романтический поэт, автор патриотических од.

206

Анализируя новеллу Жерара Нерваля, Эко перевел ее на итальянский язык, о чем подробно рассказал в книге «Сказать почти то же самое» (русское издание — «Симпозиум», 2006).

207

Город в Калабрии, где Иоахим Мюрат, неаполитанский король, сподвижник Наполеона, был заточен в крепость, а впоследствии приговорен к смертной казни; там же, в церкви Сан-Джорджо, находится его гробница.

208

Ответ на эти вопросы можно найти в книге У. Эко «Шесть прогулок в литературных лесах».

209

Чарльз Линкольн Ван Дорен (р. 1926) — американский ученый, писатель, издатель, которого до сих пор помнят как участника викторин с подтасованными результатами, скандал по поводу которых разразился в 1950-е гг. Он сам признался перед Конгрессом США, что устроители популярного шоу «Двадцать один» дали ему перед передачей список вопросов с правильными ответами.

210

«О многодерьмовости немецкой нации» (*фр.*) Poly-chésie — неологизм от нем. Scheiße — «дерьмо».

211

Речь идет о знаменитой в свое время книге-пародии на высокоученые комментарии к античным авторам.

212

«Обидные отказы» (*англ.*).

213

Я, разумеется, жду в скором времени письма от читателя, изумленного, как это я не знаю Риппинджила, и ссылающегося на какой-нибудь антикварный том, в котором об этом деятеле подробно рассказывается; так что мы наконец узнаем, по какой причине Рембрандт не стоит ломаного гроша (*прим. автора*).

214

Эко или составитель цитируемой им антологии лукавит. Понятно, что нечетный 1967 год никак не может быть високосным. Точная цитата из книги Рекса Стаута «Смерть содержанки» звучит так: «Сознаюсь, что в субботу, 29 января 1966 года, я ударил пепельницей по голове свою свояченицу, Изабель Керр, и убил ее» (пер А. Санина).

215

Ямайка Кинкейд (р. 25 мая 1949) — американская романистка родом с Антигуа.

216

Первая фраза романа гласит: «В первый понедельник апреля 1625 года все население городка Мента, где некогда родился автор „Романа о розе“, казалось взволнованным так, словно гугеноты собирались превратить его во вторую Ла-Рошель».

217

Бенедетто Кроче (1866–1952) — критик, историк искусства и философ, активно занимался политической деятельностью всего несколько лет, выступая посредником

между политическими силами в период образования Итальянской республики (1943–1946).

218

Джанни Ваттимо (р. 1936) — итальянский политик и философ левой ориентации, в 2005 г. баллотировался в мэры небольшого городка в своей родной Калабрии, протестуя таким образом, по его собственному заявлению, против «интеллектуальной деградации» властей.

219

Фердинандо Адорнато (р. 1954) — итальянский политик, один из лидеров правой партии «Форца Италия».

220

Жюльен Бенда (1867–1956) — французский философ и писатель. Речь идет о его известном в свое время эссе «Предательство клерков» (1927).

221

В 1951 г. писатель Элио Витторини опубликовал в газете «Стампа» статью, в которой темпераментно объяснял причины выхода из итальянской компартии многих писателей и свой собственный.

222

Себастьяно Вассали (р. 1941) — итальянский писатель, в 1970-1980-е годы — рьяный авангардист.

223

Анджело Гульельми (р. 1929) — литературный критик, сооснователь (вместе с Сангвинетти и самим Эко) «Группы 63». С 1984 по 1997 г. возглавлял телеканал RAI

З, сумел существенно поднять его рейтинг, вводя новаторские передачи (в частности — «реалити-шоу»).

224

Афоризм Бертольда Брехта.

225

Жак Аттали — советник президента Франции в 1981–1991 гг., президент Европейского банка реконструкции и развития в 1991–1993 гг.

226

«Обвиняю» (*фр.*) — ставший нарицательным заголовок открытого письма Эмиля Золя президенту Форю (1898), с которого началась общественная кампания в защиту офицера французского генерального штаба Альфреда Дрейфуса, несправедливо осужденного в 1894 г. на пожизненную каторгу за шпионаж в пользу Германии, причем одним из основных «аргументов» якобы совершенного Дрейфусом предательства стало его еврейское происхождение.

227

«Остров накануне» (1994).

228

Алессандро Алеотти (*Дж. Экс*) (р. 1972) — итальянский рэп-, затем рок-музыкант; название его группы намекает на 31-ю статью конституции Ирландии о свободе выражения.

229

Пьетро Аннигони (1910–1988) — всемирно известный итальянский портретист, писавший в традиционной манере, автор портретов королевы Елизаветы II (который был тиражирован на банкнотах, имевших хождение в британских колониях), папы Иоанна XXIII и других выдающихся деятелей.

230

Исх. 6:2–9:35.

231

Ин. 20:20.

232

Американский боксер Кассиус Клей принял ислам и новое имя — Мохаммед Али. Ибн Сина и Авиценна — разные варианты транскрипции в европейских языках имени великого персидского философа и целителя (980-1037).

233

Питер Гринуэй (р. 1942) — английский кинорежиссер.

234

Опера Филипа Гласса, поставленная Робертом Уилсоном, длится без перерыва примерно 5 часов.

235

Роберто Вентури (р. 1925) — знаменитый практик и теоретик архитектурного модернизма.

236

Название хрестоматийного стихотворения футуриста Альдо Палаццески (1885–1974).

237

Душещипательная повесть для подростков итальянского писателя Эдмондо Де Амичиса (1846–1908).

238

Имеется в виду рассказ Х. Л. Борхеса «Алеф».

239

Якоб Бёме (1575–1624) — немецкий философ-пантеист и мистик. Эко описывает его первое мистическое озарение.

240

Серджо Леоне (1929–1989) — итальянский кинорежиссер, создатель итальянского варианта вестерна, известного под названием «спагетти-вестерн».

241

Человек, берущийся за любую работу (*фр.*).

242

Здесь и далее обыгрывается детская считалочка: «Амба-раба-чичи-коко,/Три совы на комодe/Занимались любовью/С дочкой доктора,/Доктору стало дурно,/Амба-раба-чичи-коко».

243

Имеется в виду роман «Леопард» итальянского писателя Джузеппе Томази ди Лампедузы (1896–1957).

244

Андреотти судили за связь с мафией.

245

Реально существующая National Rifle Association.

246

II Поправка к Конституции США, принятая в 1791 г., гласит: «Поскольку надлежащим образом организованная милиция необходима для безопасности свободного государства, право народа хранить и носить оружие не должно ограничиваться».

247

Переводчик выражает признательность И. И. Маханькову за помощь, оказанную при работе над этой колонкой.

248

Прием, обратный гиперболе, преуменьшение («мужичок-с-ноготок»).

249

Марселино Менендес-и-Пелайо (1856–1912) — испанский литературовед, представитель культурно-исторической школы в литературоведении.

250

Строка из программного стихотворения Леопарди «Дрок».

251

Первая строка канцоны Лоренцо Медичи Великолепного (1449–1492) «Триумф Вакха и Венеры».

252

«Приуготовление души к размышлениям» (*лат.*).

253

Мир стареет (*лат.*).

254

Молодость стареет (*лат.*).

255

Марвин Мински (р. 1927) — основатель лаборатории искусственного интеллекта в Массачусетском технологическом институте.

256

Джорджо делл'Арте (р. 1945) — известный итальянский журналист.

257

Овца *Долли*, родившаяся 5 июля 1996 г. в Великобритании, — первое клонированное млекопитающее.

258

Валерия Марини (р. 1967) — итальянская актриса, стилистка, топ-модель.

259

Пино Раути (Джузеппе Умберто, р. 1926) — итальянский политик и журналист крайне правых убеждений, создатель неофашистской партии, подозревается в пособничестве террористам.

260

Берта Елена Амалия Рифеншталь (1902–2003) — немецкая актриса и режиссер, создательница пропагандистских фильмов, восхваляющих идеологию нацизма.

261

Партенопейская республика — так (по древнему названию Неаполя — Партенопея) назвалась республика, провозглашенная после свержения испанских Бурбонов в королевстве обеих Сицилий войсками французской Директории в 1799 г. и просуществовавшая меньше полугода.

262

Имя «Скандерберг» отсылает к Георгию Кастриоте, албанскому христианину, который в XV в. служил у турок под именем Искандер-Бея (Скандерберга). Позже он вновь перешел в христианство и возглавил борьбу албанцев против турок.

263

Умберто Босси (р. 1941) — эксцентричный ультраправый политик, лидер сепаратистской «Северной лиги», ратующей за отделение «передового» севера Италии (к северу от реки По) от «отсталого» юга и образование независимого государства, для которого они уже подобрали название — Республика Падания.

264

Использовано имя персидского астронома и математика IX века.

265

Горная область на северо-востоке Италии, граничащая со Швейцарией.

266

Кебет — оппонент Сократа в диалоге Платона «Федон».

267

Для политкорректности можно добавить, что этот последний мудака может быть и женского пола (*прим. автора*).